

Евгений Яковлевич Гуляковский

Сезон туманов

Сезон туманов – 1

Аннотация

Роман писателя Евгения Гуляковского посвящен освоению дальнего космоса. Инспектор внеземных поселений Ротанов сталкивается с загадочными проявлениями разумной жизни на малоисследованных планетах. Труден и опасен путь Ротанова к тайнам неизвестного мира.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БЕЛЫЕ КОЛОКОЛА РЕАНЫ

1

Колония расположилась в долине Трескучих Шаров. Только раз в восемь лет набирали силу для цветения эти странные растения. Раз в сезон наполнялись соком их могучие стебли, несущие на шестиметровых венчиках огромные мятые баллоны спороносов, и тогда без маски нельзя было выйти из коттеджа. Одурачивающий запах непостижимым образом проникал сквозь биологическую защиту и сложную систему химических фильтров. В такие ночи Дубров плохо спал. Не помогала даже система аутогенной тренировки. Пронзительный тревожный запах забирался в его сны и звал из коттеджа в долину, туда, где ветер, разогнавшись в ущелье, сталкивал друг с другом огромные белые погремушки. Ему снилось, что это звонят колокола его далекой родины. Белые колокола.

Высоко в небе Реаны прочертила свой след падучая звезда. Она летела медленно, роняя колющие искры, словно капли голубой воды. Дуброву казалось, что он видит звезду сквозь плотно сжатые веки и потолок коттеджа. Галлюцинации в период цветения шаров обладали резкой убедительной силой, к тому же они всегда имели прямую связь с реально происходящими событиями.

Дубров рывком поднялся с постели и нащупал выключатель рации. В шестом квадрате чуткие усики локаторов нащупали ракетную шлюпку... Дубров вздрогнул и, не поверив себе, сравнил цифры, появившиеся на информационном табло, с данными компьютера. Ошибка исключалась. Это был все-таки ракетный шлюп. Радиограмма достигла Земли поразительно быстро. Из этого следовало сразу три вещи. Во-первых, его немедленно отстранят от должности. Во-вторых, в ближайшие дни он навсегда покинет Реану, а следовательно, никогда больше не увидится с Вельдой. Было еще и в-третьих... В-третьих, означало, что загадка Трескучих Шаров никогда не будет разгадана. Любому человеку для того, чтобы подойти к решению так близко, как это удалось сделать ему, потребуется не меньше восьми лет. Сезон цветения шаров кончится через два месяца, а до следующего сезона колония на Реане наверняка будет свернута.

Инспектор внеземных поселений был сух, официален и почти скупен. На его острых скулах выступила рыжая щетина, и Дубров неприязненно подумал, что для инспектора Реана — всего лишь глухая провинция.

В руках инспектор вертел маленький серебряный карандаш. Дубров пристально следил за мельканием блестящей палочки, стараясь взять себя в руки и подавить неуместное сейчас раздражение.

— Вам известно правило, запрещающее контакт с биоценозом чужих планет?

— Я знаю наизусть тридцать второй параграф колониальной инструкции.

— Прекрасно. — Инспектор устало растер виски. — В таком случае я хотел бы выслушать, чем вы руководствовались, нарушив его.

— Вряд ли вы меня поймете. Для того чтобы понять, нужно прожить здесь лет десять. Параграф нарушен. Я согласен принять на себя всю ответственность, разве этого не достаточно?

— Мне необходимо знать мотивы, которыми вы руководствовались. Не всегда инструкция отражает объективные условия конкретной планеты. В таком случае, если доводы обоснованны, мы изменяем инструкцию. Итак, ваши мотивы?

Дуброву стало скучно. Разговор потерял смысл. Мотивы... Как будто он мог рассказать об этом, как будто это можно было понять, не испытав самому.

— Масло трескучек не наркотик. — Он произнес это тихо и убежденно, не надеясь, что ему поверят.

Ротанов закончил расследование поздно вечером. Он сложил кристаллограммы с записью показаний очевидцев в сейф, выключил автоматического секретаря и прошел в тамбур. Загорелось табло с надписью: «Наденьте маску». Противный привкус ментола, пробившись через мундштук, вызвал у него легкий приступ тошноты. Двойная дверь со скрипом ушла в сторону, и ой шагнул на тропинку, ведущую к коттеджу совета старейшин. Ему предстоял еще один неприятный разговор. Он прошел через площадку, сплошь забитую зеленой ботвой огурцов и редиса. Земные овощи легко освоились с непривычной почвой. В этой долине все росло удивительно бурно, хотя остальная поверхность планеты представляла собой бесплодную пустыню. Собственно, именно этот фактор определил судьбу колонии. Десять лет люди топтались в долине трескучек, так и не сумев сделать ни одного шага наружу. Резервация — вот что это такое. Резервация, не имеющая никаких перспектив, к тому же слишком дорогая. Ротанов остановился и зачерпнул из-под ног горсть сухой голубоватой пыли. Смесь песка и глины. Такая же, как в пустыне. Ничем она от нее не отличается, ну абсолютно ничем. Анализ делали по крайней мере раз десять, и вот, поди ж ты, растения здесь растут как на дрожжах, стоит лишь дать им немного воды и минеральных удобрений, а в пустыне они не растут... Ротанов пропустил сквозь пальцы сухую струйку песка и задумался. Ему не хотелось идти к коттеджу старейшин, ему не хотелось выполнять такую очевидную и необходимую миссию. Все дело в том, что это на Земле казалась она такой уж очевидной и необходимой. На Земле, а не здесь.

Они собрались в тесной комнате все четверо. Троице было не больше сорока, и только Крамов мог похвастаться седыми висками.

В дальних колониях срок человеческой жизни отмеряют иные, чем на Земле, факторы. И, подумав об этих украденных у них годах жизни, Ротанов обрел наконец необходимую твердость.

— Я должен сообщить вам решение Главного Космического Совета. Поселение на Реане решено ликвидировать.

Собственно, это было его решение. Для того и существовали инспектора внеземных поселений. Совет не мог оценить всех местных факторов, и последнее слово всегда оставалось за инспектором. Почему-то он не мог сказать им прямо в глаза: «Я решил». Он даже понимал почему. Хотя они ждали от него именно этих слов, готовились к ним, он сразу увидел, как замкнулись, посуровели их лица, резче обозначились скулы. Так уж устроен человек, вложив в кусок чужого пространства годы своего труда, надежды и планы, он превращает это пространство в дом, в маленький кусочек родной планеты, и чем труднее дается борьба за этот клочок земли, тем он ему дороже, и ничего с этим не сделать, за сотни лет ничего не изменилось... Но освоение далеких, не приспособленных к жизни планет обходится слишком дорого. Развитие таких вот оторванных от человечества маленьких колоний чаще всего проходит неблагополучно. На Реане смертность превысила рождаемость, колония с каждым годом уменьшается, попросту вымирает, и он обязан увести их отсюда. Им уже подготовлено место для нового поселения на Регосе. И, понимая все это, он все же отвел взгляд в сторону, прикрыл свое решение именем Главного Совета и теперь слушал их ледяное молчание, в котором ворочались тяжелые, как валуны, возражения и даже обвинения в адрес совета и в его собственный адрес. Он не сомневался, что через минуту они соберутся с мыслями и все ему выскажут. Что совет далеко, что он не понимает, что это лишь временное отступление, что они собирают данные, анализируют причины. Что годы изучения и освоения планеты не прошли даром, что именно сейчас они готовятся к решающему броску... Все это он уже слышал. Чтобы опровергнуть все их доводы, достаточно простого компьютерного расчета, и все же он чувствовал себя виноватым, словно это он сорок лет назад послал их на Реану, словно это по его вине десять лет они ломались сквозь пространство к своему малоисследованному, новому дому, открытому автоматическим зондом. Но раз ему дано право принимать решения, то вместе с этим нелегким правом на человека автоматически ложится и все бремя ответственности за прежние ошибки, совершенные другими и породившие в конце концов условия, приведшие к сегодняшнему нелегкому разговору.

Первым поднялся председатель совета старейшин Крамов и молча положил перед Ротановым пачку фотографий.

— Что это?

— Развалины.

— Что, что? — не поверил Ротанов.

— Развалины. Остатки кладки. Очень древние, не меньше десяти тысяч лет.

Ротанов разложил перед собой пачку так, как раскладывают пасьянс. Это уже третья находка. Остатки стен, где ничего не сохранилось, кроме этих древних камней. Нельзя будет даже установить, что это такое. Скорее всего и здесь был лагерь какой-то чужой экспедиции. Если бы на Реане была своя древняя и вымершая цивилизация, она бы оставила больше следов, Ротанов задумчиво перекладывал фотографии и не спешил с ответом, понимая, что теперь у Крамова появились основания требовать от совета исследовательской экспедиции, что до ее завершения колонию сворачивать нецелесообразно... Вряд ли совет санкционирует такую экспедицию. От развалин почти ничего не осталось, к тому же это не первая находка, две другие так ничего и не прояснили, хотя там было потрачено впустую много сил. Тысячелетия назад кто-то строил в космосе эти стены из камня, строил на разных планетах — вот все, что они узнали об этих развалинах.

— Археология за десять светолет — для нас это сейчас дороговато, может быть, в

будущем...

— А мне кажется, я понимаю, в чем тут дело! — перебил его самый молодой из членов совета старейшин, геолог Мирон.

— Да? — заинтересованно спросил Ротанов.

— Совет не хочет поддерживать поселения на дальних планетах, потому что в своем развитии они выбирают самостоятельный путь, слишком независимый от Земли!

— Хорошо, — неожиданно для себя согласился Ротанов. — Я посмотрю эти развалины. Если окажется, что они представляют интерес, я буду голосовать в совете за исследовательскую экспедицию. — В глубине души он был уверен, что это бессмысленная затяжка времени, что он все равно не отступит от первоначального решения. Когда все стали расходиться, он задержал Крамова.

— Я хотел бы знать ваше мнение в этой истории с Дубровым. Он утверждает, что сок трескучек не содержит наркотических веществ. Образцы сока исследовали лучшие лаборатории Земли. Результат исследования мы вам сообщали... — Крамов задумчиво покачал головой.

— Тут все не так просто. Полностью законсервировать сок не удастся, он начинает изменяться уже через несколько минут после того, как его извлекут из плодов трескучки. В нем происходят сложные химические реакции, а уж через год... Одним словом, Земля исследовала не сок трескучек, а то, что от него остается. Какие-то кислоты образовались, какие-то эфиры разрушились — словом, здесь он совсем другой, и его действие на человеческую психику очень сложно, гораздо сложнее простого наркотика. К тому же, учтите, к наркотику надо привыкнуть, только тогда появится побудительный стимул для его приема. У нас все получается наоборот. Как вы знаете из наших отчетов, два человека уже погибли, попробовав сок трескучки. И все же нашелся третий... Я не знаю, почему он выжил и что теперь с ним будет. А тем более, я не знаю, почему он это сделал... На Земле вам все кажется проще, чем оно есть на самом деле.

— Возможно, вы правы... — Ротанов задумчиво катал маленький бумажный шарик. — Но здесь может быть и другое объяснение, ведь Дубров работал с трескучками, как и те двое?

— Да, конечно.

— В таком случае можно предположить, что наркотик действовал постепенно, малыми дозами проникая через фильтры вместе с запахом. Он накопился в организме в достаточном количестве, и родилось острое желание попробовать его в большой дозе...

— Вместе с ним над трескучками работало еще человек десять, и только один из них... — Ротанов пожал плечами.

— Возможно, у них лучше работали фильтры.

Они надолго замолчали. Крамов нервно комкал пластиковую скатерть на столе.

— Что вы собираетесь с ним делать?

— Полная изоляция и жесткий карантин не менее года в лучших клиниках Земли.

— Он может не согласиться.

— Даже в том случае, если работы здесь будут свернуты? Ведь без карантина возврат на Землю для него исключен.

— Даже в этом случае.

— Я не думаю, что у него останется право на свободу поступков. В случае повреждения психики человек может быть лишен такого права.

— Это жестоко, Ротанов.

— Я обязан думать прежде всего о безопасности всех остальных. Вместе с соком трескучки он мог заразиться каким-нибудь неизвестным вирусом, воздействие чужих биогенов на человеческий организм непредсказуемо. В конце концов, он может стать попросту опасен. И потом мы должны выяснить, как действует на человека сок этих проклятых растений! Хотя это мы увезем отсюда...

— Слишком дорогую цену вы готовы заплатить. Но я думаю, у вас ничего не

получится.

— Уж не вы ли мне мешаете?

— Нет. Но я предупредил — все гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда. Когда вы намерены осмотреть развалины?

— Завтра на рассвете. Приготовьте вездеход.

— Вы знакомы с археологией?

— Кладку рэнитов я узнаю! — уже не скрывая раздражения, ответил Ротанов.

— Хорошо. Я распоряжусь насчет вездехода. За вами зайдет Нита и проводит в приготовленный для вас коттедж.

— Я мог бы остаться здесь. Все коттеджи стандартны.

— Как хотите.

Глухая тоска навалилась на Ротанова сразу же, как только за Крамовым захлопнулась тяжелая двойная дверь наружного тамбура. Ну почему он вынужден натягивать на себя непробиваемую носорожью шкуру в разговоре с этими отличными ребятами? Что за проклятая должность! И ведь нельзя иначе. Прежде всего он обязан быть объективен. Любые эмоции, личные симпатии — все это не должно вмешиваться в его работу. Тоска от этих рассуждений не стада меньше. Он знал, что никто к нему не придет, даже эта симпатичная девушка Нита, которую наверняка попросили быть к нему предельно внимательной. В конце концов, долг вежливости они выполнили, параграф соблюден, хоть в этом они имеют право быть с ним на равных.

Оборотной стороной его работы было полное одиночество и отчуждение во всех инспекционных поездках. Он привык к этому и не ждал ничего другого.

Дубров вышел из коттеджа часа в два. С минуту он стоял на пороге, вслушиваясь в ночные шорохи. То, на что он решился, делало для него одинаково опасным и людей, и все остальное. Он не смог бы подобрать более точного определения для этого «остального». Определения попросту не существовало в человеческом языке. Осматривая лагерь, скупое освещенный ночными фонарями, он еще раз проверил поклажу в своем рюкзаке. Здесь были мощный и легкий фонарь, нож, веревка, винтовой пресс, герметический пузырек. На поясе у него болтался тяжелый футляр с излучателем. Дубров проверил заряд, искренне надеясь, что ему не придется пользоваться излучателем. Вообще говоря, на Реане не было животных, вот только в период цветения шаров это оказывалось не совсем верным...

Вечером в своем коттедже он слышал разговор старейшин с Ротановым так отчетливо, словно в их комнате стоял передатчик. С ним это уже бывало, и он знал, что слуховые галлюцинации скорей всего соответствуют истине. Во всякое случае, рисковать он не мог. Времени у него оставалось очень мало. Только до рассвета, часов шесть, не больше.

Поселок колонии располагался у самого края речной долины. Поля и огороды врезались в заросли трескучек, отняв у них порядочный кусок плодородной почвы.

«Словно мы у себя дома, — подумал Дубров. — Словно это лес, который можно корчевать... Но только это не лес». Он сплюнул в песок, растер сапогом пыль, еще раз проверил фильтры и только теперь натянул маску. Снизу пробрался ветер. Большой мягкой лапой он прошелестел в проводах, поднял с тропинки блеснувшее в лучах фонаря облачко пыли и умчался за изгородь к холмам, на которых росли трескучки. Почти сразу же оттуда донесся оглушительный хлопок, словно кто-то взорвал там петарду.

«Началось», — сквозь зубы проворчал Дубров и поежился. Он понял, что если немедленно не уйдет, то скорей всего вернется обратно в коттедж, решимость его улетучивалась как дым. Он вспомнил серебряный карандашик в руках инспектора, зло выругался, подтянул рюкзак и шагнул в темноту. Еще минуту-другую его фигура смутно маячила в неярком свете фонаря, потом она исчезла у ограды поселка.

Тревога не дала Ротанову уснуть всю первую половину ночи. Особых причин для этого вроде бы не было. Все шло как обычно. Ликвидация не оправдавшей себя далекой колонии

всегда связана со столкновением различных интересов и нервозностью. Скорее всего на него так сильно подействовал необоснованный упрек Крамова в жестокости. А может быть, была другая причина? Ощущение опасности, к примеру? Нет, это не то. Чувство непосредственной опасности было ему слишком хорошо знакомо.

Ротанов терпеть не мог прибегать к услугам химии и предпочел встать. Он смочил виски холодной водой — от бессонницы у него слегка разболелась голова, и решил немного пройтись. Процедура надевания маски прогнала остатки сна. Он пожалел о своей затее, но отступить было поздно.

Странные колючие растения, привезенные не то с Земли, не то с Марса, оплели весь балкон. В полумраке их мясистые стебли казались щупальцами подводных чудовищ. Небо затягивала легкая облачная пелена, такая прозрачная, что сквозь нее неясными размытыми шариками проглядывали звезды. Где-то у самого горизонта вставала одна из двух лун Реаны, и ее призрачный зеленоватый свет окрашивал горизонт на востоке.

Всякий раз, прилетая на чужие планеты, Ротанов испытывал странное чувство — ожидания скрытой здесь от людей тайны и еще удивление. Удивление тому, что стоит сейчас в таком месте, где его не должно быть. Не может быть. В месте, заведомо скрытом, запретном для людей. Отделенном от них бесчисленными километрами пустоты, и вот, поди ж ты... они сажают здесь салат и эти колючие никчемные стебли.

Возможно, это чувство постоянного удивления помогало сохранить ему остроту и свежесть восприятия, способность замечать детали, столь необходимые в его работе. Но оно же и мешало ему порой, отвлекало, уводило в сторону от сиюминутной, конкретной задачи, правда, потом почему-то чаще всего оказывалось, что этот неожиданный поворот открывает перед ним новые горизонты, выводит из тупика, помогает раскрыть какую-нибудь сложную загадку, решение которой лежало за пределами обычных проторенных дорог. Возможно, именно это называлось интуицией...

Человека у ограды он заметил не сразу. Кому-то еще не спалось в этот поздний час... Вначале он почувствовал всего лишь удивление, но уже через секунду его насторожила странная, крадущаяся походка человека. Он хотел его окликнуть, но мундштук маски во рту помешал это сделать, и человек успел скрыться. Там не было никакой калитки. В той стороне за оградой начинались дикие заросли, и пойти туда ночью мог решиться всего лишь один человек, и если он не ошибся, то эта ночная прогулка Дуброва многое могла прояснить в запутанной истории с соком трескучек...

Замаскированный пролом в ограде он нашел не сразу, к тому же свет далеких теперь фонарей уже не мог ему помочь, и хотя взошла луна, ее призрачный отсвет не пробивался сквозь плотную зеленую подушку листьев, висевшую у него над головой. Ротанов остановился и прислушался. Заросли были полны непрекращавшейся ни на секунду мешаниной непонятных звуков. Что-то шуршало, потрескивало, скрипело и пищало у него над головой. Неожиданно впереди раздался оглушительный взрыв. Рвануло совсем близко и без единого проблеска пламени. Ротанов бросился на звук, выставив вперед руки, стараясь уберечь лицо от хлещущих, плотных, словно вырезанных из железа, листьев. Неожиданно он услышал, как на самом верху, в кронах растений, родился новый непонятный звук. Впечатление было такое, словно кто-то разорвал у него над головой мешок с песком, и целые потоки этого песка хлынули вниз со свистом и шелестом, подминая под себя листья. Ротанов рванулся в сторону, но опоздал. Сухой шелестящий поток обрушился ему на плечи и сразу же, не задержавшись на одежде, скользнул вниз. Почти в ту же секунду Ротанов споткнулся о корень растения и растянулся на земле.

Удар был достаточно силен. Секунду-другую у него перед глазами плясали огненные искры. И лишь окончательно придя в себя, он увидел впереди, в нескольких шагах, неподвижное пятно света. Источник света загораживала от него плотная щетина молодой поросли трескучек. Стебли казались такими плотными и толстыми, словно их сделали из твердой резины. Все же ему удалось ползком продвинуться вперед на несколько метров и

осторожно раздвинуть последний ряд растений, отделявших от него источник света. К несчастью, луч фонаря, валявшегося на песке, оказался направленным прямо в лицо Ротанову и на мгновение ослепил его.

Дубров втиснулся в пролом изгороди и очутился в зарослях трескучки. Он знал здесь каждую тропку и знал, что нужно искать. Он не заметил преследования и все же очень спешил. Ему предстояло выбрать достаточно зрелое растение, в то же время оно ни в коем случае не должно было быть полностью созревшим и готовым к выбросу спор. Определить это в темноте, да еще снизу, не видя спороносов, было достаточно трудным делом. В конце концов он остановил свой выбор на толстом шершавом стволе и полез вверх. За долгие годы у него выработалась в этом деле приличная практика. Чтобы не повредить растения, он никогда не пользовался механическими приспособлениями и взобрался на шестиметровую высоту по совершенно гладкому стволу с помощью связанной кольцом веревки, особым образом перекинутой вокруг ствола и служившей опорой для ног. Колючки начались на уровне кроны, и здесь понадобилась вся его осторожность и весь предыдущий опыт, чтобы пробраться сквозь опасную зону.

Наверху, как только он миновал нижний пояс листьев, сразу стало светлее, здесь ствол раздваивался, и Дубров выругался сквозь зубы. Двойной ствол на этой высоте означал, что растение имело два спороноса — случай довольно редкий и достаточно опасный, поскольку спороносы хоть и созревали практически в одно время, все же оставалось небольшое индивидуальное различие, и оно могло окончиться трагически, если второй споронос достиг стадии зрелости раньше первого. Дубров взобрался теперь почти к самой чашечке, увенчанной огромным двухметровым белым шаром со сморщенной оболочкой. Ощупав его, он почти безошибочно смог определить степень зрелости, но второй споронос... Он раскачивался где-то рядом, всмотревшись, можно было различить за спиной бледное белое пятно. Дубров зажег фонарик и теперь смог рассмотреть чуть желтоватую, изрезанную глубокими складками поверхность оболочки. Все равно это ничего не дало. Конечно, можно было спуститься до развилки и вновь подняться к этому второму спороносу. Но, во-первых, определение на ощупь никогда не было особенно точным, все равно приходилось рисковать, а, во-вторых. Дуброва с самого начала, с того момента, как он решился на этот поход, не покидало ощущение, что времени у него в обрез, что он опаздывает и дорога каждая секунда... Он не мог бы объяснить причину этого чувства, но в последнее время привык доверять своим ощущениям и предчувствиям.

Секунду поколебавшись, он решил не тратить время на второй споронос и достал нож. Самым трудным и опасным моментом было вскрытие оболочки. Дубров знал, что если споронос созрел, то на прикосновение он отреагирует взрывом, он помнил, как погиб Кольцов... Взрывом его сбilo со ствола и швырнуло вниз на колючки... Можно было, конечно, привязаться к стволу, но он знал, какой силы может быть взрывная волна, и из двух зол выбрал меньшее... Рука с ножом осторожно приблизилась к оболочке и медленно, сантиметр за сантиметром, стала погружаться в рыхлую массу. Лоб Дуброва мгновенно покрылся испариной, он чувствовал себя так, словно надрезал ножом корабельную мину, да так оно, в сущности, и было. Конец ножа уперся в преграду. Это была внутренняя твердая пленка. Если споронос не созрел, то давление газов в нем еще не достигло опасного предела... Весь сжавшись, ежесекундно готовый к сокрушающему удару, Дубров изо всех сил надавил на рукоятку ножа. Раздался легкий треск, и нож, проломив последний твердый слой, ушел в споронос по самую рукоятку. Ничего не произошло.

«Когда-нибудь я все-таки ошибусь...» — подумал Дубров. Если это случится, его похоронят без всяких почестей. Он нарушал закон, то есть попросту был обыкновенным преступником. «Но ведь они не знают... — подумал он. — Не знают и не хотят знать...» — Он вспомнил свою единственную попытку объяснить совету колонии действие масла трескучки. Результат был прост и печален — «галлюцинации, отравление растительными ядами». Таково было официальное заключение на его докладную записку. Наверно, нужно

было все оставить, вернуться к нормальной жизни, сделать вид, что ничего не произошло, но для тех, кто попробовал сок трескучки, обратного пути уже не было. На этот раз ему повезло и не стоило заглядывать слишком далеко в будущее.

Оставшаяся процедура уже не представляла никакой опасности. Он легко вырезал в спороносе отверстие достаточное, чтобы внутрь можно было просунуть руку. Нашупал венчик незрелых спор и в самом центре пустое углубление для семени. Оно всегда было пустым. Может быть, на тысячу растений одно завязывало в процессе своего развития это таинственное семя, о котором среди колонистов было сложено так много легенд. Дуброву ни разу не довелось увидеть его самому. Он опустил руку ниже и нашупал расположенные вокруг мясистого семяложа масляничные железы. Никто толком не знал, для чего нужны трескучие эти железы, выделяющие остро пахнущее, одуряющее масло. Биологи считали их атавизмом, остатком органа, который помогал переносу спор в те далекие времена, когда здесь существовали какие-то огромные, исчезнувшие ныне насекомые. Страшно подумать, как много тысячелетий пронеслось над планетой с того момента, как на ней зародились эти могучие зеленые великаны, увенчанные белыми шарами спороносов. Ступни ног у Дуброва затекли, веревка, обхватывавшая ствол, врезалась в подошвы, и все же он решил проделать всю процедуру по добыче масла в этой неудобной позе, не спускаясь со ствола на землю. Почему? Вряд ли он мог это объяснить. Возможно, им руководило все то же таинственное предчувствие, шепнувшее, что так будет лучше всего. Как бы там ни было, он закрепил на поясе фонарь и, вырезав достаточное количество масляничных желез, не стал спускаться, пока не набил ими емкость пресса, не завернул его до отказа и не заполнил склянку маслом до нужной отметки. Только после этого, завернув пробку на драгоценной теперь склянке, он начал спуск. Но, увлеченный выжимкой масла, он начисто забыл о втором спороносе у себя за спиной. От неосторожного движения стебель качнулся под его тяжестью, и Дубров почувствовал, что его спина на мгновение уперлась в мягкую податливую поверхность. В ту же секунду оглушительный взрыв хлестнул по нему сзади. Страшная сила оторвала руки от ствола, приподняла его в воздух и швырнула вниз. Удар был так силен, что на несколько секунд он потерял сознание, а придя в себя, понял, что лежит плашмя на спине, сжимая в руках свою драгоценную склянку. Кости, кажется, не пострадали, впрочем, теперь это уже не имело значения. Фонарь отлетел далеко в сторону, но не разбился и не погас. Дубров хотел до него дотянуться, однако резкая боль в пояснице вновь опрокинула его навзничь. Собравшись с силами, он оперся на руки и сел, преодолевая боль, пронзившую теперь уже все его тело. Оставалось только отвернуть пробку...

Когда наконец глаза Ротанова вновь обрели способность что-либо различать, он увидел сидящего на песке Дуброва. Песок, на котором тот сидел, показался Ротанову не совсем обычным. Он был значительно темнее остального песка, и это темное пятно плотным кольцом опоясывало мощный ствол трескучки, опершись о который сидел Дубров. Казалось, что весь песок вокруг него обильно посыпали черной сажой. Но это было еще не все. Внимание Ротанова было направлено на Дуброва, а все, что произошло затем, заняло не более нескольких секунд. Все же боковым зрением он заметил, что песок словно бы шевелится под Дубровым, будто на него волнами налетала рябь от ветра, хотя никакого ветра здесь не было. Фонарь, который в первое мгновение ослепил Ротанова, валялся в нескольких шагах от Дуброва и освещал его руки, рюкзак и нижнюю часть лица. Их разделяло теперь не больше двух метров, и Дубров, несомненно, увидел высунувшегося из зарослей Ротанова. Нехорошо усмехнувшись, он медленно поднес к губам стеклянный пузырек.

— Не делайте этого! — крикнул Ротанов и, оттолкнувшись обоими ногами, бросил свое тело вперед. Но было уже поздно. Склянка выпала из рук Дуброва, плотные маслянистые капли жидкости стекали по его щекам. Секунду они, не двигаясь, смотрели в глаз друг другу. Постепенно лицо Дуброва начало бледнеть, кожа словно бы становилась прозрачнее. Одновременно Ротанову показалось, что вся его фигура приобрела какую-то странную

мешковатость. Исчезли плечи, подбородок безвольно свесился на грудь. На глазах у Ротанова одежда Дуброва стала съеживаться, словно она превратилась в оболочку проколотой футбольной камеры, из которой выходил воздух.

Через минуту одежда лежала рядом с рюкзаком бесформенной пустой кучей. Фонарь отбрасывал на песке резкие тени. Ротанову показалось, что он сходит с ума. Он бросился к одежде и схватил ее, словно надеялся что-то удержать. Потом выпустил куртку осторожно, словно она была стеклянной. Перевернул штаны и заглянул в пустые ботинки, будто надеялся обнаружить там разгадку бесследного исчезновения Дуброва. Вся обратная дорога слилась для Ротанова в бесконечный хлещущий поток ветвей и листьев. Когда он добежал наконец до ограды, одежда на нем висела ключьями, а на исцапанной коже выступили капельки крови. Теперь придется пройти полный цикл дезинфекции и профилактики... Куда он так спешил? Его руки сжимали рюкзак. Прежде чем уйти, он механически сунул в него одежду Дуброва. Он не верил больше собственным глазам, и единственная трезвая мысль помогала ему сейчас сохранить рассудок. Все, что он видел, могло быть лишь галлюцинацией, навеянной ядовитыми испарениями трескушек... Ноги сами собой принесли его к коттеджу, в котором жил Дубров. В ответ на звонок автомат любезно отодвинул перед ним дверь тамбура. Обычно это означало, что хозяин дома...

Дубров лежал в постели. Увидев Ротанова, он стремительным движением поднялся на ноги. Так встает человек, еще не успевший заснуть и лишь за минуту до этого прилеглий в постель. Так встает человек, привыкший к постоянному ожиданию опасности. Не скрывая иронии и неприязни, Дубров пристально разглядывал стоявшего на пороге Ротанова.

— Чему обязан столь неожиданным вторжением?

— С вами ничего не случилось?

— Как видите. А что должно было со мной случиться?

Ротанов уже взял себя в руки.

— Зачем вы выходили из поселка час назад?

— У вас галлюцинации, инспектор. В период цветения шаров это бывает.

— Может быть, вы будете утверждать, что это не ваша одежда? — Ротанов вывалил из рюкзака на пол подобранные в зарослях тряпки. Дубров встал и распахнул шкаф. На плечиках в строгом порядке была развешана обычная рабочая одежда колонистов. Ротанов не мог определить, вся ли она на месте, но это ничего не меняло. История начинала смахивать на какой-то чудовищный фарс.

2

Сразу за поселком речная долина, раздвинув цепочку из невысоких холмов, исчезала, растекалась вширь, полностью терялась в песчаных и каменистых нагромождениях пустыни. Голубовато-зеленый цвет почвы не радовал глаз, выглядел мертвым.

Приземистое тело вездехода, накрытое выпуклым прозрачным колпаком, перевалило через гребень последнего холма и погрузилось в бескрайнее до самого горизонта марево реанской пустыни. Кроме водителя, в кабине сидели Ротанов и Крамов. Кондиционеры работали нормально, и все же каким-то непонятным путем ощущение удушающей жары проникало в кабину. Разговаривать не хотелось. Слова будто запекались на губах. Казалось, вездеход не движется, он словно стал частью пустыни, вплавился в ее поверхность, намертво и навсегда, даже толчки и тряска не могли развеять этого ощущения. Гидравлические рессоры работали с полной нагрузкой. Первозданное лицо планеты так и не пересекли дороги, сделанные руками людей. Хаос, неупорядоченный тысячелетней работой воды, царил на Реане. Вода здесь была, но так глубоко, что на поверхность не проникала. Она отсутствовала везде, кроме одного-единственного места. В долине трескучих шаров.

Вообще говоря, Ротанов хорошо знал, что такие странные исключения из правил только кажутся случайным капризом природы. За ними почти всегда стоит неизвестная людям закономерность.

Одна-единственная живая долина, один-единственный холм с этими развалинами на всей планете, а остальное вот эта пустыня... Тут было над чем задуматься. Вчерашнюю историю с Дубровым Ротанов старался загнать в подсознание, вычеркнув из мыслей. Она мешала ему работать, мешала сосредоточиться и, непроизвольно врываясь в строгий ход его рассуждений, изнутри взрывала все построения. Полное отсутствие логики могло означать лишь одно — на поверхность выплыла какая-то ничтожная часть неизвестной и сложной системы, думать об этом сейчас было бесполезно. В галлюцинации он не верил. И оставалось лишь накапливать новые факты.

С каждым километром, приближающим их к цели, характер пустыни менялся. Спрятались под песчаными наносами выходы скальных коренных пород, исчезли трещины и выбоины, дорога стала ровнее. В конце третьего часа на горизонте появился холм. Ротанов сразу же узнал его по фотографии, хотя самих развалин отсюда еще не было видно. На фоне фиолетового неба Реаны даже издали этот единственный на сотни километров равнины холм казался величественным, и не нужно было обладать особой фантазией, чтобы представить, как строго и пропорционально выглядели бы на нем зубчатые стены, ныне почти исчезнувшие под тысячелетними пластами пыли.

Восхождение на холм началось задолго до того, как они приблизились к нему вплотную. Холм состоял из широких пластов древнего песчаника, наслоенных друг на друга и представляющих собой некое подобие лестницы с многокилометровыми ступенями. Переход со ступени на ступень был довольно плавен, порой было трудно заметить, когда вездеход преодолевал очередной подъем. Наверно, сверху все это природное сооружение походило на стопу блинов различной величины. Самый маленький блин лежал на вершине. До него оставалось не менее двух километров, когда Ротанов попросил остановить машину и вышел наружу. Всплеск раскаленного воздуха был похож на удар, и все же он снял маску и вдохнул воздух Реаны. Здесь, вдали от цветущих трескучек, это было вполне безопасно, хотя горячий воздух и обжег ему легкие. Теперь он смог полнее ощутить обстановку этого места, его настроение. Ему хотелось сделать это прежде, чем они увидят развалины. Минуты три он стоял неподвижно, слушая такую ватную и плотную тишину, какая бывает лишь в космосе, даже дыхание ветра не нарушало ее сейчас. Ротанов повернулся спиной к вездеходу и ушел в сторону от проложенной им колеи. Ему хотелось вычеркнуть из пейзажа все внешнее, искусственно привнесенное людьми. И тогда ему показалось, что тишина и ощущение мертвого покоя в этой пустыне были, пожалуй, слишком полными и от этого чуть театральными.

Последние километры уже не вызывали в нем никакого интереса. До самых развалин он сидел, откинувшись на подушках и нахмутив свое скуластое лицо, рассеченное глубокими складками обветренной кожи. Наконец, подняв целое облако пыли, вездеход затормозил возле развалин. Как и предполагал Ротанов с самого начала, развалины не произвели на него особого впечатления. От стен почти ничего не осталось, а то, что осталось, было скрыто под слоем песка. Неудивительно, что их проглядели во время разведки планеты.

Они привезли с собой универсального кибера, а теперь водитель торопливо навинчивал на него необходимые приспособления. Надо было расчистить песок метра на два в глубину, чтобы обнажить кладку. Ее характер, размеры блоков, качество цемента могли немало рассказать опытному археологу. Ротанов не был археологом, но в каких только ролях не приходилось выступать инспекторам внеземных поселений! Их знания были универсальны, а мнение ценилось зачастую выше мнения экспертов, возможно, потому что обширная практика работы на удаленных планетах освобождала их мысли от готовых шаблонов и стандартов.

Наконец кибер был готов приварить к работе. Со своими навесными лопатами и скребками он стал похож теперь на большого жука, распутившего крылья и вставшего на задние лапы. Водитель подключил к нему кабель питания, и жук решительно двинулся вперед, повинаясь командам выносного пульта. Работа требовала осторожности, и пришлось

отказаться от автоматической программы.

Постепенно лопаты кибера углублялись в песок, отбрасывая его назад и в стороны. Траншея вдоль холмика, обозначившего стену, становилась все глубже. Неожиданно мотор кибера противно заурчал. Кибер рванулся в сторону и вдруг стал стремительно погружаться в песок, словно проваливался в какую-то трясику.

— Выключите его! — крикнул Ротанов, но водитель и сам уже догадался это сделать. В полной тишине, с остановившимися двигателями кибер продолжал погружаться. Вокруг него образовалась небольшая воронка, казалось, песок под машиной просыпался в какую-то внутреннюю полость. Водитель раздвинул лапы кибера как можно шире, стремясь заклинить машину в провале. Это ему удалось, кибер остановился, и теперь в немом молчании они смотрели, как песок вокруг машины продолжает просачиваться, утекает как вода, постепенно обнажая стены трещины. Впрочем, это была не трещина. Уже сейчас можно было различить правильный прямоугольник отверстия, ведущего куда-то вниз.

Помещение напоминало ящик. Три метра ширины и два высоты. Когда кибер снял со стены толстый слой грязи и включил дополнительное освещение, кто-то заметил, что одна из стен не совсем обычна. Она была сложена маленькими восьмигранными блоками, плотно пригнанными друг к другу и почти не поддававшимися разрушительной работе времени. Даже в том месте, где стена обрушилась, внутренняя часть блоков сохранилась. Восьмигранные призмы, сделанные из какого-то очень твердого белого материала, уходили в стену на всю ее толщину. Несмотря на необычность кладки, Ротанов отнес ее к рэнитовскому периоду, и только когда кибер начал чистить соседнюю стену, они заметили наконец, что при определенном боковом освещении ровный белый цвет блоков начинал меняться...

Им потребовалось не меньше часа для того, чтобы протянуть дополнительные кабели и установить по бокам стены все осветители, какие только нашлись на вездеходе. Водитель снаружи замкнул рубильник и спросил, все ли в порядке. Но ему никто не ответил. Они стояли рядом, плечом к плечу и не могли произнести ни слова. Казалось, минуты текли как тысячелетия, смотревшие на них сквозь эту стену... Еще раньше, до того, как включили освещение, Ротанов с помощью радиоизотопного анализатора определил возраст материала, из которого были сделаны призмы. Едва он нажал кнопку, как в окошечке прибора зажглись цифры: пятьдесят тысяч лет.

Картина проявлялась постепенно, как фотография, по мере того, как водитель регулировал свет. Многое зависело от места расположения источников и от силы света каждого из них. Когда удавалось найти нужный угол и отрегулировать силу света, где-то в глубине шестигранников, а иногда у самой поверхности их цвет едва заметно менялся, словно какой-то невидимый художник трогал их мягкой цветной пастелью. Границы между различными цветовыми оттенками были нечетки, расплывчаты, и потому картина не имела определенных сюжетных контуров, это был просто набор цветовых пятен. Но в их сочетании угадывалось скрытое настроение, какой-то музыкальный, неполно выраженный тон. И чем дольше Ротанов всматривался в эти цветные пятна на стене, тем яснее понимал, что это не абстракция, что на стене изображено нечто вполне конкретное. Они просто еще не поняли, не нашли способа понять, что именно хотел им поведать неведомый художник через тысячелетия... Отчего-то Ротанова не покидала уверенность, что картина адресована именно им, что она, возможно, несет какую-то важную информацию. Это было нелепое предположение, но совсем недавно он столкнулся на этой планете с еще более невероятным фактом...

— Мне кажется, картина не в фокусе, — сказал водитель.

— Как вы сказали? Не в фокусе?!

— Я хотел сказать, она не резка, размыта, наверно, время...

— Нет. Вы сказали «не в фокусе»! — Ротанов на секунду задумался. — Нам нужна планка, линейка, все равно что, нужна достаточно большая ровная поверхность!

Через несколько минут они уже знали, что поверхность стены имела плавную, незаметную для глаза кривизну. Стена представляла собой часть огромной правильной сферы, и теперь уже нетрудно было рассчитать ее фокус. Через час, убрав обломки породы и песок, они обнаружили, что помещение удлинилось на добрых четыре метра. Кривизна была рассчитана так, чтобы фокус находился на уровне глаз человека, стоящего вплотную к противоположной стене. Только один человек одновременно мог видеть картину, словно она несла в себе некую тайну, не предназначенную для посторонних глаз...

Почему-то никто не решался первым встать в это заранее рассчитанное бортовым компьютером место. Нечто величественное и тревожное угадывалось в том, с каким упорством, последовательностью и целеустремленностью была задумана неведомыми конструкторами эта стена, задумана так, чтобы пронести через тысячелетия некий образ, поведать потомкам о чем-то таком, ради чего стоило создавать все это сооружение...

Нужно было сделать всего лишь шаг, один шаг. Ротанов вздохнул, провел по лицу рукой, словно прогоняя неведомое сомнение, и шагнул к точке фокуса.

Картина не была объемной. В первую секунду Ротанову показалось, что она не была даже цветной, и только потом он различил очень блеклые, едва уловимые цветовые оттенки. Зато здесь, в точке фокуса, картина наконец стала резкой. Отчетливо проступили все линии, штрихи, детали... Впечатление разбивалось, дробилось на отдельные, не связанные сюжетно части. Вначале он увидел кусок планетного пейзажа, в центре картины, то, несомненно, была Реана. Реана в глубокой древности, когда здесь еще не было пустынь. Все пространства заполняли огромные, гордые, словно летящие навстречу небу шары трескучек... Планета трескучек? Кто же тогда создал это полотно, какой неведомый художник? Вдруг он заметил в правом нижнем углу картины знакомый холм, на котором они нашли развалины. Он сразу же узнал его, может быть, потому, что башни и зубчатые стены строений на фоне блеклого фиолетового неба выглядели так, как он пытался их себе представить еще там, в пустыне.

Весь холм и эта старинная, защищенная высокой стеной крепость выглядели в пейзаже чужеродным телом. Они смотрелись как остров в зеленом море со странными белыми гребешками волн... Трескучки окружали замок со всех сторон, жались к стенам, гнездились в расселинах скал. Когда Ротанов едва заметно менял угол зрения, часть картины сразу же тускнела, словно пела, зато высвечивалась новая часть, и он никак не мог найти положения, в котором мог бы увидеть ее сразу всю целиком. Впрочем, такое разбитое на отдельные фрагменты впечатление его пока устраивало, оно помогало полнее усваивать информацию. Неожиданно для себя он установил, что светлое округлое пятно над поверхностью планеты вовсе не солнце, а человеческое лицо. Лицо женщины с огромными, чуть разнесенными глазами, смотрящими пристально и тревожно. Чуть позже он увидел ее руки, словно простертые над планетой в немым призыве, в попытке защитить, спасти раскинувшийся под ней зеленый мир от какой-то угрозы. Пожалуй, это было его собственное, субъективное впечатление. Проследив за направлением ее рук, он заметил на поверхности планеты еще одну человеческую фигурку, совсем маленькую и как бы устремленную навстречу женщине. Несколько мгновений Ротанов никак не мог поймать в фокус лицо этой фигуры, по общему облику он не сомневался, что это мужчина, и невольно удивился диспропорции в размерах: огромное летящее над планетой лицо женщины, а на поверхности под ней крошечная фигурка мужчины... Он все еще старался поймать в фокус лицо мужчины, когда заметил у его ног целую шеренгу каких-то загадочных и совсем уж маленьких лохматых существ. Он долго старался понять, что они собой представляют. И вдруг забыл о них, потому что после какого-то произвольного движения вся картина стала наконец резкой. Ощущение тревоги и безысходней тоски навалилось на Ротанова с неожиданной силой. За спиной женщины появились пятнышки звезд, они сплелись в незнакомые созвездия. Казалось, женщина летит откуда-то из темных глубин космоса, летит к планете, хочет обнять ее, защитить от неведомой грозной опасности и не успевает... На ее лице ясно видны отчаяние и почти безнадежная мольба о помощи. Какие-то темные могучие силы сминают, разрушают перед ней поверхность планеты. В открывшуюся взору Ротанова воронку голубоватой грязи

рушатся скалы и самые стены замка, в ней без следа исчезают белые шары трескучек и беспомощные лохматые существа, сбившиеся у ног мужчины. Ротанову казалось, он слышит некую грозную мелодию разрушения. Мелодию, не затерявшуюся в бездне веков, грозящую неведомой опасностью им самим... Сегодняшнему дню планеты... На самом краю воронки, наполненной голубой грязью, стояла фигурка человека с поднятыми навстречу женщине руками. Но грязь, растекаясь по всей поверхности планеты, отделяла их друг от друга. В лице мужчины Ротанов ясно видел отчаяние, и вдруг это лицо показалось ему знакомым... Ротанов узнал тяжелый разлет бровей, широкий лоб с характерной сеточкой морщин... Картина обладала поразительной способностью передавать мельчайшие детали. Но лица людей часто бывают похожи, к тому же картина ничего общего не имела с фотографией, это было прежде всего художественное произведение, и все же... Сознание отказывалось принять противоречащий логике факт, упорно подыскивало более правдоподобное объяснение. Хотя он больше уже не сомневался в том, что узнал человека, изображенного на картине.

Пока водитель готовил вездеход к обратной поездке, Ротанов и Крамов спустились метров на сто по склону холма. Они шли рядом молча довольно долго. Ротанов был благодарен Крамову за то, что тот дает ему время обдумать все происшедшее и не пытается навязать собственных суждений, не задает ненужных вопросов, просто ждет решения, и все.

Солнце клонилось к закату, и в цвете пустыни наступило странное изменение. Может быть, оттого, что лучи фиолетового светила падали на землю слишком косо, они окрасили ее в голубоватый цвет, очень похожий на тот, что так поразил Ротанова на картине.

— Голубая грязь... Вам не кажется, что в почве планеты все еще есть ее остатки, и именно поэтому она так безжизненна?

— Но ведь анализы...

— Анализы! Анализы не всегда улавливают нюансы, да и химики не всегда ищут то, что нужно. Это придется проверить. Во всяком случае, место то самое... Где-то здесь прямо под нами был центр воронки.

— За десятки тысячелетий слишком многое изменилось.

— Да. Кроме Дуброва, пожалуй. — Они внимательно посмотрели друг на друга.

— Вы его хорошо знали? С самого рождения?

— Да. Мальчишкой он был непоседливым, энергичным, довольно способным, а взрослым... Даже не знаю, что сказать... Была в нем одна черта. Я бы назвал ее повышенным чувством справедливости и еще, пожалуй, замкнутость.

— Сейчас я хочу знать другое. Были ли такие периоды, когда Дубров оставался вне сферы вашего наблюдения? Оставался один на достаточно долгий срок?

— Мы здесь не следим друг за другом. Планета безопасна. Такие периоды бывают у каждого из нас. Конечно, и Дубров вел самостоятельную работу. Мне кажется, ваша версия ошибочна. Даже сейчас в нем мало что изменилось.

— Я обязан проверить любые возможные версии, — сухо возразил Ротанов.

— Надеюсь, вы поняли, насколько все стало серьезней после этой картины. Меня не покидает мысль о самом помещении. Это не зал для демонстрации. Это вообще не зал. Просто каменный параллелепипед. Он чересчур функционален. С одной-единственной задачей — нечто вроде почтового ящика...

— И в нем послание, адресованное именно нам?

— Вполне возможно... Эвакуацию вашей колонии придется отложить до прибытия специальной экспедиции. Хотя я не буду настаивать на такой экспедиции.

— То есть как?

— Я считаю, что у вас в колонии есть все необходимые специалисты. Вам просто нужно перестроить работу. Ориентировать людей на совершенно новые задачи и сделать это немедленно, еще до прибытия транспорта со специальным оборудованием. Меня не покидает мысль, что у нас очень мало времени, может быть, слишком мало... Мы должны разобраться

в ситуации, прежде чем она полностью выйдет из-под контроля.

— Вы предполагаете такую возможность?

— Во всяком случае, обязан ее учитывать.

Они надолго замолчали. Ротанов почувствовал, что Крамов что-то хочет сказать ему, но почему-то не решается. Наконец он начал, глядя в сторону:

— Не знаю, поможет ли вам это. Но после истории с картиной самые невероятные вещи кажутся мне заслуживающими внимания.

— А вы знаете еще что-нибудь из этой серии?

— Не знаю, из какой это серии. Думаю, вам лучше всего посмотреть на них самому. Это недалеко. Каких-нибудь двадцать километров в сторону от прямой дороги в поселок. Нам нужно успеть часам к шести. Раньше они все равно не выходят. Только после заката.

Двадцать километров в сторону от проложенной колеи вездеход проделал за полчаса, и перед самым закатом они очутились в русле сухой речки. Еще в дороге, сориентировавшись по фотокарте, Ротанов понял, что долина этой пересохшей речки тянется от самой рощи трескучек. Отсюда до поселка было всего километров восемь. Крамов попросил остановить вездеход и первым скрылся в нагромождении скал, закрывших долину. Когда Ротанов его нагнал, Крамов жестом попросил его не шуметь, хотя сам шел довольно неаккуратно, то и дело задевая толстыми подошвами ботинок за камни. Внизу он выбрал большой гладкий валун, уселся на нем и достал пакетик с орехами. Не скрывая раздражения от его слишком загадочного и несколько театрального поведения, Ротанов остановился рядом.

— Вы бы объяснили, чего мы здесь ждем?

Крамов только пожал плечами.

— Это нужно увидеть самому, наберитесь терпения, до заката осталось всего несколько минут.

Действительно, Гамма, звезда этой далекой системы, уже коснулась горизонта. Ее диск неправдоподобно распух, сплюснутый толстым слоем атмосферы. Свет переходил из фиолетового в синий и постепенно сходил на нет. Наконец звезда скрылась за горизонтом, и над пустыней во всю ее необъятную ширь повисли серые сумерки, полные тишины и запахов нагретого за день песка.

Можно было подумать, что во всей этой огромной и мертвой пустыне еще жили и двигались лишь они двое. Неожиданно Ротанов понял, что это не совсем так. Прямо на них, с той стороны, где был расположен лагерь, двигалась какая-то темная масса. Ротанов, привыкший к тому, что любое непонятное движение на чужих планетах предвещает опасность, потянулся к оружию, но Крамов остановил его.

— Они совершенно безопасны. Главное — не двигайтесь, постарайтесь подпустить их как можно ближе, иначе вы ничего не увидите. — Сумерки сгущались, трудно было что-нибудь рассмотреть на таком расстоянии, и все же Ротанову казалось, что темная масса, двигавшаяся вдоль русла, распадается на отдельные пятнышки. Их было не так уж много — штук десять. Какие-то движущиеся предметы. Почему-то пятна казались именно предметами, а не живыми существами. Позже он понял, что в этом виновата их форма. Сейчас их разделяло всего несколько десятков метров, и Ротанов должен был признать, что никогда еще не встречал чего-нибудь более странного, чем эти движущиеся треножники. Три ноги соединены в одной точке. Не было ни головы, ни глаз, ни туловища — только эти три ноги. И по тому, как мягко изгибались эти ноги, как осторожно ощупывали почву, прежде чем сделать очередной шаг, Ротанов понял, что, несмотря ни на что, они все-таки живые... Ни один механизм не мог бы обладать столькими степенями свободы, как эти гибкие лапы, в них не было и намека на шарниры, не было места для каких-то скрытых двигателей, вообще ничего не было, кроме соединенных вместе лап... Рост каждого существа не превышал полуметра, лапы толщиной с человеческую руку заканчивались не ступнями, а какими-то круглыми подушечками или присосками.

Не дойдя до застывших людей метров двадцать, существа все разом остановились. Но они не стали неподвижно, как это сделали бы механизмы. Передние существа переминались

с ноги на ногу: то делали маленький шагок вперед, то отступали, словно в нерешительности. Сейчас они производили трогательное и беспомощное впечатление. Те, что шли сзади, остановились не сразу. Натолкнувшись на передних, они отступили назад. Ротанов подумал, что скорее всего они ничего не видят, но все же каким-то образом ощущают присутствие людей. Потоптавшись с минуту, существа начали расходиться в разные стороны.

— Следите за каким-нибудь одним, — прошептал Крамов. — И не двигайтесь.

Одно из существ, пробежав совсем рядом, начало карабкаться на крутой склон. Ротанов только теперь оценил, как хорошо приспособлено их тело к движению по неровной поверхности. Живой треножник сплюснулся, прижался к самой земле и, широко расставив лапы, цеплялся за малейшие трещины и выступы камня. Взорвавшись на пологую часть террасы, он остановился, приподнял одну лапу и вдруг начал быстро вращаться на одном месте, как это делают балерины. Вокруг него появилось облачко пыли, одна из лап треножника начала зарываться в мягкую породу, образуя в ней небольшую лунку. Раздался треск, и в том месте, где только что стоял треножник, сверкнула электрическая искра. Существо исчезло.

— Это все, — сказал Крамов. — Теперь вы можете попытаться поймать любого из оставшихся. Бегают они довольно плохо.

Не дожидаясь повторного приглашения, Ротанов бросился к ближайшему существу. Оно тут же пустилось от него наутек. Расстояние между беглецом и преследователем быстро сокращалось, и когда Ротанову оставалось лишь протянуть руку, раздался уже знакомый треск электрического разряда и существо рассыпалось у него на глазах, превратилось в облачко темноватой пыли, медленно оседающей на землю. Порыв ветра подхватил часть этой пыли и унес в пустыню. Пораженный Ротанов обернулся, но увидел только одинокую фигуру Крамова, неподвижно стоявшего на месте. Нигде не было видно больше ни одного треножника.

— Со всеми произошло то же самое?

Крамов молча кивнул.

— Почему вы ничего не сообщали о них в своих отчетах?

— Они появились недавно, всего несколько дней назад. Их появление непосредственно связано с цветением трескучек.

— Интересно. Каким же образом?

— Пыль, которая остается после разряда, на самом деле вовсе не пыль. Это зрелые споры трескучек. Собственно, все тело треножников состоит из этих спор, связанных между собой неизвестной нам энергией. Когда заряд энергии оказывается израсходованным, они распадаются. То же происходит при малейшей опасности. Каши биологи предполагают, что эти образования несут одну-единственную функцию — разнести как можно дальше пыльцу трескучки.

— Ну да, простой и экономичный способ. Как они устроены? Откуда получают энергию? Как получают и каким образом перерабатывают информацию об опасности?

— Этого мы не знаем. Никто еще не держал в руках самого треножника, они всегда распадаются. Установлено, что образуются они в зарослях трескучки сразу после взрыва спороноса и тут же пускаются в путь, стараясь как можно дальше уйти от места рождения. Иногда их встречали в пустыне за десятки километров от дома. Это все, что мы о них знаем.

— Пусть этим займется специальная группа биологов. Необходимо выяснить, как они образуются. Единственная ли это форма спороносителя, или возможны другие, и самое главное вот что... Нужно выяснить пути их миграций. Определить места, в которые они стремятся, если только их миграции подчинены какой-то системе... — Ротанов надолго задумался, стало уже совсем темно, и Крамов зажег мощный фонарь. Луч света сразу же сгустил темноту вокруг них и словно прорубил в ней узкий голубой коридор.

— Вы ничего не заметили знакомого в их облике?

— Знакомого? Они похожи на штатив, на треножник буссоли.

— Я имею в виду не это... Мне показалось, что они очень похожи на те лохматые

существа, что мы видели на картине у ног Дуброва, только здесь они гладкие.

— Да. Пожалуй... Дубров. Снова Дубров. Одно из двух: или этот человек проник в загадки Реаны гораздо дальше любого из нас, либо он...

— Вы хотите сказать «нечеловек»?

Ротанов ничего не ответил. Еще с минуту они стояли молча, слушая, как ветер, усилившийся после заката, свистит в трещинах скал у них над головой.

— Пойдемте, — сказал Ротанов. — Дубровым я займусь сам.

3

Ротанов сидел за своим рабочим столом в отведенном ему коттедже. Стол был абсолютно пуст, если не считать открытого чистого блокнота и его любимого серебряного карандашика. Прямо перед ним светился экран дисплея главного информатора колонии, на котором то и дело появлялись слова: «Канал свободен».

Наконец Ротанов потянулся к клавиатуре и отстучал задание: «Все данные о колонисте Дуброве по форме 2К». Ему пришлось набрать специальный шифр, так как эта форма выдавалась только в случае официального расследования. Набрав шифр, он словно поставил некую невидимую точку в своих собственных рассуждениях. Просматривая информацию, поступающую на экран, он делал пометки в блокноте и, когда закончил, удивился тому, как мало их получилось. Родился в колонии тридцать лет назад. Прошел полный курс обучения на биолога. Нет семьи. Это он подчеркнул: для колониста в возрасте Дуброва это было необычно. Специализация: агробиолог. Тема: «Активные химогены в масле трескучек».

Интересующих Ротанова сведений оказалось на удивление мало. Прожил человек тридцать лет, учился, закончил самостоятельную работу — вот и все, что можно о нем узнать из картотеки. Впрочем, Ротанова никогда не удовлетворяли официальные сведения. В личную карточку вносились лишь основные, определяющие события в жизни каждого человека, а его сейчас интересовали нюансы, черты характера, странности, срывы — словом, все то, чего машина знать не могла... Правда, оставался еще медицинский бюллетень. Здесь ему повезло больше, в графе «Приобретенные болезни, связанные с местной фауной», он нашел знакомую запись: «Отравление растительными ядами, галлюцинации», а чуть ниже еще одна строчка: «Описание галлюцинаций соответствует Романовского тесту». Описание... Вот как, описание... Кто же их описывал? Врач или сам больной? Это необходимо выяснить и разыскать эти самые «описания». Первая встреча с Дубровым прошла на удивление бестолково. Он не мог простить себе того, что не подготовился к ней как следует. И конечно, Ротанов не мог знать, что теперь, тщательно готовясь к предстоящей встрече с Дубровым, он совершает вторую, еще большую ошибку, расходуя попусту последние, еще оставшиеся у него часы...

В медицинском коттедже его встретил рыхлый человек со светло-русой бородой и большими голубыми глазами. По всему было видно, что он рад приходу Ротанова. Было очевидно, что пациенты не досаждали ему своими посещениями. Выслушав Ротанова, он долго копался в папках и наконец щелкнул замком дисплея, опустив в него магнитную карточку, но в ней не оказалось нужных инспектору сведений. Человек, описавший галлюцинации Дуброва, месяц назад покинул Реану с очередным транспортом и не оставил этих записей. Почему? В конце концов Ротанову удалось выяснить, что основой для медицинского заключения был личный отчет Дуброва о своих «видениях», переданный впоследствии в медицинский сектор. С отъездом бывшего врача колонии следы его также затерялись. Все это было достаточно странно и наводило Ротанова на тревожные размышления. Должны были быть какие-то весьма веские причины, заставившие бывшего врача, лицо официальное, нарушить правила и увезти с собой документы, если только они вообще не были им уничтожены... Но почему, почему? Ответить на этот вопрос можно было, пожалуй, лишь вернувшись на Землю и разыскав этого самого Гребнева. А сейчас он вынужден был довольствоваться обрывками сведений.

Встретившись со школьным учителем, с научным руководителем и еще с двумя-тремя людьми, знавшими Дуброва лично, он наконец вернулся к себе, выключил всю аппаратуру связи, запер двери коттеджа и вновь уселся за пустым столом. Пора было подвести какой-то итог. Знал он примерно следующее: месяц назад по неизвестной причине Дубров попробовал сок трескучки. Он не стал этого скрывать. Напротив, написал какой-то рапорт на имя председателя совета. На основании этого рапорта его сочли больным и временно отстранили от работы. О характере действия самого сока пока что выяснить не удалось ничего. У Ротанова сложилось впечатление, что колонисты упорно избегают разговоров на эту тему, словно между ними существовало некое тайное табу по поводу всего, что касалось трескучек. Следующий бесспорный факт — его личная встреча с Дубровым, во время которой тот заявил, что сок трескучек не наркотик, и отказался что-либо объяснить... Потом это ночное преследование и исчезновение Дуброва. Ротанов невольно поежился. Это было, пожалуй, самое необъяснимое место во всей истории с трескучками. Если бы не рюкзак с одеждой, он мог бы, пожалуй, поверить в собственные галлюцинации, наконец в то, что Дубров стал временно невидимым. Но подобранная одежда делала эти предположения неправдоподобными, приходилось признать, что Дубров именно исчез, испарился, перестал существовать в данное время и в данной точке пространства и одновременно появился в какой-то другой точке. У себя в коттедже или, быть может, где-то еще?

Ротанов почувствовал, что впервые с начала расследования он наконец напал на какую-то действительно ценную мысль. Ценную потому, что она давала какую-то нить для объяснения этих невероятных фактов.

Парадоксальные факты требовали такого же объяснения. Если принять это как рабочую гипотезу, то следовало дальше предположить, что неизвестные художники много тысяч лет назад встретились именно с Дубровым... От одной этой мысли его лоб покрывается испариной. Если продолжать рассуждать в том же духе, то можно додуматься черт знает до чего... А тут еще эти треножники и вообще вся картина... Он тут же прервал себя: «Стоп. О картине пока не будем. Слишком мало данных. Не надо отвлекаться от Дуброва». Казалось, чего проще — встретиться с ним еще раз... А почему бы и нет? Почему не попробовать честно сказать человеку, что произошла ошибка, что его рапорт неверно поняли, что теперь ему верят и просят помочь. Даже если Дубров откажется, уже само по себе это будет значить немало. Тогда можно заняться второй версией, попытаться доказать, что под личиной Дуброва скрывается кто-то чужой... Пока для этого не было ни малейших оснований.

Еще раз перебрав в уме все доводы, взвесив все полученные заново факты, Ротанов наконец решился еще на одну попытку откровенного разговора с Дубровым. Несмотря на поздний час, он потянулся к селектору. Теперь, когда в его мыслях появился намек на какой-то порядок, не хотелось ничего откладывать. Экран селектора замигал желтым огоньком. Абонент не отвечал на вызов... И когда через полчаса без предупреждения к нему ввалился Крамов, он уже догадался, что опоздал, что встречи с Дубровым не будет...

— Дубров ушел. Совсем ушел.

В минуты сильного волнения Ротанов всегда говорил медленно, тщательно подбирая слова. Вот и сейчас спросил с расстановкой, нарочито спокойно:

— Он ведь и раньше самостоятельно покидал поселок. Может быть, сейчас?..

Крамов отрицательно покачал головой.

— Я думаю, теперь он не вернется обратно. Во всяком случае, пока...

— Пока я здесь?

Крамов кивнул.

— Почему вы это допустили? Как вообще это могло случиться?

— Дубров свободный человек. Я не могу приставить к нему охрану. Для того чтобы лишить человека права на свободу поступков, необходимо решение высшего Совета Земли.

— Не будьте формалистом, Крамов! Вы отлично знаете, о каких серьезных вещах идет речь. Вы не имели права выпускать его из поля зрения!

— Не видел в этом необходимости. Я верю Дуброву. Мне кажется, он знает, что делает.

Ротанову приходилось прилагать все больше усилий, чтобы не сорваться, не высказать Крамову всего, что он думал о его поведении в истории с Дубровым. Не имело смысла ссориться с этим человеком, единственным, на кого он мог здесь опереться.

— Почему вы решили, что Дубров не вернется?

— Он взял с собой полный рабочий комплект полевого снаряжения, месячный рацион, ну и еще кое-что...

— По крайней мере, из этого следует, что искать его нужно здесь, на Реане. — Ротанов мрачно усмехнулся. — Когда вы мне говорили, что с Дубровым все обстоит не так просто, что мне не удастся изолировать его, вы имели в виду именно это?

— Не только. Человек, попробовавший сок трескучки, становится уже не просто человеком. Во всяком случае, не простым человеком. Мне кажется, вы и сами это поняли.

— Да, кое-что я понял, к сожалению, без вашей помощи... — не удержался от упрека Ротанов. — Вначале вы умолчали о живых спороносителях, теперь чего-то не договариваете о Дуброве. Я ведь не к теще на блины приехал!

— Здесь наш дом. Наши дела. Земля далеко отсюда, а в своих делах мы разберемся сами. Вы здесь гость.

Ротанов отвернулся. Он с трудом подавил в себе гнев. Его полномочия на этой далекой планете стоили не так уж много. В основном они зависели от него самого, от тех взаимоотношений, которые складывались с колонистами. Почти никогда Ротанов не пользовался чрезвычайными правами инспектора, старался даже не напоминать о них. Вот и сейчас одну-единственную вещь сказал он Крамову, не мог не сказать...

— Все мы здесь гости, Крамов. Все люди. И дом этот чужой. Мы даже не знаем, чей он. Подумайте об этом.

«Чтобы понять до конца, нужно испытать самому» — старая истина. Старая, как мир. Ротанов сидел, опершись спиной о толстый ствол трескучки, как совсем недавно в этом самом месте сидел Дубров. Казалось, непостижимым образом время сделало полный круг и вернулось к первоначальной точке. Только на месте Дуброва теперь сидел он сам... Капля за каплей сочился из пресса маслянистый, остро пахнущий сок. Он не хотел рисковать и решил повторить все, что делал Дубров, во всех деталях. Другого пути у него попросту не осталось. Шестидневные поиски Дуброва не увенчались успехом. Конечно, он мог сообщить на Землю о своей неудаче, о том, что расследование, в сущности, зашло в тупик, что сюда необходимо выслать хорошо оснащенную экспедицию... Но пока она прибудет, цветение трескучек закончится и придется ждать еще восемь лет. К тому же в глубине души Ротанов не сомневался, что не количество исследователей и качество снаряжения определяют успех в поисках истины, что-то другое... может быть, умение принимать такие вот решения?

Все. Пожалуй, это последняя капля. С каждой секундой сок изменялся на воздухе, и он не знал, сколько времени он сохранит свои первоначальные свойства. Лучше всего не терять ни секунды. И все же он в последний раз перебрал в уме, не забыл ли чего на тот случай, если не вернется из этого нереального путешествия в никуда... В сейфе заперты его записи, выводы. Оставлено письмо Крамову с просьбой вскрыть сейф через неделю после его ухода... Еще что? Он неплохо экипирован, вооружен. Все необходимое в дальней дороге здесь с ним, в этом потрепанном вещмешке. Осталось поднести к губам пузырек... С чем? В том-то и дело... Двое погибли... Погибли или не вернулись, как Дубров? Чего-то Крамов не договаривает, но это теперь неважно. Скоро он все будет знать сам, без посторонней помощи.

Он говорил и говорил себе разные обыденные слова, пытаясь заглушить самый обыкновенный человеческий страх. Не раз ему приходилось рисковать жизнью в обстоятельствах, гораздо менее значительных, но ни разу еще ошибка не стоила так дорого. Нелепая тайная смерть от растительного яда неземного растения... Что о нем подумают друзья? Поймут ли? Смогут ли оценить все обстоятельства, взвесить их так, как взвесил и оценил он сам? Или скажут, что действие наркотика непредсказуемо, и запретят людям

подходить к этой роще? А может быть, и вообще закроют планету... Слишком многим он рисковал. Слишком многое ставил на карту. «Памятник тебе не поставят, это уж точно. Жаль, что Олега здесь нет, посоветоваться толком и то не с кем. Ну, хватит. Довольно сантиментов!» — оборвал он себя.

У жидкости был резкий, ни на что не похожий вкус. Отдаленно она напоминала, пожалуй, смесь каких-то пряностей. Ванили, корицы, еще чего-то знакомого, но забытого в детстве, может быть, вкус туалетного мыла. В следующее мгновение Ротанова оглушила волна подавившего все ощущения тошнотворного запаха. И он не смог уловить момент, когда сознание полностью вышло из-под контроля и все заволокла серая непробиваемая пелена. Это была именно пелена, а не полный мрак, какой бывает, например, в анабиозе или под наркозом. Сквозь эту пелену Ротанов ощущал какое-то движение, словно мир вокруг него начал быстро вращаться. Или это вращался он сам? Таким ли бывает головокружение? Ему трудно было разобраться в своих ощущениях, потому что голова походила на ватный шар. Он почти полностью утратил способность воспринимать окружающее.

Следующим ощущением, поразившим его своей определенностью, было сознание того, что в лицо ему бьет яркий солнечный свет. Он пробивался сквозь плотно зажмуренные веки и почти насильно вытягивал рассудок Ротанова из серого болота небытия. Несколько мгновений Ротанов лежал не шевелясь и не открывая век. Прислушивался к своему телу. Сердце билось часто и мощно, словно он только что бежал в гору. Дышал он легко, не чувствуя никаких запахов. Потом он услышал звуки и поразился их количеству и разнообразию. Все его существо переполняла простая радость. Он жив. Жив! Он прошел через это и все-таки остался жив!

Наконец он открыл глаза и понял, что лежит в чем-то отдаленно напоминающем траву. Со всех сторон его окружали яркие зеленые заросли, а прямо в лицо било утреннее солнце. Пожалуй, самым впечатляющим был именно этот мгновенный переход от ночи к ослепительному сияющему дню. Он еще не способен был анализировать происшедшее и мог только по-щенячьи радоваться солнечному свету и яркой зелени, укрывшей его со всех сторон, как в колыбели. В следующую секунду Ротанов обнаружил, что сравнение с колыбелью пришло ему в голову отнюдь не случайно. Поскольку он был наг. Совершенно наг. Рывком протянув руку к рюкзаку, который лежал рядом, он не обнаружил в этом месте ничего. Даже трава не была примята.

Итак, в этот мир приходят нагими и безоружными... Он должен был догадаться об этом еще раньше, когда подбирал одежду Дуброва... Благодушное настроение мгновенно покинуло его, уступив место ощущению беспомощности. Он рывком сел и, с трудом поборов головокружение, осмотрелся. Он сидел в чаще трескучек. Была примерно середина дня, и вокруг росли не те трескучки. Спороносы у них определенно казались выше и мощней. Стебли толще и раскидистей. Кроме того, между их корнями не гулял ветер, выдувая пыль и песок, как это было на Реане. Здесь все оплела собой пружинистая трава, какие-то незнакомые кусты. Это была другая Реана... Все еще не решаясь до конца поверить в происшедшее, он уже подыскивал подходящее объяснение случившемуся, потому что не мог иначе. Сок трескучек... Наверно, это всего лишь запал, включающий сложнейшую систему перехода сквозь время... Ведь для этого нужна энергия. Уйма энергии... И конечно, не в соке дело. Он вспомнил бегущие по ущелью спороносы. Энергии им не занимать, недаром в районе рощи изменяются магнитные и гравитационные поля планеты... Уцепившись за ствол трескучки, Ротанов поднялся на ноги. Прямо перед ним, буквально в десятке метров, заросли пересекала дорога. Самая обычная сельская дорога, не покрытая ничем, кроме пыли.

— Вообще, все не так уж плохо, — успокоил он себя. — Ты очутился там, куда стремился, конечно, без снаряжения, одежды и запаса пищи долго здесь не протянешь... Нужно срочно что-то предпринять. Прежде всего необходимо одеться. — Он вспомнил стереофильм о дикарях острова Пасхи. Они прекрасно обходились пальмовыми листьями... Правда, здесь нет пальм, но на первое время сойдут листья трескучек. Он сплел из них что-то вроде набедренной повязки. Получилось не очень красиво, зато прочно. Покончив с этим,

Ротанов вышел на дорогу. Буквально через сто метров заросли кончились и перед ним открылся холм, на который взбиралась дорога. На самой его вершине темнели знакомые крепостные стены. Сомнений больше не осталось. Он попал в мир, изображенный на картине рэнитов. И хотя он ждал чего-то подобного, оглушение от этого открытия не стало меньше.

К стенам замка ему удалось подойти скрытно, прячась в густых зарослях, вползавших на самую вершину холма. Колючки жестоко царапали его незащищенную кожу, но это приходилось терпеть. Он должен был соблюдать осторожность. Чем ближе пробирался он к замку, тем больше признаков говорило за то, что древнее строение обитаемо. Дымок над крышей, следы повозок, наконец, запах хлева, долетающий с задних дворов. Строение трудно было назвать замком. Это был скорее ряд жилых построек, защищенных мощной высокой стеной. Еще издали Ротанов понял, что стену строил архитектор, хорошо усвоивший законы пропорций и особенности местности. Причем это был именно архитектор, а не военный инженер. Северным крылом крепостная стена вплотную примыкала к скальному выступу, с которого осаждающие в случае необходимости могли бы легко перебросить лестницы и помосты. Но были ли осаждающие в этом диком краю? К чему тогда строить такую мощную стену?

К замку вела одна-единственная дорога, и, пока Ротанов пробирался в зарослях, он не заметил на ней ни малейшего движения. Заросли, наполненные криком невидимых птиц, жили своей собственной жизнью. В них не было ни малейших следов деятельности человека. Наконец Ротанов очутился у самой стены. Она была сложена из массивных каменных блоков, размер которых внушал невольное уважение. Поверхность камня, обращенная наружу, оказалась почти не обработанной, и грубые выбоины позволяли, цепляясь за неровности, подняться довольно высоко, может быть, до самого верха... Еще одна небрежность строителей?

Ротанов не стал испытывать судьбу. Взбираясь на стену, он станет отличной мишенью для охранников в угловых башнях, если там были охранники. Более разумней казалось подняться на вершину скального выступа, с которого наверняка откроется вид на внутренний двор замка. Почти целый час Ротанов пролежал на вершине скалы, разглядывая пустой двор. И за все это время он не заметил в замке ни малейшего движения. Ничего не стоило перебраться на стену и спуститься во двор. Но он пришел сюда как гость и не хотел придавать своему визиту с первых шагов сомнительный характер. В конце концов, существовали ворота. Те, кто построил этот замок, вряд ли сильно отличались от людей.

Ворота, сбитые из целых стволов трескучек, оказались заперты, но снаружи имелось огромное металлическое кольцо из какого-то красноватого металлического сплава. Ротанов взялся за него и несколько раз дернул. Внутри гулко отозвался колокол, и через минуту ворота неторопливо поползли вверх, открывая вход.

Внутренний двор оказался совсем небольшим. Сверху он казался ему гораздо больше. Едва Ротанов переступил порог, как ворота с грохотом опустились за его спиной. Впереди на стене главного здания возвышался балкон, красиво украшенный резными балюстрадами. Прежде чем Ротанов решил, что делать дальше, дверь на балконе распахнулась, и четыре мужские фигуры, одетые в свободные плащи темного цвета с синей и золотой оторочкой, вышли на балкон и остановились, молча разглядывая Ротанова.

Текли секунды, никто не шевелился, казалось, прошла целая вечность в немой неподвижности. Ротанов жадно вглядывался в их лица. Это были человеческие лица. И они были совершенны, словно их всех четверых изваял один и тот же гениальный скульптор. Так вот какие они, рэниты. Больше двух метров роста — настоящие великаны. У того, что был выше всех, волосы серебрились на солнце. Была ли это седина, Ротанов не мог сказать, ни одна морщина не смела коснуться их лиц. Ни волнения, ни любопытства не отражалось на них, словно это и впрямь были лица статуй. В конце концов Ротанов почувствовал беспокойство. Так не встречают гостей. Во всяком случае, так их не встречают люди... И вдруг он словно бы посмотрел на себя их глазами. Полуголый, исцарапанный дикарь в набедренной повязке стоял во дворе... Зачем он пришел, откуда, что ему здесь надо? Не эти

ли вопросы скрывались сейчас за их бесстрастными лицами? Только теперь он ощутил всю невероятную сложность первого контакта. С ним не было его верных электронных помощников, они не поймут друг друга, ни одного слова. Он ничего не сумеет объяснить... И вдруг, разрушая его сомнения, ясный и громкий голос на чистейшем интерлекте, на котором вот уже два столетия разговаривали все народы Земли, спросил:

— Кто ты такой?

Это было настолько неожиданно, что Ротанов произнес первые пришедшие в голову слова:

— Я человек с планеты Земля.

Прозвучало это торжественно и нелепо.

— Это мы знаем. Твое звание и имя?

— Вы знаете интерлект? Откуда?

— Вопросы здесь задаем только мы.

И сразу же Ротанов почувствовал, каким непростым будет этот разговор... Инспектор внеземных поселений обязан быть дипломатом, и он ничем больше не выдал своего волнения.

— Вы можете считать меня представителем правительства Земли. Я осуществляю контроль за внеземными поселениями, созданными людьми. — Ему очень мешало отсутствие одежды, и этот дурацкий балкон, возвышавший собеседников настолько, что ему все время приходилось задирать голову. То ли акустика во дворе была такой, то ли голос говорящего был чрезмерно громок, но Ротанова буквально оглушали величественные раскаты, несущиеся с балкона. Долгая дорога через заросли утомила его, солнце жгло исцарапанную кожу, пот заливал глаза, не очень подходящие условия для первого дипломатического контакта с иной цивилизацией. «Ничего, обойдешься, — сказал он себе, — ты сам заварил эту кашу. И если сейчас ты провалишь дело, тебе этого никогда не простят, да и сам ты себе этого не простишь, так что держись и смотри в оба, что-то здесь не так, что-то ненормально. У них даже любопытства нет. Только эта спесь, не многовато ли ее для затерянного на пустой планете замка? Нужно выяснить как можно больше». Ему нужна была информация, за ней и шел, не считаясь ни с каким риском. Стоящие на балконе о чем-то переговаривались между собой, очевидно, звание Ротанова произвело на них некоторое впечатление. Сейчас до Ротанова не долетало ни звука, словно во дворе выключили громкоговоритель. Но вот самый высокий мужчина обернулся, и вновь над Ротановым загремел знакомый голос:

— Зачем ты пришел к нам?

— Я ищу землянина. Его зовут Дубров. Валерий Дубров.

— Его нет здесь.

— Но он был у вас?

— Был и ушел.

— Был и ушел... — Как эхо отдались эти слова в голове Ротанова. Значит, все было напрасно. И вдруг подумал, что погоня за Дубровым постепенно превращается для него в самоцель, что Дубров в конце концов найдется и дело вовсе не в нем. Неизвестно, сумел ли он до конца раскрыть загадку Реаны, что именно узнал, как глубоко проник в тайны планеты... Теперь, когда он сам был здесь, в далеком прошлом Реаны, он обязан был попробовать пройти этот путь самостоятельно.

— Чего еще ты ждешь? — прервал его мысли голос с балкона.

— Я хотел бы получить информацию... — Слово прозвучало отчужденно, оно не отражало того, что он хотел сказать, и Ротанов поправился:

— Я хотел бы получить знания.

— Мы не раздаем наших знаний даром. Они стоят дорого.

— Земляне не станут торговаться с вами. И нам не нужны одолжения. Мы предоставим в обмен знания и открытия, сделанные людьми.

— Мы не нуждаемся в них. Мы не знаем, что делать с собственными.

— В таком случае мы найдем чем заплатить за ваши знания. Человечество достаточно богато.

— Никакие материальные ценности нельзя пронести сквозь время. Все ваши богатства здесь не имеют цены.

— Что же вы цените в таком случае?

— Только труд. Ты согласен трудиться в обмен на знания?

— Что именно я должен буду делать?

— Все самое необходимое. Ковать железо, возделывать землю, ткать, ухаживать за животными.

— В таком случае я хотел бы знать цену.

— Цена стандартна. Год работы за час.

— За час чего?

— За час ответов на любые вопросы, которые ты сумеешь задать.

Год работы... Совсем недавно он готов был заплатить за это жизнью.

4

Комната, отведенная Ротанову, оказалась светлой и чистой. Хотя и совсем небольшой. В ней помещался грубо сколоченный топчан, накрытый кошмой. Столь же грубо сделанный стол с табуретом. На вешалке висела толстая полотняная рубаша и что-то вроде рабочего комбинезона. Дверь за ним закрыли, но Ротанов не слышал ни скрежета засова, ни щелчка замка... Как только стихли шаги сопровождавшего его рэнита, он попробовал открыть дверь. Она легко поддавалась его усилиям, и он вновь увидел коридор, ведущий во двор. Ну что же, по крайний мере, рэниты сразу же начали выполнять одно из условий договора, он совершенно свободен и в любую минуту может покинуть замок.

Успокоившись на этот счет, Ротанов более подробно исследовал комнату. На топчане в кошме образовалась вмятина, формой напоминавшая человеческое тело. Он измерил примерный рост того, кто лежал до него на этой постели. Рэниты были выше...

Воды и пищи ему не предложили, очевидно, здесь ее сначала нужно заработать, а возможно, просто еще не наступило время трапезы. Он сел за пустой стол и глубоко задумался. Какие-то едва уловимые признаки указывали на то, что здесь до него жил другой человек. Эта вмятина на топчане, потертости на рубаше, словно специально сшитой на рост землянина... Но в таком случае должен быть и более явный след. Он сам, прежде чем покинуть эту комнату, наверняка захотел бы оставить здесь хотя бы знак о своем пребывании... Где-нибудь в таком месте, чтобы он не сразу бросался в глаза и в то же время так, чтобы его можно было обнаружить... Человек часто садится за стол... Он осторожно опустил руку и провел ладонью с внутренней стороны. Вскоре пальцы нащупали неровные царапины. Ротанов опустился на пол и прочел выцарапанные острым предметом две буквы: В.Д. Но почему только эти буквы? Не захотел написать больше, или не смог, или не надеялся, что эта надпись найдет адресата?

Ну что же... Очевидно, ответы на все вопросы ему придется искать здесь самому.

Рано или поздно они встретятся с Дубровым, встретятся на равных, и тогда они поговорят... Сейчас даже трудно представить, каким будет этот разговор.

Ротанов прилег на койку, чувствуя, как каменная усталость этого невероятно тяжелого дня навалилась на него. Но сон не шел, в голове, как на замкнутой кольцом киноплёнке, продолжали прокручиваться события этого дня, он вновь видел себя в роще трескучек, держал в руках пузырек с жидкостью, которая могла оказаться обыкновенным ядом. Вновь лежал в зарослях незнакомого мира, входил в ворота замка... Разговаривал с рэнитами. Он почти не сомневался, что встретил именно рэнитов и заключил с ними первый в истории человечества договор о сотрудничестве, нет, не первый, первым наверняка был Дубров... Возможно, были еще и те, кто не вернулся отсюда... Вот откуда они знают интерлект. Договор... Станный получился договор. Кто же они такие, рэниты? Торговцы знаниями?

Случайно попавшая на Реану экспедиция? И как могут сочетаться высокие знания, о которых они говорят даже с некоторым пренебрежением, со всей этой примитивной жизнью, с натуральным хозяйством, тяжелым физическим трудом?.. Он не сумел додумать мысль до конца, потому что мгновенный каменный сон наконец сковал его. Ему казалось, что проснулся он почти сразу, но по тому, как сильно сместилось к закату солнце, понял, что прошло не меньше трех часов. Он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим, есть только хотелось еще сильнее, и по-прежнему мучила жажда. С этим нужно было что-то решить. Едва он встал с твердым намерением заняться поисками пищи и воды, как над замком проплыл глубокий мелодичный звук. «Гонг или колокол... Может быть, это и есть сигнал к ужину?» — Ротанов натянул рубаху и комбинезон, очевидно, вечернего фрака здесь не полагалось.

Пустой двор, пустая лестница... Местное общество не блистало многочисленностью, но не четверо же их здесь? Или все-таки четверо? Тяжелая двустворчатая дверь, ведущая во внутренние покои замка, оказалась гостеприимно распахнутой. Ротанов не стал ждать специального приглашения и вошел. Здесь было что-то вроде центрального зала для приемов или трапезной, вероятно, самое большое помещение в замке. В центре зала стоял длинный обеденный стол, накрытый к ужину. Четверо знакомых рэнитов молча сидели у своих приборов. Ротанов отметил, что свободны еще два места, в центре стола и с краю. Решив, что центральное место вряд ли предназначалось ему, он скромно устроился с краю. Никто не произнес ни слова и никак не реагировал на его появление. Все продолжали молча и неподвижно сидеть на своих местах, не прикасаясь к пище. Несмотря на мучивший его голод, Ротанов не стал нарушать приличий и терпеливо ждал вместе с хозяевами, только осторожно втянул носом воздух, стараясь по запаху определить, насколько съедобны местные блюда. Еще раньше он заметил, что все предметы в замке: посуда, утварь — носили на себе следы ручного изготовления. Очевидно, серийное машинное производство рэнитам неизвестно. Это выглядело довольно странно, если вспомнить, на каком уровне художественного мастерства и техники была выполнена сделанная ими картина. Ротанов знал, как часто ошибочны бывают поспешные выводы. Он провел в замке всего несколько часов.

Кого же все-таки они ждут? От запаха горячей пищи Ротанов испытывал мучительные спазмы в желудке. Пахло довольно аппетитно, чем-то вроде вареного гороха. Большой медный поднос в центре стола наполнял зеленоватое пюре явно растительного происхождения. «С этого я и начну», — решил Ротанов. Он уже собрался, игнорируя приличия, положить себе на тарелку этого самого пюре, как все поднялись. В дальней стороне зала открылась внутренняя дверь, и в комнату вошла женщина. Ротанов забыл о еде. Он узнал ее сразу же, с первого взгляда. Ее и невозможно было не узнать. Там, на картине, огромный до висков разрез глаз казался ему художественным преувеличением. Но глаза и на самом деле были такими. Если не считать этих огромных глаз, во всем остальном ее лицо было той правильной, старинной формы, какими рисовали иногда древнегреческие художники лица своих богинь...

Неожиданно для себя Ротанов обнаружил, что все еще стоит, в то время как все остальные давно уже начали ужин, не обращая на него ни малейшего внимания. Женщина ни разу не взглянула в его сторону, впрочем, она вообще ни на кого не взглянула. Не сказала даже обычного, принятого за столом приветствия. Станным казался этот ужин в немом молчании. Может быть, между рэнитами существовали какие-то другие средства общения, кроме звукового языка? Иногда они обменивались быстрыми, едва уловимыми взглядами, и это было все.

Ротанов не понимал, что именно ел. Обстановка за столом с приходом женщины стала казаться ему почти оскорбительной. Рэниты определенно как-то общались друг с другом. Оказывали друг другу за столом какие-то мелкие услуги. Ротанова же просто никто не замечал. Вокруг него словно сгустился некий вакуум. Так, наверно, чувствовал себя слуга в далекое феодальное время, если бы за какую-то чрезвычайную услугу ему разрешили сесть

за один стол с господами. Возможно, приход женщины попросту обострил его чувство самолюбия. Несколько раз он бросал в ее сторону быстрые заинтересованные взгляды и невольно, забываясь, вновь и вновь любовался ее лицом, движениями, одеждой... Она вся казалась произведением искусства. Тяжелые распущенные волосы перехватывала чуть выше лба массивная, из чеканного серебра диадема. На ней были изображены непонятные Ротанову символы и знаки, а в самом центре, отражая блеск светильников, недобрым алым пламенем вспыхивал какой-то камень — не то гранат, не то рубин... Руки женщины, обнаженные до самых плеч, украшали тонкие серебряные браслеты, которые звенели, как маленькие колокольчики при каждом движении.

Ротанов повидал на своем веку немало красавиц. После того как на Земле стал работать универсальный институт красоты с отделениями на всех континентах, любая женщина могла придать своему лицу тот облик, какой ей нравился. И возможно, от этого в лице каждой красавицы ему невольно чувствовалось нечто искусственное. От лица рэнитки веяло древностью, словно оно вместе с диадемой было отчеканено из старинного потемневшего от времени серебра... Такими бывают подлинные произведения искусства. Подделку бы он узнал сразу. Ему хотелось уловить в ее глазах хотя бы намек на недовольство его откровенным разглядыванием, но она его не замечала до такой степени, словно он не отбрасывал в этом зале даже тени. В очередной раз ощутив укол уязвленного самолюбия, Ротанов поспешил закончить трапезу и первым покинул обеденный зал. И опять никто не остановил его, хотя, возможно, следовало остаться и хотя бы убрать за собой посуду. За столом никто не прислуживал. Похоже, в замке вообще не было слуг. Но не могли же эти пятеро сами вести все натуральное хозяйство, одевать и кормить себя, лечить и развлекать и до такой степени оставаться равнодушными к новому члену их сообщества! Чего-то он здесь определенно не понимал.

Выйдя из трапезной, Ротанов обследовал двор и обнаружил в углу у стены хорошо оборудованную мастерскую с горном и приличным набором инструментов. Правда, их качество из-за полного отсутствия машинного производства оставляло желать лучшего. Он не сумел найти ни одного напильника. Очевидно, их в какой-то степени заменяли бруски из точильного камня.

С самой первой минуты, очутившись в этом мире, он остро ощущал не только отсутствие одежды. Ему не хватало оружия, всегда служившего надежной защитой на чужих неисследованных планетах. Теперь у него появилась возможность в какой-то степени восполнить этот пробел. Конечно, бластер ему не сделать, но в юности он увлекался арбалетным спортом. Изготовление самодельного арбалета было там обязательным условием... Покопавшись в груде металлического хлама, он обнаружил гибкую упругую пластину из хорошей стали, это его удивило. Рэниты каким-то образом освоили литейное дело, а вместе с ним и тепловую обработку металлов высокого класса, несмотря на отсутствие машин. Пластину он использовал в качестве основного упругого элемента, без которого невозможно изготовление арбалета. Он старался придать оружию небольшие размеры. Мощная стальная пластина позволяла это сделать. Нужно было лишь найти подходящий кусок древесины для ложи. В этот вечер никто не интересовался его делами, и вскоре в маленькой кузнице жарко запылал горн.

Арбалет был полностью готов через две недели. В тот день, когда Ротанов надел на стрелы тяжелые стальные наконечники, грубые, но хорошо отточенные, он решил предпринять небольшую экспедицию за пределы замка. За две недели он так ничего и не узнал о загадочных существах, бок о бок с которыми прожил все это время. Они вели натуральное хозяйство. Работали не покладая рук с утра до вечера, причем Ротанову редко удавалось видеть, как они это делали. С ним общались по мере необходимости и всегда давали дневное задание там, где не работал ни один из рэнитов. Вечером у него принимали дневную работу и давали задание на следующий день. Во время традиционного ужина он мог сколько угодно пялить глаза на прекрасную, как статуя, рэнитку — этим все его контакты с рэнитами и ограничивались. Возможно, вне замка он найдет какие-то следы,

проливающие свет на загадку появления рэнитов на этой планете в далеком прошлом? Кроме того, его интересовали трескучки. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять

— здесь встречаются виды и формы, которых он никогда не видел на Реане... Не с ними ли связана загадка обратного перехода? Неплохо было бы заранее подготовить себе дорогу к возвращению без помощи рэнитов. Причин предпринять экспедицию во внешний мир у него было достаточно. В первую же неделю он установил, что один день здесь полностью посвящается отдыху — сегодня был как раз такой день, и он решил не откладывать своего предприятия. Ворота никем не охранялись. Подъемный механизм приводился в действие простым нажатием рычага. Для того чтобы ворота открылись, достаточно было дернуть кольцо. Ротанов закинул за плечи арбалет, котомку с небольшим запасом продуктов, которые взял в кладовке, ни у кого не спросив, давно убедившись, что спрашивать что-либо у рэнитов бессмысленно. Его снаряжение дополняла еще фляга с водой и грубое подобие ножа, приличное лезвие он так и не сумел выковать. Зато рукоять получилась на славу. С некоторым волнением он вышел за ворота, ежеминутно ожидая оклика и приказа вернуться. Никто его не окликнул. Вскоре дорога сделала поворот, и замок скрылся из виду.

Прежде всего Ротанов решил осмотреть место, в которое попал при переходе. Он хорошо помнил карту Реаны и сейчас безошибочно установил, что планета та самая, что никакого пространственного «сдвига» не было, и каким бы невероятным это ни казалось, оставалось лишь одно правдоподобное объяснение. Он попал в прошлое Реаны, очевидно, в то самое прошлое, когда была нарисована картина. Полтора миллиона лет отделяло его теперь от людей. Человеческая цивилизация на Земле еще не успела родиться... Его воображение не способно было вместить тот гигантский отрезок времени, через который легко, почти буднично, перебросили его вот эти странные зеленые растения... Да полно, растения ли они? Может быть, нечто гораздо более сложное, нечто такое, с чем людям еще не приходилось сталкиваться, и потому мы даже не в состоянии определить, что они такое?..

Взобравшись на ближайший холм, он осмотрел рошу трескучек сверху и вдруг с удивлением заметил, что в сплошном океане зелени, затопившем планету, знакомая ему реановская роща сохранила свои прежние границы. Впечатление было такое, будто кто-то специально укоротил растения, подстриг их вершины гигантскими ножницами с одной-единственной целью — обозначить границы зеленого острова, сохранившегося в песках Реаны через полтора миллиона лет. Кто и зачем мог это сделать? Спустившись в рошу, Ротанов, к величайшему своему удивлению, установил, что стебли растений вовсе не были срезаны. На определенной высоте они постепенно становились невидимыми. Сантиметров десять их стебли еще можно было нащупать, дальше они исчезали совершенно... Ротанов вспомнил, в одном из отчетов биологов он читал о том, что трескучки на Реане не имеют корней... Здесь корни были в полном наличии, зато не было цветов и плодов... Впрочем, нет... Это не совсем так, потому что цветы в виде огромных трескучих погремушек здесь тоже были, но только за той границей, где кончалась роща, сохранившаяся на Реане в далеком будущем... Во всем этом была какая-то неясная ему закономерность. Ротанову казалось, что вот сейчас, в эту самую секунду, он поймет нечто очень важное. Известные факты уже сами собой выстраивались в некую еще не совсем ясную систему. «Нет корней в будущем, но зато они есть здесь, в прошлом. Никто никогда не находил настоящих плодов трескучки, споры — это не плоды, он столько слышал о легендарном семени трескучки, все о нем слышали, и никто не видел...» И в эту самую секунду, когда, казалось, он уже ухватил убегающую мысль, прямо над его головой с оглушительным грохотом лопнул зрелый споронос. Лавина спор хлынула на землю и покрыла ее толстым темным ковром. Буквально в двух шагах от Ротанова лежал этот толстый шевелящийся ковер. Казалось, упав на землю, он все никак не мог успокоиться. Заинтересованный Ротанов подошел еще ближе. У него на глазах происходило образование живого спороносителя. Вся масса спор теперь стянулась в тугую плотную массу, напоминающую разлитую по земле ртуть. Она была так же подвижна и, очевидно, так же тяжела. Постепенно из нее вверх начал

медленно расти какой-то предмет. Но это не был знакомый и безобидный треножник, что-то другое, достаточно грозное в своей неожиданности, стало обретать жизнь, становилось выше, массивнее, и вдруг он понял, что это такое... Помогла аналогия с хорошо известным ему неземным растением. Мощный темный стебель на глазах вытягивался вверх. Он уже был выше его головы, и на самом верху образовалось утолщение величиной с хорошую тыкву. Оно округлилось, в середине появились широкие глянцевитые лепестки. Потом они раздвинулись, приподнимая укрытое в самом центре массивное образование. Что там было? Тычинки? Пестики? Этого он не помнил, зато хорошо помнил, что цветок этого растения при малейшем прикосновении к тонким, как шнуры, щупальцам выбрасывал в воздух миллионы ядовитых иголок. Яд растения убивал все живое, а иглы иногда пробивали даже силиконовую броню скафандра. Сейчас на нем не было скафандра...

Ротанов почувствовал, как у него пересохло во рту, потому что вокруг, спереди и сзади, уже шевелился темный ковер растущих из стебля щупалец. Извиваясь, они обтекали его, замыкали кольцо... Отступать уже было некуда. Слишком поздно он понял, что это такое... Но откуда, откуда он здесь? Ведь ничего не было, кроме спор!..

И вдруг сзади налетел порыв ветра. Неожиданно цветок сморщился, словно собирался чихнуть, потом медленно стал съеживаться, уменьшаться в размерах. Закрылись лепестки, втянулись внутрь стебля щупальца-ловушки. Словно кто-то прокручивал перед Ротановым киноленту в обратном порядке. Утончился и закачался высокий стебель, потом с сухим шелестом обрушился вниз, рассыпаясь в темную тяжелую пыль, из которой только что возникла эта грозная смертью ловушка. Сейчас она исчезла, у него на глазах растворилась в ковре тяжелых спор, только что родившем ее. Почти сразу же из него один за другим стали вылупляться, как цыплята из яйца, уже знакомые Ротанову треножки живых спороносителей. Они тут же разбегались в разные стороны и исчезали в зарослях. Через несколько минут ничто уже не напоминало о происшедшем. Потрясенный Ротанов достал флягу с водой и смочил пересохшее от волнения горло. Потом разрядил арбалет, тяжело опустился на песок рядом с тем местом, где только что раскачивался, грозя ему гибелью, стебель растения. Песок в этом месте казался нагретым. Ротанов набрал его полную пригоршню и медленно пропустил между пальцев.

Так что же произошло? Вначале его явно собирались атаковать, но, как только ветер донес его запах, запах человека, цветок стал сворачиваться и в конце концов превратился в эти безобидные треножки. Масса спор не обладает собственной энергией. Это просто микроскопические кирпичики, подчиняющиеся формирующим полям. Из них, наверно, много чего можно построить, не только этот ядовитый цветок...

Энергию и соответствующие команды споры наверняка получают от своего родителя... Ротанов долго задумчиво смотрел на толстый ствол растения с разорванным спороносом. Свесившись набок, он сейчас еще больше походил на белый колокол... «Что же ты такое? — тихо спросил Ротанов. — Твои корни уходят в глубокое прошлое. Они растут здесь уже миллион лет, потом распустятся колокола цветущих спороносов... И только в далеком будущем образуются плоды, оттого никто и не нашел легендарного семени трескучек... Растение, подчинившее себе время или приспособившееся к его течению настолько, что время стало не властно над ним? Его сок, проникая в живые клетки человеческого тела, способен перенести их хозяина в далекое прошлое, к самым истокам... Так растение ли это, или нечто значительно более сложное и, может быть, даже более важное, чем найденные им в прошлом остатки рэнитской цивилизации?»

Ротанов перебрал через плечо ненужный арбалет, потому что вдруг понял: ничто ему не грозит в этой роще. Трескучки прекрасно могут отличать врагов от друзей, а он пока что не сделал ничего такого, чтобы стать врагом этих существ. Здесь у трескучки наверняка есть враги. За одного из них его и приняли вначале. Ротанову вдруг стала понятна толщина и высота стен рэнитского замка...

На этот раз дром был огромен. В два раза больше предыдущего. Четыре гибкие лапы

мелькали так быстро, что отдельных движений не было видно. Над ними возвышались массивные челюсти, утыканные острыми как кинжал зубами. Вельда знала, что ей не уйти. Джар, везущий ее повозку, устал, к тому же он не боялся дрома и не очень спешил. Всего несколько метров отделяло ее от дрома, она видела, как аспидным блеском отливают его широкие верные клыки. Вельда изо всех сил хлестнула Джара, но было уже поздно. Дром вытянулся и в последнем броске дотянулся до повозки. Его тяжелые челюсти сомкнулись на ободе колеса. Оно хрустнуло, и во все стороны полетели обломки, повозка накренилась на один бок и остановилась, от резкого толчка Вельда вылетела из нее, откатилась к обочине. Дром, занятый повозкой, не обращал на нее внимания. Она видела, как он в ярости крошит дерево, рвет сыромятные ремни креплений, словно повозка была живым существом.

Вельда знала, что теперь у нее оставалось всего несколько секунд. Покончив с повозкой, дром в любом случае настигнет ее. У него не было глаз, но он хорошо улавливал запахи. Повозка пахла ее телом и именно поэтому вызвала в дrome такую ярость. Вельда вскочила на ноги и бросилась к зарослям. Отчаяние придало ей сил. Но дром уже почувствовал неладное, он приподнял свою тяжелую, словно выкованную из стали, голову и устремился за ней. Она не заметила, когда из зарослей выскочил человек. Увидела его уже рядом, он оттолкнул ее и встал на пути у дрома. В руках у него было какое-то странное оружие, похожее на рогатину. Раздался резкий свист, и тяжелая стрела мелькнула в воздухе. Дром продолжал бежать, но что-то в его движениях изменилось. Угловатые формы начали вдруг округляться. Дром словно стал ниже. Тяжелая голова опустилась и как будто смазалась.

Только теперь Ротанов позволил себе взглянуть на девушку. Волосы, заплетенные в несколько мелких косичек, отсутствие всяких украшений, простая запыленная одежда, эта повозка... Ничто не напоминало вчерашнюю принцессу из старинной сказки, разве только глаза... Ротанов нагнулся, протянул ей руку и помог встать на ноги. Она оказалась примерно одного с ним роста. И он с удовольствием почувствовал, какой сильной и гибкой оказалась ее рука. Несколько секунд она ее не отнимала, и они молча стояли рядом, разглядывая друг друга. Наконец она отняла руку, отступила на шаг, неловким жестом отряхнула с одежды пыль и вдруг лукаво, совсем как земная девчонка, улыбнулась. Улыбка была такой мимолетной, что Ротанов засомневался, не почудилась ли ему она. Потом рэнитка произнесла несколько слов на певучем непонятном языке, чем-то похожем на язык древней Полинезии. Звучали эти слова примерно как «ларанго тало ароно». Девушка прижала к груди левую руку и чуть наклонила голову. Этот жест, наверно, был бы понятен на любой планете.

Ротанов обругал себя за недогадливость, он считал, что все рэниты должны знать человеческий язык. Конечно, его изучил кто-то один, и, возможно, именно поэтому за столом царит молчание. Наверно, они просто не хотят разговаривать при нем на своем языке, считая это невежливым.

Ротанов помог девушке собрать разбитую повозку. Ему удалось даже связать сыромятными ремнями рассыпавшееся колесо. Девушка вновь запрягла странное животное, больше похожее на огромную толстую гусеницу, чем на лошадь. Ножки у животного были коротенькие, и, пока Ротанов обвязывал вокруг них сложную упряжь, все время путаясь в многочисленных ремешках, он насчитал этих ножек, по крайней мере, пар восемь. Прежде чем уехать, девушка показала на себя рукой и сказала: «Вельда, Арона-ла. — И еще раз повторила: — Вельда». Ротанов церемонно кивнул головой и представился сухо, как на официальном приеме: «Ротанов».

— Ролано? — переспросила девушка.

Ротанов молча кивнул. Пусть будет «Ролано», какая разница...

Повозка, переваливаясь с боку на бок, медленно отъехала, он долго еще смотрел ей вслед, потом перебросил через плечо арбалет, нашел в кустах кетмень и пошел заканчивать выделенную ему в качестве дневной нормы делянку. В одном он мог поклясться — стрела, выпущенная им в дрома, прошла мимо цели...

Вернувшись после ужина в свою комнату, Ротанов лег на топчан не раздеваясь.

Прошел почти месяц с того момента, как он появился в замке. Мышцы от физической работы окрепли, и он уже не чувствовал оцепеняющей усталости, которая заставляла его буквально валиться с ног первые дни. Теперь у него оставались силы и время, чтобы лучше изучить мир, в котором он очутился. Он собирал образцы пород, описывал новые виды растений, уходил довольно далеко от замка, уделял основное время и внимание зарослям трескучки, раскинувшимся на многие десятки километров вокруг. Никто ему не препятствовал, никто не вмешивался в его дела, попросту никто не интересовался им. Лишь бы он выполнял дневную норму работы... Первое время его это вполне устраивало. Но сегодня вдруг навалилась тяжелая гнетущая тоска, скрутила его, лишила всякого желания продолжать начатую работу. Он вспомнил причину, вызвавшую приступ ностальгии именно сегодня, но это мало помогло. Во время ужина девчонка, которую он спас сегодня, не взглянула на него ни разу. Но, видимо, была еще и другая причина для тоски. «Командировка, — утешал он себя первые дни. — Это просто такая командировка...» Но из командировки можно вернуться. Из любой, самой дальней экспедиции в конце концов возвращаются, а отсюда? В том-то и дело, что этого он не знал. Дубров умел возвращаться. Он надеялся найти здесь Дуброва и вернуться с ним вместе и ничего не нашел. Он заключил с рэнитами странную сделку, с одной-единственной целью: узнать о них побольше, наладить обычный человеческий контакт, из которого рано или поздно рождается взаимопонимание, и ничего не добился. Ничего, кроме оглушающего одиночества и чувства безнадежности своей затеи. Кому нужны все эти минералы, образцы растений, описания животных, давно ставших на этой планете палеонтологическими курьезами? Разве что его открытия, связанные с трескучками, имеют настоящую цену, но их еще нужно проверить, а главное — надо суметь донести эти данные до Земли... Рэниты ему в этом не помогут. На какое взаимопонимание можно рассчитывать, о каком контакте может идти речь с существами, лишь внешне похожими на людей? Неспособных испытывать простого чувства благодарности, сумевших отгородиться от него стеной ледяного безразличия... Сегодня он спас девчонку от верной гибели, он сделал это совершенно рефлекторно, как сделал бы на его месте любой землянин, и не нуждался он в ее благодарности! Но и привычного ледяного молчания за ужином не ожидал. Не ожидал, что она вновь превратится в надменную аристократку, увешанную драгоценностями. А он в своей запыленной и изодранной рабочей одежде вновь почувствует себя в обществе рэнитов существом низшего разряда. Он валялся на топчане и думал, какой замечательный человек Крамов и насколько секретарь председателя колонии на Реане симпатичней этой надменной рэнитки. Он убеждал себя в том, что огромные глаза, если разобраться в этом получше, попросту безобразны. Он достиг в этом почти полного успеха, как вдруг заметил на столе маленький листочек бумаги, которого здесь не было раньше...

5

Небо здесь казалось черней. Звезды крупнее и ближе. Огрызок луны висел у самого горизонта. Его свет не мог притушить даже свет звезд. Словно кто-то посадил на небосводе огромный фиолетовый синяк.

Ночью холод легко пробирался под тонкую одежду, и Ротанов продрог, ожидая на площадке башни назначенного в записке часа. Ночи здесь тянулись бесконечно. Может быть, оттого, что ночью никто не измерял время. Не звонили часы на башнях, ни один звук не нарушал мертвую глубокую тишину. Наконец вдали на стене мелькнула чья-то фигура.

Женщина приближалась медленно, вся закутавшись в толстое белое полотно, чем-то похожее в этой мертвой ночи на саван. И все же даже сейчас, сквозь эту толстую, скрадывающую одежду, он угадывал, как величественна ее походка, как гордо откинута под капюшоном голова... Древние легенды говорили о том, что принцессой нужно родиться. Может быть, они были правы. Еще издали он заметил у нее в волосах сверкающую рубиновым огнем диадему. Камень в ней слегка светился.

Рэнитка остановилась от него в двух шагах, откинула капюшон, ее длинные волосы,

чуть окрашенные кровавым светом камня, свободно заструились по плечам. Очень долго они стояли рядом совершенно молча, словно погрузившись в ночное безмолвие, во всю эту мертвую нереальную ночь. В ночь, которая прошла миллион лет назад... Ротанов не мог поверить, что это та самая женщина, которая везла в повозке мешки с зерном и которую он спас не далее как вчера... Ему казалось, с тех пор прошло много лет и, наверно, минуло не меньше столетия, пока они молча стояли друг подле друга.

Женщина заговорила медленно и печально, ее лицо оставалось странно неподвижным, невыразительным, точно слова, которые она произносила, не имели к ней ни малейшего отношения. Ротанова поразило, что сейчас она свободно говорит на его языке. Словно угадав его мысли, рэнитка пояснила:

— У нас не принято женщине разговаривать с чужеземцем на его языке. Но закон иногда нарушают.

— Да. Я знаю, — сказал Ротанов. — Чтобы очутиться здесь, мне тоже пришлось нарушить закон.

И снова они надолго замолчали, луна наполовину спряталась за горизонт, сместились на небосклоне ночные созвездия, а Ротанов все стоял неподвижно, не чувствуя холода, и всматривался в черты ее лица, такие прекрасные и чужие, словно хотел запомнить их навсегда...

— Почему ты ничего не спрашиваешь? Люди любят задавать вопросы, много вопросов...

— Я хотел бы задать лишь один. За что дромы так ненавидят вас?

Женщина отступила на шаг, словно отшатнулась, и присела на край холодной каменной балюстрады.

— Ты умеешь выбирать вопросы, чтобы ответить, мне придется рассказать тебе все. Не знаю, поймешь ли, но все равно слушай...

Она говорила медленно, тщательно подбирая слова, словно проверяя их цену. Ночь сомкнулась вокруг них еще плотнее, еще мохнатей и холодней стали далекие созвездия. Ротанову казалось, что он не слышит слов, ему казалось, это он сам спускается к только что открытой планете на гигантском корабле рэнитов...

— Нас было двадцать человек, мы летели быстро, как свет...

Они летели с огромной скоростью и время для них замедлялось. Всего год полета, и они преодолели гигантское расстояние, прилетев сюда с другого конца галактики. Пока длился полет, на их родной планете прошло много тысяч лет. И все же они собирались вернуться, увидеть родных и близких, принести добытые экспедицией знания своему поколению. Это была уже четвертая экспедиция к звездам. Три первые прошли успешно и вернулись обратно в свое время. Их ученые придумали хитроумную штуку... В конце полета они выбирали безжизненную планету, сажали на нее корабль и потом с помощью разряда хронара, в котором хранилась энергия, накопленная еще на родине рэнитов, отбрасывали это небесное тело в точно рассчитанную точку четвертого временного измерения. Благодаря такой операции корабль возвращался к родной планете в то время, из которого он вылетал... Все эти операции проделывали с такой точностью, что две межзвездные экспедиции вернулись через месяц после вылета и привезли ценнейшие сведения о дальних окраинах галактики. Казалось, ничто не предвещало неудачи четвертой экспедиции.

Они опустились на Реану примерно за пятьсот лет до того, как туда прилетели люди. Корабль рэнитов опустился в северном пустынном полушарии...

— Тогда оно не было пустынным. Тогда там кипела жизнь.

— В северном полушарии нет никакой жизни! Там кратеры, следы извержений и мертвая пустыня!

— Это не извержения... Наши правила запрещали использовать для хронара планеты, на которых есть жизнь. Но поблизости не оказалось звезд с другими планетными системами. Топлива оставалось в обрез, только на обратный бросок... Мы хотели вернуться домой...

— И решили погубить планету...

— А что бы люди сделали на нашем месте?

— Не знаю, — честно сказал Ротанов. — Этого я не знаю.

— Мы решились не сразу. Долгое время изучали планету, старались установить, может ли здесь возникнуть разумная жизнь, и ничего не поняли, как выяснилось потом... Наши ученые установили, что на планете преобладает один вид растений. Мы называли их белыми шарами. Этот вид подавил развитие всей остальной биосферы, каким-то образом подчинил ее себе. Ископаемые остатки этих растений почти полностью совпадали с их современным видом. Ученые решили, что бросок во времени на десятки тысячелетий почти ничего не изменит в жизни планеты... Когда очень хочешь получить определенный результат, всегда находится подходящая научная теория... — В голосе женщины звучала неподдельная горечь. — Я одна была против, я говорила, что они недооценивают местную биосферу, что белые шары не простые растения, что может произойти несчастье... Никто не прислушался к моему доводу. Хронар был подготовлен к пуску и в точно назначенный час его включили... — И вновь она надолго замолчала.

— Что произошло потом?

— Потом случилось несчастье... Мы до сих пор не знаем, как именно это им удалось. Корни этих растений уходят в глубокое прошлое, в настоящем расцветают их цветы, те самые, что зовутся у вас белыми колоколами, и лишь в далеком будущем вызревают иногда плоды, содержащие в себе тайну бессмертия...

— Что случилось с планетой?

— Не знаю, как назвать их, существа? Растения? В момент импульса хронара включилось противоположно направленное временное биополе планеты. Чтобы противостоять импульсу хронара, энергия его должна была быть огромной, растянутой во времени и точно рассчитанной... Очевидно, не во всех точках им удалось полностью погасить энергию импульса, начались разрывы пространства, извержения вулканов, планетный катаклизм захватил все материки, но планета уцелела, осталась в настоящем. Правда, они сами почти все погибли...

— Не все... — тихо прошептал Ротанов. Но она услышала.

— Да, уцелела одна маленькая рощица, но и она вымирает. Пустыня наступает на нее со всех сторон. За последнее столетие не прижилось ни одного нового растения, а старые постепенно погибают, кольцо пустыни смыкается вокруг них, и вскоре на планете, которую они отстояли ценой своей жизни, останутся одни пустыни.

Она помолчала, потом тихо продолжала:

— Почва расползалась, превращалась в грязь, затопляла целые материки... Мы ничего не могли сделать. К тому времени нас уже не было на планете. Вернее, не было в ее настоящем... До сих пор мы не знаем, виноват в этом импульс нашего хронара, или это биополе планеты зашвырнуло нас в прошлое, которого мы хотели добиться такой дорогой ценой?

— Вы пришли в этот мир голыми и безоружными, — тихо проговорил Ротанов.

— Да, все снаряжение, оборудование, наш корабль — все это осталось на северном материке, на том самом, где катаклизм достигал наибольшей силы. Видимо, там произошел чудовищный взрыв. Не сохранилось ничего, даже пыли...

В неверном красноватом свете камня он заметил слезы, стоящие у нее в глазах.

Ротанов отошел в сторону, отвернулся, чтобы не видеть ее лица и не мешать ей плакать... Ночь, казалось, придвинулась еще ближе и села как лохматая черная птица на зубцы крепостных башен. Ничто не нарушало тишину, даже думы уgomонились. Звезды чуть сместились к востоку, возвещая близкий рассвет.

— Сколько же лет вам понадобилось, чтобы голыми руками построить этот замок? И сколько мужества? — тихо добавил он.

— Рэниты живут долго... Слишком долго, — еще тише прозвучал ответ. Тогда он повернулся, отыскал в темноте ее руку и осторожно погладил ее:

— А знаешь, девочка...

— Я не девочка, Ролано.

И все равно она казалась ему маленькой заблудившейся девочкой, девочкой, которой надо помочь. Он не стал с ней спорить. Он словно думал вслух...

— Я побывал на разных планетах, бывают безвыходные ситуации, бывают ситуации, из которых невозможно выбраться, но так только кажется, поверь мне! Теперь вы не одни, люди помогут вам вернуться.

— Есть законы, перед которыми бессильны и вы и мы. Это вечные нерушимые законы жизни. Те, кто восстает против нее, сами становятся мертвецами, им уже ничто не поможет.

Но он не слушал ее, он торопливо, почти лихорадочно искал выход.

— Вот посмотри: мы можем послать экспедицию к вашей звезде, не пройдет и года, как рэниты прилетят за вами!

— Пока мы летели сюда, прошли тысячелетия. Не забывай об этом, Ролано. Мы знаем свое будущее. Вся наша цивилизация давно погибла.

— Но ведь Дубров возвращался отсюда!

— Ты тоже вернешься. Уже очень скоро.

— Значит, и вы могли бы!

— Вернуться, куда? В ваше время? Оно чужое для нас. Стать вашими нахлебниками? Это не для нас, Ролано. Рэниты — гордая раса.

— Я знаю.

— Плохо ты нас знаешь, если предлагаешь такое!

— Но ведь не можете вы оставаться здесь одни! Без помощи! Мы могли бы оставить вам всю планету, завезти сюда необходимое оборудование, машины...

— Опять ты о том же... Не такие уж мы беспомощные. Тысячелетние древние знания нашего народа помогли нам выстоять в самое трудное время, теперь наш дом здесь. Другого нет и не будет. У каждого народа свой путь. Теперь ваша очередь летать к звездам. Может быть, вы будете счастливее нас...

— И все же хоть что-то можем мы для вас сделать? Неужели люди не имеют права помочь друг другу в беде?

— Возможно, у вас есть такое право, только вот мы не люди... — Она замолчала, и в ее молчании он угадывал нечто недосказанное, может быть, просьбу, которую не выражают словами, может быть, он должен был понять это сам, но в ту минуту ничего не понял, только почувствовал, что разговор окончен, что истекают последние секунды этой фантастической, невозможной ночи. Не все умеют мириться с неизбежным. Он крепче сжал ее невидимую в темноте руку.

— Послушай... Вельда, мы могли бы вернуться вместе...

— А ты знаешь, сколько мне лет?

— Какое это имеет значение?!

— Имеет, Ролано. Имеет. В первую сотню лет чувства притупляются, отмирают. Остаются лишь память и долг...

— Я не могу поверить, что ваша цивилизация исчезла бесследно. Ваше знание о таком далеком будущем могло оказаться неточным. Люди должны это проверить. Где находится ваша звезда?

— Чужой дом иногда охраняется, Ролано, даже после ухода хозяев. Это может быть опасным.

— Каждый полет к звездам опасен. И все же рэниты и люди летают.

Он заметил, что она взволнована, и не мешал ей думать. Иногда надежда на невозможное ломает самые строгие запреты. Рэнитка отвернулась к каменному парапету и торопливым движением, словно боялась передумать, начертила в пыли целую россыпь точек.

— Это ваше небо.

Ротанов узнал рисунок знакомых созвездий и молча кивнул.

— Вот здесь. — Она обвела кружком одну из точек. Ротанов узнал и эту звезду.

— Альфа Гидры.

— Мы звали ее Дэлой... Если ты кого-то найдешь... Они знают, как пройти сквозь время. Они могли бы найти нас... Но там уже никого нет. А теперь прощай. Я и так сказала тебе больше, чем могла. — Она резко повернулась и не оглядываясь пошла прочь. Темнота почти сразу же растворила ее фигуру.

Ротанов решил вернуться на следующее утро. Он еще не знал, как это сделает, но чувствовал, что время настало и что обратный переход пройдет без труда. Он тщательно убрал комнату. Единственная вещь, с которой он не хотел расставаться, был арбалет. Он понимал, что не может взять его с собой, и не хотел, чтобы эта вещь затерялась в зарослях. Ротанов погладил отполированное ложе и повесил оружие на стену. Кому-нибудь пригодится. Он не мог взять с собой ни образцов, ни собранных с таким трудом гербариев местной растительности. Вообще ничего материального, никаких доказательств... Сейчас он очень хорошо понимал Дуброва и знал, как беспомощен может быть человек, не сумевший подтвердить своих слов. Галлюцинация от растительных ядов... Весь этот мир, со слов Дуброва, казался бы ему сплошной галлюцинацией. Теперь ему самому придется убеждать других. Впрочем, доказательства могут появиться. Цивилизации не исчезают бесследно. Пусть людям пока неподвластно время, но пространство они научились преодолевать неплохо.

Дверь за его спиной тихо отворилась, и вошел Гарт — единственный из рэнитов, снисходивший до общения с ним, ограничивая его, правда, лишь самыми необходимыми словами.

— Ты уходишь совсем? — В который раз Ротанов удивился их проницательности, но не показал виду и лишь утвердительно кивнул.

— Ухожу.

— Мы должны тебе кое-что.

— Я узнал больше, чем заработал. Узнал все, что хотел.

— Нет. Для тебя лично.

— Мне ничего не надо.

— Я не так сказал. Знания, которые ты должен получить, могут принести пользу. То, что ты узнал, бесполезно и для тебя, и для твоего народа.

— Как знать. Я так не считаю. Остальные знания мы добудем сами. Люди тоже гордая раса. Прощай.

— Останься хотя бы на завтрак. У тебя долгий путь.

Ротанов отрицательно покачал головой и прошел мимо посторонившегося рэнита. Он уже знал, что всякие прикосновения как выражение симпатии у них не приняты, и потому не протянул ему руки.

В центре стриженного пятна, обозначившего границы сохранившейся в будущем рощи, было одно растение, отличавшееся от остальных. Ротанов заметил его еще в колонии. Здесь же, среди своих укороченных собратьев, оно сразу бросалось в глаза. Его ствол был толще, крона пышнее и «подрезалась» — исчезала из виду, как будто выше, чем у остальных. Кроме того, ствол этой трескучки расчленился на сегменты, словно перед Ротановым рос гигантский бамбук толщиной в добрый бочонок. Он постучал по глянцевиной коре, звук казался глухим, очевидно, ствол внутри был полным. Он обернулся и долго сквозь редкие заросли смотрел на дорогу, на которой два дня назад увидел повозку с Вельдой. «Странное создание человек, — подумал Ротанов. — Он упорно добивается истины, ищет ее, не считаясь ни с какими трудностями, а настигнув ее наконец, иногда не может сдержать чувства горечи. Всегда так бывает, почти всегда. Наверно, поэтому древние считали плод познания... горьким». «Мне пора...» — тихо произнес он вслух. И ничего не произошло. Он не почувствовал никакого волнения. То, что должно было произойти, произойдет обязательно, без малейшего участия с его стороны. Он не мог бы объяснить, откуда у него такая уверенность. Он нашел в корнях большой трескучки углубление, сел в него поудобней

и стал ждать восхода солнца, только сейчас почувствовав, как устал от этой бесконечной ночи и накопившейся горечи.

Уйдя от рэнитов, он вдруг испытал облегчение, словно все это время нес на плечах вместе с ними непосильную тяжесть утрат, разочарований и безнадёжности. Теперь он многое видел иначе, иной меркой судил их. Кем они были? Торговцами, продававшими крупички своих знаний за чужой труд? Мечтателями, покорявшими звёзды? Ученными, подчинившими себе само время? Или всем этим понемногу? Их эпоха прошла. Навсегда сгинула в бездну прошлого, только память осталась, и не стоит тревожить прах этих воспоминаний, вторгаться в их склепы... Потому что здесь, на Реане, осталось от них только прошлое, мертвое прошлое. Впрочем, и на Гидре, наверно, тоже...

Первые лучи солнца согрели его, и он задремал, продолжая слышать шорох листвы над своей головой. Потом его качнуло, легко, как это бывает в кресле глайдера, когда тот идет на посадку. Ротанов открыл глаза, увидел солнце, клонившееся к западу, взглянул на свое обнаженное тело и, поднявшись, серьезно сказал, обращаясь к трескучке:

— Спасибо, друг.

В десяти шагах он нашел свой рюкзак и одежду в том самом месте, где расстался с ними. Значит, в колонии до сих пор не обнаружили его отсутствие... Вот почему он нашел Дуброва в своем коттедже в ночь его исчезновения. Очевидно, все его двухмесячное путешествие заняло по времени Реаны не больше нескольких часов.

Ротанов торопливо оделся и вдруг услышал странный звук, словно за его спиной загудел большой шмель. Ствол большой трескучки вибрировал и слегка раскачивался. Ротанов подошел ближе, он был уверен, что минуту назад ствол был совершенно неподвижен, что бы это могло означать? Раздался резкий звук. Ротанов от неожиданности отшатнулся. Ствол растения расколола снизу доверху продольная трещина. Ее края развернулись, и прямо на глазах Ротанова в совершенно пустом пространстве ствола вдруг появился какой-то предмет... Ротанов смотрел на него долго, не смея двинуться с места, не веря собственным глазам.

Когда робот закончил постройку стандартного коттеджа и возвел вокруг новых владений Дуброва небольшую изгородь, Дубров выключил его и отсоединил от аккумулятора клеммы питания. Это был его личный универсальный робот, такой же, как у каждого колониста. Сегодня он в последний раз воспользовался его услугами. Набор самых простых земледельческих инструментов, немного консервов — вот все, что ему могло пригодиться.

Место он выбирал тщательно. Его не должны были найти, прежде чем он осуществит задуманное. Проще всего было укрыться в горах, где было множество пещер, завалов, ущелий. Но горы его не устраивали, ему необходима была голубоватая почва Реаны. Одинокaя скала образовала в этом месте нечто вроде большого грота и закрывала его новое жилище вместе с участком огороженной земли от наблюдений с воздуха. С трех сторон участок скрывала скала, с четвертой робот набросал высокий песчаный вал, и обнаружить укрытый под скалой коттедж можно было, лишь подойдя вплотную. Скалу он нашел года два назад, когда много путешествовал по реанским пустыням в одиночку, пытаясь найти в них следы былой жизни. Еще тогда подумал, что это место идеально подошло бы для небольшого поселения, если бы люди могли, добывать здесь для себя пищу... Все дело было именно в земле. Он надеялся, что, если ему удастся удалить из нее частицы ядовитой голубой глины, земля вновь обретет плодородие... Он знал, что колония трескучей приживается лишь в том месте, где может вырасти маточное растение. Не было у него почти никаких шансов на успех, но он все же решил попробовать, потому что иного пути не было. Жизнь на этой планете была возможна лишь там, где росли трескучки. В одном инспектор был, безусловно, прав — не могли они рассчитывать на сокращавшуюся с каждым годом резервацию. Если его попытка не удастся, люди навсегда оставят эту планету, и тогда пустыни сомкнут свое смертоносное кольцо над последним живым пятном. Били у него и

личные причины, заставившие войти на этот отчаянный, шаг. О них он не стал бы рассказывать никому.

Дубров зачерпывал землю лопатой, рассыпал ее на куске брезента и пальцами зернышко к зернышку перебирал сухую почву. Для этой работы не годилось ни одно механическое приспособление, только человеческие руки могли отобрать ядовитые крупинки. Правда, трескучки каким-то образом росли на этой почве. Вот только новые ростки на ней не приживались. Каждый сезон спороносители уходили в пустыню, сеяли свои споры, из которых ничего не вырастало, и ветер нес по мертвой земле черную пыль.

Каждый вечер, когда новое ведро земли было готово, он шел в свой огород, высыпал землю в заранее приготовленное место, выравнивал и обильно поливал, словно в пустой земле могли быть зародыши какой-то жизни... На что он рассчитывал? Для чего проделывал эту бесконечную и бессмысленную работу?

Каждый вечер, отворив калитку своего огорода, он садился на крыльце дома и ждал, до рези в глазах всматриваясь в пустыню. Человек был так же терпелив, как эта пустыня, много столетий ждущая своего часа, чтобы затянуть петлю вокруг последнего пятна жизни, еще оставшегося на планете. И однажды вечером человек дождался. Вначале на горизонте появилась черная точка. Она постепенно приближалась, увеличивалась в размерах. В глазах человека сменилась целая гамма чувств. Вначале в них было удивление, потом разочарование и затем отчаяние. Это было совсем не то, что он ждал. К его владениям приближался обыкновенный вездеход, и рычание его мотора уже вторглось в величественное молчание пустыни. Его тайное убежище раскрыто.

Из вездехода вышел всего один человек. Больше и не надо. Дубров устал в одиночку нести свой непосильный груз. Им вдруг овладело полное безразличие. Пусть делают что хотят, пусть выполняют инструкции, он пальцем больше не шевельнет, пускай все катится к чертовой матери! Он не двинулся, когда инспектор вытащил из вездехода какой-то мешок и молча прошел мимо него к калитке. Он не произнес ни слова, когда Ротанов вернулся, подобрал лопату, лежащую у крыльца, и снова ушел в огород.

Постепенно им овладевал глухой гнев. Посторонний человек распоряжался в его владениях как у себя дома. Какой-нибудь очередной карантин, какие-нибудь анализы, запреты! Инспектор посреди его огорода копал большую круглую яму. Дубров видел, как его шипастые ботинки рвут и топчут землю, над которой он работал все эти долгие дни, которую отсеивал по крупице. И все-таки он не произнес ни слова. Когда яма была готова, инспектор высыпал в нее мешок земли, привезенной с собой. Выровнял края, сделал в середине небольшое углубление и вернулся к Дуброву. Долго молча он стоял подле него. Дубров не смотрел на инспектора, он смотрел на свой искалеченный огород, в котором по-прежнему не было ни одного ростка. И, только услышав какой-то непонятный шорох, Дубров перевел взгляд, но так и не взглянул а лицо Ротанову, а лишь посмотрел на его руки, большие, ловкие руки, не привыкшие к грубой физической работе, покрытые теперь свежими мозолями и ссадинами. Дубров слишком хорошо знал, откуда на этой планете у человека могут появиться такие мозоли, и почувствовал, как сердце у него замерло. И только потом он увидел, что они не пустые, эти руки. В ладонях Ротанова лежал какой-то предмет, завернутый в выгоревшую мятую тряпку, и инспектор медленно эту тряпку разворачивал. Как зачарованный, следил Дубров за его пальцами, снимающими еще и внутреннюю обертку из мягкой бумаги. Потом Дубров на секунду закрыл глаза и отвернулся, боясь ошибиться. Когда он снова взглянул на руки Ротанова, в его ладонях, соединенных вместе, лежал освобожденный от оберток выпуклый коричневый предмет, покрытый глянцевитой кожицей. Форма предмета чем-то напоминала человеческое сердце. Но это было не сердце. Дубров медленно поднялся с крыльца и протянул к предмету руку, словно хотел погладить его, но так и не решился. Он проглотил комок, застрявший в горле, и глухо спросил:

— Откуда это у вас? — Он все еще боялся ошибиться.

— Это оно, старина. Ты все подготовил как надо. Теперь, если хочешь, посади его сам.

Семя было большим и тяжелым, оно казалось просто огромным, наполненным свежими

соками, его прохладная оболочка приятно холодила кожу. Дубров долго держал его на вытянутых ладонях перед собой.

— Биологи оторвут нам голову, когда узнают. Они ищут его много лет. Говорят, оно лечит от всех болезней, говорят, в нем скрыта тайна бессмертия. Ты слышал легенду? — Ротанов молча кивнул. — Оно не всякому дается в руки, только раз в столетие вызывает это семя...

И вновь Ротанов услышал, как гудел и вибрировал ствол растения, словно звал его из какого-то невероятного далека.

— Наверно, у них есть основания доверять нам. Наверно, мы оправдали это доверие, ведь они знают будущее...

И однажды вечером они дождались. Далеко на горизонте появилась крохотная точка. Она росла, приближалась, и ничего чужеродного, ничего механического не было в ее движении. Небольшой мохнатый треножник на секунду остановился перед калиткой, словно раздумывал, нужно ли входить. Два человека затаили дыхание. Но вот мягкая лапа сделала пробный шаг, осторожно ощупала взрыхленную, обильно политую почву, и существо вошло в огород. Там, в его центре, победно устремлялся к фиолетовому небу Реаны мощный зеленый росток. Существо обошло его вокруг, склонилось, словно обнюхивая, я вдруг завертелось на грядках а радостном танце и почти мгновенно превратилось в пушистое облачко спор, а на горизонте уже появилась новая точка...

— Наверно, их привлекает запах, а может быть, они просто знают, что здесь уже нет пустыни.

— Да, мы разорвали кольцо. Это лишь первый шаг, но кольца уже нет. — И Ротанов вдруг вспомнил руки женщины на картине, руки, которые так и не сумели защитить планету. Кажется, теперь он понял, о чем она хотела его попросить. Кажется, теперь он знал...

А в огороде уже взорвалось новое облако спор. И он увидел, как ряд за рядом поднимается из земли зеленое воинство, как тесна становится для него ветхая ограда и, перешагнув ее, сплошным зеленым потоком оно устремилось в пустыню.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГИДРА

1

Здание Главного Космического Совета Земли напоминало гигантский куб, одним торцом обращенный к морю. Верхние этажи сплошь покрывала зелень террас. Архитектура здания отличалась той особой строгостью, когда рациональность всего замысла переходит в изящество.

Чем ближе подходил Ротанов к зданию, тем больше усиливалось впечатление колоссальной мощи от этого огромного куба, заставившего отступить океан.

Референт Мартынов, приславший ему вызов, сразу же поднялся навстречу, едва Ротанов переступил порог.

— Садись. Извини, что вызвал по официальному каналу. Не было времени для обычной встречи. — Он крепко пожал ему руку и грузно опустился в кресло.

Стола между ними не оказалось. Ротанов знал, что в большинстве комнат совета не было столов, и каждый раз этому удивлялся. Конечно, записи велись автоматически, а все нужные документы и материалы автоматы демонстрировали на экранах, но все же без стола комната выглядела пустовато и как-то не очень серьезно. Возможно, на этот неофициальный эффект она и была рассчитана.

То ли Мартынов действительно спешил, то ли сказала какая-то другая причина, определившая некоторую сухость их встречи, но референт не стал интересоваться делами Ротанова, как это было в прошлый визит, когда совет рассматривал отчет его экспедиции на

Реану.

— Мы получили твою докладную записку. Предварительная разработка вопроса поручена мне. Нельзя ли узнать, чем вызван твой повышенный интерес к Альфе Гидры?

— На Реане некоторые косвенные данные позволили мне сделать вывод, что на Гидре мы сможем найти разгадку многих наших находок, связанных с рэнитами.

Мартынов поморщился.

— Надеюсь, все же не только страсть к археологии тобой движет?

— Там может оказаться кое-что поинтересней. Есть основания предполагать, что именно Гидра была колыбелью рэнитской цивилизации.

— Смелое утверждение. А что это за косвенные данные?

Ротанов не спешил с ответом. Ни в своем отчете, ни в докладной записке он ни словом не обмолвился о том, что побывал у рэнитов. Ему совсем не хотелось повторять опыт Дуброва. Даже намек на то, что он попробовал масла трескучек, мог лишить проект экспедиции к Гидре всякой надежды на успех. Он не собирался держать в тайне свои открытия. Вот только данных для большого настоящего разговора о рэнитах пока не хватало.

— Как вы помните, я первый познакомился с картиной рэнитов, — начал Ротанов, осторожно подбирая слова. — Информация, которую она содержит, значительно больше, чем могут передать самые совершенные фотографии. Нельзя ли...

Мартынов, угадав его просьбу, нажал кнопку, и перед стеной кабинета вспыхнуло цветное объемное изображение картины.

— Видите там, за спиной женщины, пятнышки звезд? Рисунок созвездий нам незнаком. Он и не мог быть знаком, потому что этому небу десятки тысяч лет. Так вот, при определенном ракурсе рисунок этих звезд слегка менялся, а вокруг одной из них как бы вспыхивал ореол. Ничего этого на фотографии не видно. Но вот та, третья слева звезда, это Альфа Гидры. Именно она была Отмечена на картине. На мой взгляд, здесь важнейшая часть информации, которую нам хотели передать в этой картине.

— Допустим. Но ты, конечно, понимаешь, что все это не слишком серьезно, для того чтобы предлагать экспедицию за сорок светолет?

Ротанов угрюмо молчал. Всевозможные доводы он уже изложил в своей записке. Все данные, какие смог собрать в архивах о Гидре, все мало-мальски значительное было там. И он знал, что этого будет недостаточно. Во всем, связанном с Гидрой, ощущалась некая недоговоренность и непонятная таинственность. Создавалось впечатление, что какие-то материалы специально изымались из архивов, и он так и не смог их отыскать, несмотря на свою форму 2К, открывавшую ему доступ к любой секретной информации. Он ждал от совета всего лишь официального отказа, для того чтобы получить право обратиться в Высший Совет Земли. Но вместо стандартной бумажки с отказом вдруг пришел вызов к референту, и это еще больше укрепило его в мысли, что с Гидрой все обстоит не так просто.

— Тебе нечего добавить к своей записке?

Ротанов пожал плечами.

— Раз вы меня вызвали, значит, основания были?

— Не хитри, Ротанов. Что тебе известно об экспедиции к Гидре?

— Первый раз об этом слышу.

— Так. Я предполагал утечку информации. Но не понимаю, каким образом... Впрочем, теперь это неважно. Я вижу, ты хочешь, чтобы я начал с самого начала?

Ротанов утвердительно кивнул, вовсе не желая показать свою полную неосведомленность. Сейчас самым важным было получить новую информацию о Гидре. Нюансы своих взаимоотношений с референтским отделом он сможет выяснить и позже.

— Два столетия назад в район Альфы Гидры отправили экспедицию. В то время расстояние наши предки, очевидно, оценивали не совсем верно. Им ничего не было еще известно о сфере Горюнова. Только поэтому, очевидно, стала возможна нелепая затея с отправкой поселенцев за сорок светолет. С тех пор они молчат. Земля не получила ни одного сообщения. Сто лет назад почему-то было принято решение засекретить все данные по этой

экспедиции. Потом эти материалы как потерявшие значение сдали в «мертвый архив».

Ротанов мрачно усмехнулся.

— Еще бы. Совет не любит признавать поражений. За сто лет он так и не нашел нужным выяснить, что же случилось с этими людьми.

— Не было такой возможности.

— Как вы понимаете, это дает мне право обратиться в Высший Совет с требованием послать к Гидре повторную экспедицию.

— Ну и что это даст? В совете слишком большое значение придают сфере Горюнова. И не без оснований.

Ротанов хорошо знал теоретические исследования группы Горюнова. Трудности с колониями начались с момента основания первого поселения землян за пределами солнечной системы. Дело было не в самих расстояниях, а в той изоляции, которая создавалась в колониях из-за времени, затраченного на каждый рейс. Даже радиосообщение до ближайшего поселения шло не меньше четырех лет. Запоздывали новости. Запоздывала самая необходимая техническая информация. Земля лишена была возможности в нужный момент вмешаться и помочь. Фактически колонии были предоставлены сами себе, и это сильно сказывалось на характере тех, кто провел вне Земли долгие годы, не говоря уже о тех, кто родился и вырос на внеземных поселениях, они попросту были оторваны от материнской культуры.

Трудности увеличивались с каждым новым шагом. Чужие звезды не всегда оказывались гостеприимны, и, хотя возможности техники двадцать третьего столетия были велики, само время поставило на пути людей невидимый и непреодолимый барьер. Метод рэнитов годился лишь для исследовательских экспедиций — он не давал возможности основать устойчивые поселения за пределами своей системы. Людям еще только предстояло найти собственную дорогу к дальним звездам.

Теоретические, социальные и экономические исследования, проведенные группой Горюнова, установили предел, за которым начиналась полная изоляция человеческих поселений и, как следствие, постепенный регресс, упадок и возможное вырождение, гибель колоний. Эта теоретически рассчитанная сфера в двенадцать световых лет и была названа сферой Горюнова. В нее входило не так уж много звезд и еще меньше планет, пригодных для заселения.

Проверить выводы Горюнова на практике не представлялось возможным. Земля с трудом поддерживала существование тех шести колоний, которые расположились в ближайших звездных системах. Никто уже не мечтал о новых. Не раз возникал вопрос о сворачивании и эвакуации наиболее отдаленных поселений, но они пока еще держались. Слишком нужны были человечеству, численность которого перевалила за десять миллиардов, новые жизненные пространства. Колыбель солнечной системы стала тесной, а сил оторваться от нее еще не хватало. И вот теперь Ротанов узнал об этой экспедиции. Значит, попытка проникнуть к дальним звездам была! Что, если она удалась? Если колония не погибла? Сообщения через такую даль могли попросту не проходить.

— Но ведь туда улетели люди! Мы должны, обязаны выяснить, что с ними случилось!

— И принести для этого новые жертвы? Не забывай, что прошло двести лет. Самое большее, чего ты добьешься, это отправки автомата-разведчика. Если он долетит благополучно, ответ придет через восемьдесят лет. Тебя это устраивает?

— Меня это не устраивает. Но я не совсем понимаю вашу позицию. Для чего вы меня вызвали?

— Сегодня мы стоим перед проблемой: сворачивать колонии или идти дальше? Слишком многое зависит от того, сумеет ли человечество освоить пространство за пределами сферы Горюнова. Ты знаешь, что мнения в совете на этот счет разделились примерно поровну. Есть достаточно влиятельная группировка, настаивающая на сокращении внеземных поселений. Ты только что отстоял поселение на Реане. Теперь тебе нужна Гидра. Ты беспокойный человек, Ротанов. Беспокойный и не очень удобный. После Реаны не

считаться с твоим мнением уже трудно, и кое-кто в совете считает, что сейчас тебе лучше находиться где-нибудь подальше. Этим можно воспользоваться и пробить для тебя экспедицию к Гидре. Она, правда, будет не совсем обычной.

Ротанов все никак не мог уловить, чего хочет от него Мартынов и на чьей он, собственно, стороне. Поэтому он молча ждал продолжения, понимая, что теперь Мартынов уже сказал слишком много и должен будет как-то закончить свое странное предложение.

— О сфере Горюнова попросту забудут, если Земля получит надежную базу за пределами сорока световых лет.

— Я не понимаю, при чем здесь база?

— Сейчас поймешь. Сверхпространственный двигатель. Вот что нам может помочь.

— Да. Я о нем слышал. — Ротанов скептически усмехнулся.

— Твой скептицизм, конечно, оправдан. Мы ждали от него полной победы, а получили практический ноль. И все же теория сверхпространственного перехода существует, несмотря на то, что все экспериментальные корабли с этим двигателем исчезают бесследно. Пока ты был на Реане, пространственникам пришла в голову довольно простая идея. Наряду со сложнейшей автоматикой, которой напигованы их экспериментальные корабли, они снабдили свой последний корабль предельно простым и потому надежным автономным устройством с одной-единственной задачей — отправить после перехода мощный энергетический импульс. Нечто вроде бомбы с часовым механизмом.

Ротанов весь напрягся и почувствовал, как подлокотники кресла до боли врезались ему в ладони. Мартынов кивнул головой на его немой вопрос.

— Они получили ответ. Доказано, что переход в принципе возможен.

Эти слова оглушили Ротанова. Может быть, потому, что все так долго ждали, так надеялись победить эту бездну пространства, отделившую одну звезду от другой, а потом уже перестали ждать. Слишком много усилий было затрачено, слишком много надежд похоронено.

— Сколько же времени... — начал он и не смог продолжать, потому что слова получились хриплыми, неразборчивыми, и ему пришлось начать сначала.

— Сколько времени занимает переход с разгоном?

— Да погоди ты радоваться. Этот корабль тоже не вернулся. И по-прежнему никто толком не знает, что с ним произошло.

— Это уже неважно.

— Еще как важно! Не выдерживают автоматы. И никто не смог доказать даже теоретически, что человек выйдет живым из этой математической мясорубки. Ведь обычным языком нельзя даже описать, что происходит с материей во время перехода.

— Что-то все же остается, раз приняли сигнал. Какое расстояние? Куда они его послали?

— Хороший вопрос, — устало улыбнулся Мартынов. — Быстро ты с этим справился. Именно здесь и завязалось все в один узел. База на Гидре и двигатель. Выход в обычное пространство после перехода возможен только за пределами тридцати световых лет. Ближе нельзя. Теоретически нельзя.

— Так вот для чего нужна дальняя база...

— Да. Корабли не возвращаются. Что-то там выходит из строя. Автоматика управления или сам двигатель. Никто точно не знает. Необходимо, чтобы корабль в конце перехода кто-то встретил. Чтобы ему было куда сесть, чтобы он мог отремонтироваться, если нужно. Только в этом случае появляется реальный шанс на успех. Сам понимаешь, создание базы на таком расстоянии, когда никто не уверен в результате, — проблема слишком сложная, да и времени у нас нет. Никто не станет ждать сорок лет, пока туда долетят автоматы. В общем, Гидра подвернулась как нельзя кстати. И хоть неясно, уцелела ли там колония, я думаю, при благоприятном стечении обстоятельств что-то ты найдешь. Хотя бы пригодные для работы автоматы, оборудование. Во всяком случае, на такой риск совет может пойти, и если ты согласен...

— А могли они долететь? Все-таки пятьдесят лет полета. Дряхлые старики?..

— Долететь-то они долетели. Экспедиция была прекрасно подготовлена. Ушло сразу три корабля. Хотя один должен был добраться до Гидры. Другой вопрос, что с ними произошло потом. Прав Горюнов или нет. А что касается пятидесяти лет полета — у них были гибернизаторы.

— Гибернизаторы?! Но ведь уже тогда было известно, что после гибернизации не остается ни одного здорового человека. Кто же им разрешил?!

— Летели только добровольцы. Они знали, на что идут, и не нам их судить. Это был подвиг. И если они долетели, основали колонию, значит, во всем этом странном и героическом предприятии все-таки был смысл. Быть может, именно благодаря им Земля выйдет наконец в дальний космос.

Ротанов справился с первым волнением и теперь выжидающе, почти холодно смотрел на Мартынова.

— Что молчишь?

— Жду, что ты скажешь еще. Мне кажется, ты не полностью высказался, и я пока не знаю, с чем, собственно, должен соглашаться.

— Ну и хитрый ты, Ротанов!

— А ты меня и пригласил, потому что я хитрый.

— Твоя правда... Ну, ладно. Значит, так. Мы посылаем один корабль, с одним, пилотом. Его задача испытать двигатель. Только это.

— А Гидра?

— Гидра остается на крайний случай, если после перехода нужно будет совершить посадку, не останется другого выхода, вот тогда — Гидра. При малейшей возможности возврата без посадки пилот обязан вернуться.

— Значит, побывать рядом и без посадки вернуться? А колонисты на Гидре?

— Ну что ты заладил: «Гидра, Гидра», как будто неясно, что, если у нас будет пространственный двигатель, мы сможем послать туда любую экспедицию? Один ты там все равно ничего не сделаешь. И вообще, ты еще не давал согласия. Тебе еще надо встретиться с пространственниками, изучить все детали, и только потом мы с тобой войдем с этим предложением в совет.

Слишком просто Мартынов хотел уйти от ответа. И сразу поднялся, давая понять, что разговор окончен. Но Ротанов продолжал сидеть вытянув ноги и, прищурившись, смотрел на Мартынова.

— А почему бы вам не пригласить для этого профессионального испытателя, наверняка у пространственников есть для этого специально подготовленные люди?

— Конечно, есть люди! Конечно, мы могли пригласить испытателя. Но ведь ни один корабль не вернулся! Почти наверное придется садиться на планету, а там уже нужен совсем другой специалист. Кроме всего прочего, у тебя диплом навигатора первого класса. Не каждый испытатель имеет первый класс.

Трансатлантический лайнер выплюнул посадочную кабину на высоте двенадцати тысяч метров, даже не замедлив скорости.

Прозрачный пластиковый кокон некоторое время летел по инерции, потом начал медленно падать. На высоте трех тысяч метров его подхватил силовыми полями диспетчер местной линии и медленно повел по пеленгу. До дома оставалось меньше десяти минут полета. Ротанов откладывал нелегкую для себя встречу с Олегом и дотянул до самого последнего дня. Дел во время подготовки экспедиции в Центрограде было невпроворот, и он подумал с горечью, что оправданий у него сколько угодно. С Олегом они вместе учились в навигаторском, потом Ротанов поступил на курсы инспекторов, а Олег не прошел по конкурсу и остался простым навигатором. Студенческая дружба, несмотря на разную работу, сохранилась, с годами окрепла и превратилась в холостяцкую мужскую привязанность. Каждому из них, возвращаясь из дальних экспедиций, приятно было сознавать, что дома

кто-то ждет. Так получалось, что мимолетные знакомства с женщинами в промежутке между двумя экспедициями не выливались ни во что прочное, а дружба с Олегом оставалась. И каждый год они собирались улететь вместе в очередную экспедицию. Уезжая в Центроград пробивать экспедицию к Гидре, он твердо пообещал, что уж на этот раз... Олег знал, что Ротанов не бросал слов на ветер, и теперь, конечно, спокойно сидит дома и ждет вызова.

Кабина пробила слой облачности, и под ней, насколько хватало взгляда, раскинулось зеленое лесное море. Тут и там мелькали маленькие домики одиноких коттеджей. При современном транспорте люди селились где хотели, проблемы расстояний практически не существовало. Перелет с другого полушария с доставкой на дом занял у Ротанова не больше трех часов.

Капсула ткнулась своим округлым носом в зеленый куст и раскололась надвое. Ротанов прихватил сверток с модной курткой из ренилана, привезенной в подарок Олегу, не заботясь о кабине, направился к дому. Кабину поднимут к очередному рейсовому лайнеру.

Дом встретил его запахом некрашеного дерева. Заскрипели разошедшиеся доски крыльца. Ротанов остановился перед дверью и с минуту стоял неподвижно, вдыхая густой аромат хвои. Он любил этот лесной дом. Может быть, потому, что бывал здесь так редко...

Колодец с журавлем во дворе без всяких там автоматических насосов и силовых подбросов. Настоящий колодец. Интересно, наносил ли Олег воды? Наверно, и печь, как всегда, не топлена. Чрезмерная привязанность Олега к старинному укладу жизни имела все же некоторые неудобства. Из последнего робота-уборщика Олег сделал, кажется, ручной пылесос, и с тех пор их совместное холостяцкое жилище было покрыто изрядным слоем пыли. Ротанов усмехнулся, стараясь вспомнить, когда в последний раз они сдавали ключ в бюро обслуживания. Кажется, в прошлом году... Скрипнула дверь. Показалось заспанное лицо Олега.

— Ты чего топчешься на пороге?

— Воздух наш после столицы располагает к раздумьям.

— Ага, понятно. Но ты все-таки проходи. Мне Ирина звонила. Сказала, какой у тебя рейс. Я даже печь истопил. Запомни, теперь твоя очередь.

— Ирина? Она-то откуда знает?

— Это ты у нее спроси. И, между прочим, можешь не мучиться угрызениями совести. Я все уже знаю про твою экспедицию.

— Тоже Ирина?

— У меня свои источники информации.

Можно было избежать нелегкого разговора, но все же чего-то Ротанов не понимал. Слишком просто Олег все это принял. Вряд ли при всем желании ему удалось бы так хорошо разыграть равнодушие. Что-то здесь другое. Интересно, что?

В комнате, заставленной грубой деревянной мебелью, топилась огромная русская печь. Печь — детище Олега. Он сделал эту диковинку по музейным чертежам. К нему даже приезжали какие-то специалисты смотреть на по чудо. В огромном овальном отверстии пылал огонь. Можно было сесть на широкую деревянную скамью и помолчать. За долгие годы, проведенные в космосе, они мучились молчанию. Но там оно было другим. Нашелся котелок душистой вареной картошки, рассыпчатой, с салом. Сало, правда, было вроде синтетическим. Ротанов не стал уточнять.

После ужина образовалась неловкая пауза. Оба понимали, что разговора об экспедиции им все равно не избежать. Ротанову хотелось узнать, что скрывается за показным равнодушием Олега, но спрашивать об этом не мог, чтобы не причинить другу лишнюю боль. Чтобы сразу со всем покончить, Ротанов наконец сказал:

— О том, что полетит один человек, было решено заранее, еще до того, как меня пригласили.

— Я знаю.

— Ну вот и отлично. Я, правда, не понимаю, откуда тебе все известно. И не знаю поэтому, что бы ты хотел от меня услышать.

— Что ты будешь делать после перехода, когда откажет двигатель или управляющий центр корабля?

— Ты хочешь сказать, если откажет?

— Я сказал то, что хотел.

— Ну, в таком случае мне разрешается сесть на планету.

— Я так и думал. Какой класс корабля?

— Исследовательский. Второго класса.

— Почему второго?

— Первый слишком тяжел для экспериментального двигателя. И команды на борту для первого будет маловато...

После этого опять надолго замолчали. Хорошо, что хоть тишина у них в доме никогда не бывала полной. Все время что-то шуршало, вздыхало, двигалось. Скрипели половицы, щелкали бревенчатые стены. Казалось, дом живет своей, отдельной от них жизнью.

Ротанов проснулся глубокой ночью. Синий неправдоподобный свет тихо лился в открытые окна дома. Почему-то на Земле иногда бывают такие яркие ночи, словно целый день копится невидимая красота, чтобы ночью щедро выплеснуться этой голубоватой прозрачной тишиной.

Ротанов лежал на толстом слое искусственного меха, покрывавшего лежанку на печи. Всегда ему было здесь слишком жарко. Всегда он просыпался среди ночи и лежал потом подолгу в темноте, слушая, как шумит за окном ночной ветер, запутавшийся в кронах деревьев. Он думал о Дуброве, оставшемся председателем совета на Реане. О том, как мало, в сущности, времени отведено в жизни человека на общение с друзьями. Чуть только повстречаешь хорошего человека, а дорога уже свернула в сторону, и опять ты один пробираешься сквозь колючие заросли. И вот уже мысли сами собой сворачивают на запретную тропу, возвращаются к гордой рэнитке, не пожелавшей принять его помощи. Он еще только начинает путь и не знает, куда приведет дорога. Дождется ли она помощи? Гидра была ее домом. Но прошли тысячелетия. На планете, возможно, ничего не осталось — ни памяти, ни пыли. А он все-таки думает о ней и не в силах себе запретить.

Снизу до него донеслось отрывистое нервное дыхание Олега, и Ротанов подумал, что Олег, наверно, тоже не спит и думает о чем-то своем, сокровенном. Неожиданно, без всякой подготовки, словно продолжая недавно прерванный разговор, Олег сказал:

— Ирина очень хотела тебя видеть.

Ротанов не ответил. Лишь беспомощно пожал плечами, словно Олег мог видеть в темноте этот его жест.

— Ты знаешь, какой у тебя срок?

— Срок чего? — не понял Ротанов.

— Если через шесть месяцев ты не вернешься, вылетает второй корабль.

От неожиданности Ротанов привстал на своей лежанке.

— Так. И полетишь, конечно, ты.

— Ты правильно догадался. Вытаскивать тебя из этой дыры на Гидре поручено именно мне.

Наступил наконец день, когда, простившись с командами крейсеров сопровождения, Ротанов подошел на ракетном шлюпе к своему «И-2». Черная труба пространственного конвертера, словно удав, обхватила тело корабля, сделала непривычными для глаза обтекаемые прежде формы. Ротанов подумал, что корабль уродлив, как первый автомобиль. Придет время, и новый, только что созданный двигатель станет сердцем корабля, а не придатком, как сейчас. Отработаются формы, пространственные корабли станут красивее сегодняшних. Но это случится еще не скоро, а пока маленькая неказистая машина — самое совершенное из всего, чем располагает Земля.

В рубке, рассчитанной на четырех пилотов, было просторно. Но это, пожалуй, единственное просторное помещение, оставшееся на корабле. Все остальные, за

исключением одной небольшой каюты, переоборудовали под склады и хранилища. Слишком многое нужно было взять с собой. И прежде всего — топливо. Его должно было хватить на обратный бросок к Земле. Ротанов пристегнул амортизаторы и включил бортовой компьютер. Из динамика сразу же раздалось монотонное тиканье хронометра.

— Тринадцать, двенадцать... одиннадцать, — бормотал компьютер. В последний раз замерцал экран связи. На нем показалось озабоченное лицо оператора, а потом руководителя полета. Что-то он хотел сказать, но не успел. Экран отключился. Слишком велика была нагрузка в эти последние секунды перед броском через бездну пространства, и компьютер автоматически отсекал все лишнее, не имеющее прямого отношения к делу. Очевидно, ничего серьезного все же не произошло, потому что отсчет продолжался.

— Девять, восемь... семь...

Вдруг Ротанову стало не по себе. Он подумал о том, что через несколько секунд его сознание исчезнет, растворится в гигантском энергетическом всплеске, возможно, навсегда... Рука непроизвольно потянулась к аварийному выключателю. Но медленно, слишком медленно!

— Пять... четыре... три...

Почему же рука так медлит? Осталось несколько сантиметров, одно движение — и перестанут, как глыбы, падать на него монотонные, равнодушные цифры:

— Два, один, ноль!

2

Ротанов сидел в полной темноте. На пульте не светился ни один огонек. Протяжно свистел воздух в респираторе скафандра, и это был единственный звук. Лицо заливал пот (или кровь?). Он никак не мог сообразить, где находится и почему сидит в скафандре, пока не вспомнил слово «ноль» и вспышку, оборвавшую сознание. Из этого немудреного умозаключения, из самого факта существования памяти, скафандра, пульта, на котором он уже искал тумблеры аварийного освещения, из всего из этого следовало, что он жив и что переход удался...

«Стоп, — оборвал он себя, — могло что-нибудь не сработать в последний момент...»

Наконец над головой вспыхнул мертвенным светом аварийный люминесцентный фонарь.

«Ноль времени... Ноль расстояний... Ноль энергии», — считывал он показания приборов и измерителей. Скорее всего это означало, что ни один измеритель не работал. Тут же он убедился, что не работают и локаторы. Вообще ничего не работало, даже карманный калькулятор. Корабль был похож на консервную банку. Надо было снять заслонки с перископов... Но он все медлил с этим последним, окончательным действием, наверно, потому, что боялся увидеть за бортом пустоту. Наконец решился... Механизмы ручного действия, не связанные с электронным управлением, слушались безотказно. Гидравлические усилители сдвинули в стороны тяжелые броневеты заслонки. Это произошло слишком резко, он даже не успел подготовиться и чуть не вскрикнул, когда по глазам ударил сквозь линзы оптики колючий живой свет далеких звезд. Сомнений больше не оставалось, почти сразу он узнал знакомые по тренингу силуэты чужих созвездий. Корабль находился в районе Альфы Гидры. Трудно, почти невозможно было представить, что за несколько кратких мгновений между ним и Землей легла бездна пространства в сорок световых лет... Это расстояние было так огромно, что не укладывалось в его сознании. Почему-то он представил его в виде гигантской черной стены, перерезавшей дорогу за его спиной.

«Так оно и есть, если корабль серьезно поврежден, если ты не сможешь отремонтировать его здесь, обратной дороги не будет».

Понадобилось всего полчаса на предварительный осмотр, после которого он уже знал самое основное. Мощные электромагнитные поля разрушили все активные элементы электронных устройств и вывели из строя центральный компьютер. Очевидно, теория не

учла это действие полей. Произошел тот самый случай, который невозможно учесть ни в каком теоретическом исследовании, для которого и нужен был экспериментальный полет... Никто не мог предвидеть, что остаточные поля разрушат все транзисторы на всех устройствах корабля... Он понимал, что защита от этого явления не была предусмотрена, что та же самая участь постигла все запасные устройства и блоки на складах корабля и то же самое произойдет с кораблем Олега, когда тот выйдет к планете через шесть месяцев...

«Вот ты и выяснил, почему не возвращались экспериментальные корабли,

— сказал он себе. — И теперь остается только одно — найти колонию и отремонтировать компьютер, вернее, смонтировать новый... Непростая задача... Все зависит от состояния техники и промышленности колонистов, если здесь вообще она есть. Главное я установил — переход возможен, теперь надо создать здесь надежную техническую базу и вернуться, во что бы то ни стало вернуться, чтобы донести до Земли свое открытие».

Он позволил себе потратить еще несколько минут на обдумывание предстоящей работы по переводу всех систем корабля на ручное управление.

Всякий раз при подходе к новой звездной системе в конце долгого пути Ротанов не переставал удивляться тому, как менялись масштабы окружающего мира. Пока корабль находился далеко от звезды, космос казался необъятной черной бездной без конца и края. Редкие россыпи звезд совершенно терялись в его просторах. Но стоило приблизиться к какой-нибудь звезде, и она становилась центром своего собственного мироздания.

Так случилось и сейчас с Альфой Гидры. Лохматое багровое светило пригасило звезды своей короной, заполнило пространство светом и жестким рентгеновским излучением. К счастью, экранировка корабля была вполне надежна. Ротанов знал, что, как только он удалится от звезды на достаточное расстояние и приблизится к нужной ему планете, масштабы мира опять изменятся. Звезда превратится в заурядное светило, а невидимый сейчас шарик планеты станет его новым миром, может быть, домом или последним пристанищем, с которого ему не удастся вернуться...

Корабль вышел слишком близко к Альфе, гораздо ближе, чем предусматривали расчеты. И он потерял целых два часа, переводя реактор главного хода и все рулевые системы на ручное управление. Теперь его корабль больше походил на музейный экспонат, чем на современный звездолет. Мощное притяжение звезды значительно увеличило скорость падения корабля. Его траектория все больше искривлялась, словно сгибалась под непосильной тяжестью гравитационного поля звезды. Еще час, и он не сумел бы вырваться из ее цепких лап, да и сейчас уходить приходилось на форсаже, бросив навстречу звезде всю мощь двигателей. Но, и вырвавшись из ее объятий, он решил всего лишь часть задачи, причем даже не самую трудную. Если в поединке со звездой все решала мощь двигателей, то теперь для выхода к планете, для выравнивания скорости корабля с ее скоростью нужен был сложнейший и точный расчет, выполнить который без компьютера он был не в состоянии, и, следовательно, придется выходить к планете визуально. Хорошо, хоть в системе Альфы была всего одна планета земного типа, и ему не придется дважды повторять сомнительный маневр со сложной траекторией и с колоссальными перегрузками. С каждым новым маневром он подходил к планете все ближе и ближе. Бледный диск превратился в голубоватый шар, постепенно заполнивший горизонт. Планета лежала почти на боку.

Это его удивило. Такие планеты были, как правило, мало пригодны для жизни. На полюсах летом раскаленный ад, а зимой ледяная тундра, и только вдоль экватора должна была тянуться полоса, пригодная для жизни. Очевидно, двести лет назад ракета колонистов вышла в этот район, и выбирать им не приходилось... Хорошо, хоть сужалась зона поисков. Колония могла быть только в экваториальной зоне.

Планета еще больше увеличилась, накрылась и закрыла горизонт. Он выполнил маневр последнего разворота, вышел на линию экватора и еще больше снизился. Мелькали жилы рек, синие пятна морей. Океанов не было. Хотя водой планета богата. Реки тянулись далеко в зону рыжих пустынь, покрывавших полюса. Экватор ошетинился плотной и довольно широкой — в несколько сот километров — лесной полосой. Найти здесь колонию

будет непросто. Радиопеленгаторы не работают, а поселение людей на этой дикой планете занимает, наверно, лишь маленький пятачок...

Только теперь он понял, как непроста была его задача. Корабль раскручивал четвертый виток над экватором, а в оптических системах по-прежнему тянулась то фиолетовая, то рыже-зеленая полоса непроницаемых лесов... Вельда оказалась права. Если здесь когда-то и родилась цивилизация рэнитов, то сейчас от нее не осталось ни малейших следов. «По крайней мере, видимых», — тут же поправил он себя. Наконец ему повезло. Одна из редких случайностей, которые выпадают на долю тех, кто не сидит сложа руки. Прямо по курсу в разрывах леса на солидной проплешины, желтой или даже скорее коричневой, он увидел город. Он увидел его настолько ясно, что не оставалось никаких сомнений — это именно город, построенный людьми! И, хотя скорость была все-таки слишком велика и город мелькнул в его телескопах всего на какую-то долю секунды, он уловил в его облике что-то тревожное. Он не мог с уверенностью сказать, что именно. Пришлось ждать следующего витка. Ротанов еще больше снизился, и вокруг корабля то и дело теперь вспыхивали сполохи раскаленных газов. Они его мало беспокоили, потому что обшивка была рассчитана и не на такие температуры, вот только сильно мешали наблюдениям, а снизить скорость он не рискнул и так шел на пределе.

Как только впереди показалась знакомая проплешина, рука механически потянулась к тумблеру фиксатора, и, конечно, он не услышал стрекота кинокамер — все никак не мог привыкнуть к тому, что на корабле не работала автоматика. Он вглядывался так, что на глазах выступили слезы. Город промелькнул и исчез. Лицо Ротанова посуровело и будто окаменело. Этого он не ожидал: город покрывали сплошные развалины. Рэниты? Нет. Это наш, человеческий город. Что же получалось? Долетели, основали здесь поселение, а потом погибли? Значит, прав Горюнов? «Не спеши с выводами», — оборвал он себя. Помощь, во всяком случае, получить здесь будет нелегко. Что у них произошло? Эпидемия? Война? Стихийное бедствие? Теперь это не имело значения. Выбора у него не было. На следующем витке придется садиться поближе к городу, потому что если кто-то и уцелел, то искать нужно именно в городе. По опыту он знал, что поселения людей на чужих планетах всегда концентрировались в одном месте.

Сел он километрах в двадцати от города, на той самой рыжей проплешины, оказавшейся пустырем, сплошь покрытым коркой высохшей глины. Пыль от его посадки заволокла все вокруг и окончательно испортила небольшой обзор, который давала оптика. Он выключил реактор, перевел в режим консервации все энергетические системы корабля. Теперь оставалось ждать, пока осядет пыль. Если в городе кто-то уцелел, они не могли не заметить его посадки.

Он должен вернуться вопреки всему... Не бывает так, чтобы большие колонии погибали полностью даже во время серьезных катастроф. Они начнут все сначала, если нужно, построят заводы... На корабле достаточно механизмов... Пусть это потребует немало лет, прилетит Олег, и вместе они как-нибудь с этим справятся, только бы здесь уцелели люди...

Когда пыль рассеялась, рядом с кораблем стоял каков-то странный продолговатый экипаж. И два человека... Один оставался за рулем, другой ждал у открытой дверцы и, казалось, не проявлял ни особого нетерпения, ни даже интереса к кораблю... Ротанов растерялся. Он ожидал увидеть все, что угодно: толпы инопланетных чудовищ, поглотившие людей, отряд вооруженных до зубов головорезов. Толпу восторженных колонистов. Но только не этот прозаичный экипаж с двумя сопровождающими. «Похоже, за двести лет они не очень соскучились... Или вообще забыли, что такое Земля?» — Он наблюдал за ними в перископ минут пять: полное отсутствие любопытства. Даже не переменили поз, так и стояли как истуканы. Может, это рэниты? Нет. Те были выше, другое строение черепа. Перед ним люди. Обыкновенные люди. «Неужели прав Горюнов, и всех их здесь поразило психическое расстройство?»

Ветер нес от города к кораблю облако рыжей пыли. Этот экипаж, облако пыли и два

человека выглядели слишком буднично, слишком по-земному... Казалось, не было ни пространственного перелета, ни чужой планеты, ни двухсот лет, отделявших его от этих людей... Ротанов вздохнул, расстегнул замки скафандра и пошел к выходу.

Дверь шлюза бесшумно ткнулась в мягкую почву. Те двое так и не сдвинулись с места. Молча ждали, пока он сойдет вниз, и даже тогда не сделали ни шага навстречу, не протянули руки... Настолько забыли обычаи Земли? Ротанов не стал подходить вплотную. Небольшая дистанция могла ему пригодиться.

— Здравствуйте. Моя фамилия Ротанов.

Это звучало глупо, но ничего более умного не приходило ему в голову. Нелепо протекала вся их встреча с самого начала. Важно было услышать, что они скажут в ответ. Может, уже и язык родной планеты забыли за двести лет?..

Нет, язык они не забыли.

— Мы посланы, чтобы вас встретить, вас ждут. Просим садиться.

— Кто вас послал?

— Координатор Лор Бэрг. Садитесь.

Не слишком ли настойчиво это «садитесь»? А что ему оставалось? Он сел, все еще чувствуя себя слегка оглушенным от этой встречи. Ровные круглые затылки, одинаковая короткая стрижка. Их аккуратные голубоватые рубахи при желании можно было принять за форму. Оружия, правда, не видно. Впрочем, его необязательно выставлять напоказ. Хорошо, хоть уступили заднее сиденье. Он терпеть не мог, когда в неясных ситуациях вплотную к нему садился человек, которому он не совсем доверял.

Экипаж плавно тронулся с места. По звуку двигателя Ротанов не мог определить принцип его работы — скорее всего электрический. Если так, то за двести лет они недалеко ушли. А впрочем, даже колонии, имеющие постоянный контакт с Землей, отстают в развитии. У них тут вообще должно быть натуральное хозяйство, наверно, все роботы постепенно вышли из строя, и они не сумели наладить производство запасных частей... Да, в таком случае с компьютером дела обстояли не блестяще...

Самое странное — их поведение. Сели на переднем сиденье и как ни в чем не бывало покатали вперед, словно они каждый день подвозят к координатору космонавтов, прибывающих с Земли, и те им настолько надоели, что они просто не знают, что с ними делать по дороге. Ни одного вопроса. Что это — полное отсутствие любознательности или такая дисциплина?.. Тогда дело плохо. То, что сохранился старый титул координатора, ровным счетом ничего не значит. За этим понятием может скрываться совсем другой смысл.

Неуклюжий экипаж обладал завидной проходимостью. Он пер вперед без всякой дороги, перепрыгивая через встречные рытвины и кусты. Альфа палила нещадно. Ее багровый диск занимал добрую четверть горизонта, и, пожалуй, только вид этого непривычного светила напоминал ему о том, где он теперь находится. Дышалось легко, ветерок приятно охлаждал кожу. «Едем с комфортом. И совершенно ничего нельзя понять», — со злостью подумал он.

— Что случилось с городом? — резко спросил он.

Его спутники даже не обернулись.

— Обо всем узнаете у координатора.

— А вы вами не умеете говорить или вам запретили?

— Нам поручено только доставить вас к координатору.

Примерно такие же ответы он получил на все последующие вопросы. Оставалось дожидаться, когда экипаж въедет на улицы города. Их внешний вид, лица встречаемых людей о многом могли рассказать его опытному глазу, но и тут его ждало разочарование. Экипаж остановился у неказистого строения, напоминающего какой-то сарай, километрах в четырех от города.

— Уж не здесь ли резиденция координатора? — с вызовом спросил Ротанов, не собираясь выходить из машины.

— Нет. Это станция подземной городской, магистрали.

Он с трудом поверил своим ушам. Но его не обманывали. Двери сарая распахнулись, и он увидел транспортную кабину... Не такую, как на Земле, но все же и это было слишком для города, состоявшего из сплошных развалин. Кабина оказалась узкой. В ней с трудом поместились три человека. Один из сопровождавших его парней набрал на небольшом диске цифровую комбинацию и нажал кнопку. Пол кабины загудел, потом ее понесло вниз и в сторону. Они двигались минут двадцать. У человека, стоявшего напротив Ротанова, были маленькие, словно приклеенные усики. Ротанов чуть насмешливо разглядывал его в упор, но тот не обращал на это ни малейшего внимания и на разу не отвел взгляд. Он словно бы смотрел сквозь Ротанова. Пахло сухой пылью, травой и едва заметно плесенью, словно кабиной очень долго не пользовались.

И вдруг Ротанов почувствовал острое чувство опасности. Он хорошо знал это почти инстинктивное предупреждение, оно его никогда не обманывало и не раз выручало в трудных обстоятельствах. Двое напротив него не шевельнулись, он с трудом подавил желание резко обернуться, потому что знал: за спиной ничего нет, кроме стены кабины. Тем не менее должна была быть какая-то вполне реальная, конкретная причина! Он лихорадочно искал ее и не находил и все же знал, что интуиция не могла его подвести. Он бы обязательно в этом разобрался, но кабина неожиданно резко остановилась, двери распахнулись, и у него не осталось времени. Так он и не понял, что там могло быть угрожающего в этой фанерной, тесной, плохо покрашенной кабине.

Они шли через большой двор, отделенный от улицы высокими каменными стенами, словно здесь была средневековая крепость. Вдоль стен росли колючие, непохожие на земные растения кусты, и вновь Ротанов подумал, как далеко он от дома... Попадались какие-то кучи железного хлама, обломки камня. Вообще двор выглядел так, будто его никогда не убирали. Они вошли в коридор, и Ротанов постарался сосредоточиться на предстоящей встрече. У него был большой опыт делового общения с представителями колониальной администрации, он знал, какой своеобразный отпечаток накладывает на людей долгая изоляция и слишком большая власть. Разговор предстоял не из легких.

Кабинет координатора Бэрга выглядел по-спартански просто. В нем вообще ничего не было, кроме стола, двух стульев и самого Бэрга. Стиль спартанской простоты редко сопровождал людей, развращенным бесконтрольной властью, да и сам Бэрг мало походил на диктатора. Это был круглолицый, жизнерадостный человек, пожалуй, слишком простоватый для того, чтобы можно было безоговорочно верить в эту его простоту. Он вышел из-за стола навстречу, но руки не подал, скорее всего этот земной обычай был здесь не в ходу, однако во всем остальном Бэрг просто излучал любезность. Он усадил Ротанова, достал из ящика стола бутылку какого-то прохладительного напитка и, когда Ротанов отказался, с видимым удовольствием опорожнил подряд два стакана. Казалось, он никуда не торопится и рад новому собеседнику. Все выглядело так, словно Ротанов приехал в отпуск к деревенским родственникам, о которых давно и незаслуженно забыл в далекой столице, а теперь вдруг неожиданно вспомнил...

— Вот уж не ждали! Корабль с Земли через столько-то лет! Как же вы долетели?! Неужели специально решили нас навестить, или это, так сказать, вынужденный визит?

Глаза его новоявленного дядюшки хитровато щурились, и Ротанов почувствовал прилив раздражения, может быть, от того, что только сейчас почувствовал, как сильно он устал за эту долгую и нелегкую дорогу, к тому же хотелось пить, и он жалел, что отказался от предложенного стакана.

— Земля систематически проводит проверку всех своих внешних поселений, — устало сказал Ротанов, все еще не зная, какого стиля нужно придерживаться в разговоре с этим круглым, все время ускользающим от него человеком.

— Что вы говорите?! Надо же... Но мы улетели так давно! Последнее поколение почти ничего не знает о Земле. Боюсь, что вы зря проделали столь долгий путь.

— Вы хотите сказать, что вас не интересует ни Земля, ни контакт с ней?

Видимо, Бэрг понял, что несколько переиграл. Он перестал бегать по кабинету, сел за

стол и секунду молчал, растирая ладонями свою лысую шишковатую голову. Потом заговорил совершенно другим тоном, словно перед Ротановым очутился новый человек.

— В течение двухсот лет Землю не интересовала наша судьба. Мы давно стали самостоятельным обществом, не считающим себя чем-то обязанным или как-то связанным с планетой, с которой расстались в свое время навсегда. С ее стороны было не очень этично отправлять нас в подобное путешествие. Во время него погибло больше половины всех участников экспедиции, а оставшиеся... Ну, в общем, это неважно. Иными словами, мы не считаем себя ничем обязанными Земле. И ваш, так сказать, дипломатический визит несколько запоздал.

— Он мог бы быть не только дипломатическим. Уверен, что у вас возникло немало трудностей. Надеюсь, вы не станете это отрицать?

Бэрг промолчал, и Ротанов подумал, что беседа становится все более трудной.

— За это время Земля накопила большой опыт по освоению новых планет, у нас есть соответствующая техника, знания, и многие ваши проблемы давно уже решены.

— То есть вы хотите меня убедить, что через двести лет, несмотря на расстояние, Земля решила протянуть нам материнскую руку помощи?

— Что у вас произошло? Давайте поговорим откровенно и перестанем играть в дипломатов с солидным стажем. Что тут стряслось? Эпидемия? Война? Почему разрушен город? Сколько людей осталось?

— Нет. Так дело не пойдет. — Бэрг отрицательно покачал головой. — Сначала я должен все узнать о цели вашего визита, о возможностях, которыми вы располагаете, о задачах, которые были вам поручены. Поймите меня правильно. За вами стоит колоссальная мощь Земли, за мною только горстка усталых людей, мечтающих лишь об одном: чтобы их оставили в покое. Поэтому ваш призыв к откровенности не совсем равноправен.

Ротанов почувствовал, что разговор окончательно зашел в тупик. Давно нужно было сказать о том, что расстояние перестало быть проблемой и что Земле нужна здесь база, не такая уж и сложная техническая база, для ремонта этих проклятых компьютеров. Тогда бы у них пошел совершенно другой разговор. Но что-то его все время удерживало, мешало говорить откровенно. Что же это было? То самое непроходящее ощущение опасности, возникшее еще по дороге сюда в кабине подземки, или что-то другое? Слишком много странного было в их встрече. Словно он попал куда-то в другое место... Не к людям, двести лет ждавшим помощи, и не к рэнитам, отвергавшим саму идею помощи. Что-то здесь было не так. Он решил начать все сначала. Еще раз сыграть в предложенную ему утомительную игру.

— Ну, хорошо. Допустим, я согласен. Готов ответить на любые ваши вопросы первым. Начинайте.

— У меня не так уж много вопросов. Цель визита?

— Решили наконец выяснить, что случилось с пропавшей экспедицией.

— Неубедительно. Пятьдесят лет полета только в одну сторону. В лучшем случае вы бы послали автоматический транспорт.

— Но Земля решила послать инспектора! Не транспорт, а инспектора с определенными, полномочиями. То есть меня, и в конце концов вам придется ответить на все мои вопросы! — Он тут же пожалел, что сорвался, но было уже поздно. Бэрг задумчиво покачал головой.

— Вот это уже ближе к истине. С этого нужно было начинать. С ваших полномочий, с силы, которая за вами стоит.

— Не будем спорить. Каким образом могу я получить интересующую меня информацию?

— Боюсь, я сейчас не готов к беседе в подобном аспекте. Да и вам не мешает отдохнуть с дороги. Она ведь была неблизкой. Пятьдесят лет, а выглядите вы всего, на сорок, недурно сохранились. — Бэрг вызывающе улыбнулся.

— Послушайте, координатор, я ведь все равно выясню все, что меня интересует.

— Никто и не собирается вам препятствовать. Но на помощь с нашей стороны вы можете не рассчитывать. Наши небольшие преимущества в данный момент состоят как раз в том, что на Земле не знают некоторых обстоятельств, и мы постараемся сохранить это положение как можно дольше.

— Ну хорошо. Тогда еще один, последний вопрос. Кого вы здесь представляете? Какую часть общества?

Бэрг не торопился с ответом, но было видно по напряженному взгляду, что он решает нелегкую задачу.

— Я представляю, как принято говорить в таких случаях, подавляющее большинство нашего общества.

— Хорошо, хоть не всех.

— Вам это ничего не даст. Сила, которой располагает противостоящая нам группа людей, ничтожна. Впрочем, вы получите возможность лично убедиться в моей правоте. Как я уже сказал, вам не будут препятствовать в получении информации. Я прошу вас подождать всего один день.

На этот раз Ротанова даже не проводили во двор. Коридор в том же самом здании, ощущение жаркой духоты и сознание ошибки. Он проиграл по всем пунктам атому ловкому администратору. Первый раунд был явно не в его пользу. Не удалось выяснить самого главного — существует ли принципиальная возможность для создания базы? Не в Бэрге же дело, в конце концов с Бэргом он как-нибудь справится. Лишь бы у них сохранились производственные мощности, чтобы можно было наладить выпуск хотя бы простеньких компьютеров и автоматов, способных управлять кораблем в режиме перехода в тот момент, когда отключается сознание пилота...

Неважно, если они не смогут вывести корабль точно к Земле. Его засекут наблюдательные станции на любой из освоенных планет, выйдут навстречу патрульные корабли... Лишь бы пробиться сквозь безмерную толщу пространства, вставшую между ним и домом... А что касается Бэрга, одного он, пожалуй, все-таки не учел: передышка, однодневная отсрочка в их переговорах выгодна прежде всего именно ему, Ротанову. Даже находясь в полной изоляции, он узнает к их следующей встрече гораздо больше того, что мог бы себе представить этот Бэрг, не имевший ни малейшего понятия о сложных методах исследований, позволявших в незнакомой обстановке по самым незначительным признакам распознать и предотвратить нежелательные, зачастую еще только намечавшиеся сдвиги в социальных структурах таких вот изолированных немногочисленных человеческих поселений.

Комната, в которой его поместили, оказалась просторной и даже с окном. Ротанов заметил, что окон они здесь не любят. Во всяком случае, в кабинете координатора окна не было, и освещался он сверху через стеклянную крышу.

Окно закрывала толстая стальная решетка. Хорошо, хоть декоративная. С литыми украшениями. Услышав, как щелкнул дверной замок, Ротанов усмехнулся. Вряд ли они догадывались, что он пробудет здесь ровно столько, сколько сам найдет нужным. Если понадобится, он разогнет эти прутья и даже разорвет. Конечно, стрессовое состояние, вызванное самогипнозом, никогда не проходит бесследно, но если очень уж понадобится... Ладно. Это не к спеху. Один день можно подождать. Он подошел к окну и внимательно осмотрел двор. Ничего нового. Разве что крыша очень старого здания виднелась из-за забора. Когда-то его покрывали листы лирона, а теперь пластик весь покособился, съезжился грязными рваными валиками. Для этого нужна была солидная температура. Градусов двести, не меньше... Однако здесь у них бывает жарковато...

Он отошел от окна и внимательно, осмотрел комнату. Толстые стены — полметра камня. Что они, осаду здесь собираются выдерживать? В комнате не было никакой мебели, ничего лишнего. Кровать с тощим матрасом, накрепко прикрепленный к полу стул и столик с дымящимся ужином. Они старались быть по возможности вежливы. Ну что ж, попробуем разобраться в этом ужине. Ротанов внимательно осмотрел посуду и пищу. Пища говорила,

как он и предполагал, о натуральном хозяйстве и отсутствии развитой пищевой индустрии. Посуда тоже, несомненно, кустарного изготовления... Ему пришлось напомнить себе о скоростных подземных магистралях. Как-то одно с другим не вязалось... Есть он не стал. Завтра потребует доставить корабельные консервы и все его личные вещи, а пока лучше подождать...

Ротанов почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы спины. Кто-то за ним наблюдал. Он никогда не ошибался в этом ощущении. И хотя в двери не было ни единой щелки и само ощущение чужого взгляда шло совсем не от двери, он не мог ошибиться. Медленно, стараясь ничем не выдать своего открытия, повернулся. Четыре стены без единой щели. Такая же дверь... Тогда он закрыл глаза и постарался сосредоточиться. За ним определенно наблюдали. Он решительно подошел к противоположной от окна стене, постучал по ней пальцем. Стена ответила глухим тяжелым звуком. Сплошной камень — так же, как и у окна. Все же это здесь... Он внимательно осмотрел стены. Чуть выше его головы слегка отстал кусочек штукатурки. Едва заметно отстал. Стены давно не ремонтировали, кругом мелкие трещинки, подтеки. И все же его заинтересовал именно этот кусочек штукатурки, нисколько не сомневаясь в том, что именно он является самым интересным в этой стене, Ротанов осторожно подцепил его ногтем. Под ним было маленькое углубленье, не шире вязальной спицы. Оптический датчик, притаившийся в нем, оказался совсем крохотным. Ротанов с трудом выковырнул его из отверстия.

Нисколько не беспокоясь о том, что они об этом подумают, он разорвал тоненькие проводнички, уходившие от датчика в стенку, и, зажав в ладони свою драгоценную находку, медленно прошел к столу. Он едва сдерживал радость, потому что это был такой подарок, на который он даже не смел рассчитывать, уже и надеяться перестал, и вдруг, на тебе, этот датчик... Ротанов разжал ладонь. Да, все правильно. Там не было никаких световодов. Устройство не больше спички содержало в себе оптический интегратор, превращавший световой поток в систему электрических импульсов. Нечто вроде крохотной телекамеры. Это «нечто» и было для него самым важным. Из него следовало, что колония располагала совершенным электронным оборудованием, и не просто располагала таким оборудованием, но и могла его производить, потому что датчик был местного производства. Такое узкоспециализированное устройство не могло входить ни в один экспедиционный комплекс, к тому же небольшой срок службы подобных миниатюрных устройств говорил сам за себя — его сделали здесь, и недавно. А из всего этого следовало, что теперь проблема с ремонтом его корабельной электроники перестала существовать, и все сразу упростилось, стало почти банальным. Договориться тем или иным путем с этими людьми он всегда сумеет. «Ну что тут у них, диктатура? Рабовладельческое общество? — почти весело думал Ротанов. — Не верю я в это, несмотря на все теоретические изыскания Горюнова. Люди двадцать третьего века не могли до этого докатиться, и даже если предположить самое худшее, все равно в любом человеческом сообществе всегда есть противоборствующие течения, столкновения интересов. Стоит поискать, и я найду тех, кто захочет мне помочь. И раз теперь известно самое главное, принципиальная возможность такой помощи, то беспокоиться просто не о чем. Срок у меня достаточный. Из шести месяцев, о которых говорил Олег, я пока что израсходовал всего три дня».

Ротанов лег на кровать, все еще сжимая в руке свою находку, блаженно улыбаясь и даже не представляя, насколько он далек от понимания истинного положения вещей. Он заснул почти сразу, но спал недолго и плохо.

3

Ему снились непрерывные кошмары. В конце концов Ротанов проснулся, но неприятное, похожее на удушье ощущение осталось.

Он слышал, как за темным окном шумит дождь. В комнате было прохладно и сыро. Постарался вспомнить, что ему снилось. Что-то липкое и вонючее его душило. Оно не имело

ни формы, ни лица.

Потом он куда-то падал. Пытался всплыть с большой глубины, рвался наружу к поверхности и все время задыхался от недостатка воздуха. Даже сейчас тело покрывал липкий пот. Всегда так бывает на новой планете, два или три дня, пока привыкнешь к новому климату. Адаптация. Иногда скрутит так, что человек неделю ходит как сонная муха. И всегда снятся какие-нибудь кошмары. Правда, с удушьем что-то уж больно реально, словно он в самом деле едва не задохнулся.

Он поднялся. Все тело ломило как после продолжительной болезни. Медленно прошел к окну. Был тот самый ранний предрассветный час, когда в небе уже можно уловить первые отголоски будущей зари, приглушенные унылым дождем. И еще туман... Он заполнял весь двор белесой мглой, подкрался к самому окну. На секунду ему даже показалось, что белые полотнища у самой решетки дрогнули, когда он приблизился, и отползли дальше.

Не хватало только галлюцинаций. «Завтра надо сказать, чтобы с корабля принесли аптечку. Прививки прививками, но я что-то совсем расклеился». Постоял у окна минуты три, вдыхая сырой промозглый воздух и постепенно приходя в себя. Потом снова лег. Остаток ночи прошел спокойно. Проснувшись утром, с трудом вспомнил ночные кошмары.

В окно светило бешеное огромное солнце, не было даже намека на дождь. Может быть, он ему приснился вместе с туманом. Ротанов еще раз выглянул в окно. Под самым карнизом темнела узкая полоска влажной почвы: значит, дождь ночью все-таки был. Он пригладил волосы, потом решительно постучал в дверь.

Туалет вместе с умывальником и набором бритвенных принадлежностей оказался в соседней комнате. Побрившись, он почувствовал себя более уверенно и почти сразу его провели к Бэргу.

На этот раз Бэрг казался чем-то озабоченным. Он не стал тратить время на дипломатические любезности и сразу же перешел к делу.

— Я хочу сделать вам вполне конкретное предложение, но прежде мне нужны некоторые сведения. Они носят, так сказать, чисто теоретический характер, и, я думаю, вы сможете ответить на мои вопросы без всякого риска.

— Давайте попробуем, — ответил Ротанов, улыбнувшись. Он чувствовал себя отдохнувшим и вполне готовым для нового поединка. Но Бэрг не принял вызова. Ротанов заметил, что он украдкой внимательно разглядывает его, словно видит впервые.

— Предположим, вы, вернувшись на Землю, сообщите, что колония на Альфе полностью погибла. Какая-нибудь эпидемия. Вам подберут вполне убедительные материалы и все необходимые данные. Что за этим последует? Будет ли организована еще одна экспедиция, или Земля этим удовлетворится и нас оставят в покое?

— Трудно сказать... Какое-то время вы, конечно, получите. Но почему вы решили, что я соглашусь на подобную фальсификацию?

— Об этом позже. Давайте сначала рассмотрим второй вариант. От вас никаких известий. Вы ведь можете не вернуться. Несчастный случай на планете или неполадки с двигателем. Неисправность компьютера... Мяло ли что?

— Вы осматривали корабль?

— Корабли всегда осматриваются после посадки. Таковы старые правила, и мы не считали нужным их изменять. А вы что, против досмотра?

Это была правда. Досмотр прибывших кораблей, их технический и медицинский контроль действительно общепринятая вещь в любой колонии, и спросил он об этом скорее для того, чтобы убедиться в том, что они теперь знают.

— Нет, я не против досмотра. Продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

— Естественно предположить, что через какое-то время после вашего исчезновения будет послана вторая экспедиция. Как велико это время?

— Мне кажется, оно не будет слишком велико.

— Ну а если не вернется и вторая экспедиция, что тогда?

— Тогда скорее всего сюда вышлют эскадру специально оснащенных кораблей, с

которой вы уже ничего не сможете сделать.

— Я так и думал. Постарайтесь меня понять. Сейчас вас просят только об одном — не вмешивайтесь, оставьте нас в покое, хотя бы на время. Поверьте мне, лучше всего, если вы улетите, приняв мое предложение. — В голосе Бэрга звучала неподдельная горечь. Он словно понимал уже всю бесполезность этого разговора и предвидел все, что последует дальше. Почему-то Ротанов не сомневался в его искренности. Наверно, из-за этой горечи.

— Для кого лучше?

— Что? — не понял Бэрг.

— Для кого лучше, если вас оставят в покое? Для вас лично? Для всех колонистов? Для кого?

— Прежде всего для землян.

— Вот как... Ну, земляне в состоянии позаботиться о себе сами.

— Прежде всего для землян, — настойчиво повторил Бэрг. — Потом уже для нас. Большого я не могу сказать, и вы мне, конечно, не поверите. Вы сейчас броситесь все вынюхивать, выворачивать наизнанку, инспектировать. Блестяще выполните свое задание, и пройдет немало времени, пока поймете, что я был прав. Но тогда уже будет поздно... Скорее всего вам не позволят получить никаких сведений.

— Почему бы вам не попробовать еще один вариант?

— Какой же?

— Поверить в мою доброжелательность, позволить самому во всем разобраться и решить, как поступить, но не с завязанными глазами, как вы мне предлагаете, а со знанием всех факторов. Может быть, я и соглашусь с вашим предложением.

— Наверно, я бы так и поступил. Собственно, вчера так и собирался сделать. Но с тех пор кое-что изменилось. Я убежден, что, получив все данные, вы все равно не сможете правильно их понять. Это неизбежно.

— Мы все время ходим вокруг да около. По-моему, наша беседа давно потеряла всякий смысл.

— Ну что же... Я вас не задерживаю.

— Я ведь мог согласиться хотя бы для виду. Мне от вас нужен только компьютер.

— Я знаю. Но вы этого не сделали, и поэтому мне особенно жаль, что нам не удалось договориться. То, что последует теперь, будет одинаково трагично для всех. Для вас, для вас, для всех людей. Я вас не задержу, и вы выйдете отсюда, если вам повезет. Это уже будет зависеть не от меня. Но даже если вам повезет...

— Мне повезет.

— Тем хуже, потому что тогда вы сделаете все, чтобы ускорить прилет следующей экспедиции, и это будет главной ошибкой. Попросту катастрофой. У меня к вам последняя просьба — постарайтесь не спешить с выводами.

— Я постараюсь. — Ротанов поднялся и с минуту стоял прислушиваясь. Где-то очень далеко, скорее всего вне дома и даже вне двора, может быть на окраине города, родился грозный и могучий звук, от которого мелко-мелко завибрировали стены дома. Звук оборвался так же внезапно, как и возник, потом кто-то огромный хлопнул над городом в ладоши, и со стен посыпалась штукатурка.

— Что это такое? — Бэрг пожал плечами.

— Теперь вам все придется узнавать самому, и уверяю, это будет непросто.

Ротанов стиснул зубы, поднялся и вышел. С минуту Бэрг задумчиво смотрел ему вслед, потом повернулся к скрипнувшей за его спиной внутренней двери. Вошел высокий подтянутый человек, его возраст также, как и возраст Бэрга, трудно было определить даже приблизительно. На моложавом, без единой морщинки лице поблескивали маленькие, глубоко запавшие глаза.

— Ну что?

— Все очень плохо, Лан. Мне пришлось его отпустить.

— Куда он денется, пусть походит.

— Да нет, ты не понимаешь... Он... Видишь ли, он не поддается воздействию...

— То есть как?! Не было воздействия, и ты его отпустил?!

— Воздействие было, но безрезультатно.

— Это невозможно!

— Выходит, возможно... Один датчик он уничтожил, но мы все равно контролировали все циклы... Может быть, иммунитет. Я не знаю, в чем здесь дело.

— Надеюсь, ты понимаешь все последствия?

— Еще бы... Нам не удастся его использовать. Я попытался его убедить сотрудничать с нами...

— Это просто смешно!

— Да, ты прав. Очень скоро этот человек станет для нас серьезной проблемой.

— Ну, это мы еще посмотрим. Проблему можно попросту устранить. — Он рванулся к выходу, но его задержал усталый голос Бэрга.

— Не торопись, Лан. Инспектор с Земли не может исчезнуть бесследно. Вспомни двигатель на его корабле. Боюсь, что его ликвидация только ускорит следующий визит.

— Возможно. Но у нас нет выбора. Надеюсь, ты понимаешь, что будет, если он ускользнет от нас и найдет тех.

— Что значит, в конце концов, один человек!

— Ты же сам сказал, что он не поддается воздействию! Что будет, если он узнает?... И потом, следующий корабль может сесть у них... Нет, Бэрг, убрать его необходимо.

На улице дул сухой ветер. Ротанов стоял, прислонившись спиной к стене дома, из которого только что вышел. Двор лежал перед ним как огромное пустое ущелье, требовалось определенное усилие, чтобы оторвать спину от стены здания и пересечь этот двор. Он еще не понял, почему это так, и поэтому не спешил. Что-то уж больно легко отпустил его Бэрг и слишком неожиданно. Если вспомнить вчерашнюю встречу, его планы изменились довольно круто и достаточно было скрытых угроз... Пожалуй, он поспешил. Нужно было еще потянуть, продолжить дипломатическую игру, собрать новую информацию, а он полез на рожон, обострил ситуацию, дал им в руки ненужные козыри.

Что с ним такое случилось? Почему он сорвался в кабинете у Бэрга и пошел напролом? Что он там такое почувствовал? Какое ощущение подняло его со стула и повело к двери?

Вдруг он вспомнил руки Бэрга. Они лежали на столе как два бесполезных предмета, ни одного движения, словно бы не принадлежали хозяину. Кажется, по правому пальцу проползал какой-то жучок, но палец не отодвинулся, не дрогнул, не попытался смахнуть назойливое насекомое... Во всем этом было нечто такое, что заставило его на секунду утратить обычную рассудительность, хладнокровие... Он до сих пор не мог подавить в себе ощущение брезгливости и холодного, никогда раньше не испытанного ужаса. Самое неприятное, что он толком не мог объяснить, в чем, собственно, дело...

Наконец он оторвал спину от стены и медленно пошел через двор. Ему пришлось совершить над собой почти насилие, и, только поравнявшись с воротами, он понял, в чем дело. Сзади что-то неожиданно хлопнуло, и на него посыпалась кирпичная крошка.

Екнуло сердце, и, еще не сообразив, что произошло, он стремительно бросился вперед и в сторону, за толстую арку ворот. Второй выстрел поднял облако пыли на том месте, где он только что стоял...

Вот, значит, как... Что же, по крайней мере теперь все стало на свои места и позиции определились. Одно оставалось неясным, почему они так долго медлили? Стрелять нужно было гораздо раньше, когда он шел через двор, и проще было вообще его не выпускать. Что-то у них там не ладилось, не сходилась, не было единого мнения. Они не знали, как поступить, ударились в панику. Он воспользуется этим. И раз уж с первых шагов на этой планете определились его враги, то и друзья найдутся.

Если только удастся уйти отсюда... Они долго медлили, но если впереди, на улице, есть посты, ему несдобровать.

Может быть, ему осталось сделать всего несколько шагов, чтобы они добились своего. Выстрел мог прозвучать из-за любого угла. А может быть, это будет не выстрел, энергетический разряд или огненный зрачок лазера?.. Какая разница?

Солнце по-прежнему низко висело над горизонтом. Оно словно не сдвинулось с места с того самого момента, как Ротанов проснулся. «Долгое утро... Оно останется все таким же потом, после выстрела, а я так ничего и не успел узнать, предотвратить... И Олегу будет еще труднее, если я не сумею уйти из этого двора».

Сзади сверкнул ослепительный зайчик, и вокруг, царапая кирпичную кладку, противно взвизгнули осколки. Все: оставаться здесь больше нельзя. Ротанов сжался перед броском, и в этот момент ему навстречу с улицы шмыгнул какой-то человек в плотной, облегающей одежде мышинного цвета. Он, видимо, не понимал, что здесь происходит. Растерянно смотрел на Ротанова и нерешительно тянул из футляра на поясе какой-то параллелепипед. Тащил неуверенно, словно не знал, что ему с ним делать. Ротанов ударил его по руке, человек споткнулся, выронил оружие, и блестящий квадратик упал впереди Ротанова. Он подхватил его и, не останавливаясь, бросился под арку ворот. Над головой опять что-то свистнуло, в лицо брызнуло каменное крошево.

По тому, как был сделан этот выстрел, он сразу же понял, что шутки кончились и игра пошла всерьез. Они слишком долго раздумывали и дали ему возможность добраться до ворот, но это еще ничего не значило, если впереди на улице у них есть посты... Он мельком глянул на параллелепипед, зажатый в руке. Это был тепловой пистолет старого образца. В школе их обучали обращаться с музейным оружием, и, кажется, не зря... У него солидная мощность, но заряда хватит всего на несколько выстрелов... Придется экономить.

Он осторожно выглянул из-за арки. Узкая пустынная улица горбом взбиралась на небольшой холм. Неряшливые низкие стены строений без единого окна убегали в обе стороны. Никакого транспорта, ни одного пешехода. Спрятаться здесь практически невозможно. Дурацкая ситуация, он даже не знает толком, против кого вынужден будет через секунду применить оружие. Кто бы они ни были — убивать он не имеет права, даже если придется защищать свою жизнь, и, значит, сейчас ему нужно скрыться во что бы то ни стало. Не устраивать здесь баталии, а скрыться. Вот только куда? В противоположной от подъема стороне улица упиралась в грязную сточную канаву с высоким каменным парапетом. На первый взгляд ему показалось, что там не пройти, но, еще раз внимательно присмотревшись, он понял, что если сумеет добежать до перекрестка, то у него появится шанс.

Давно он так не бегал. Ветер свистел в ушах, то и дело приходилось бросаться из стороны в сторону, чтобы не стать мишенью для очередного выстрела. Стрелять они начали слишком поздно, иначе бы ему несдобровать. И все же нескольких секунд не хватило, чтобы добежать до угла.

Очевидно, они применяли не только тепловое оружие, потому что над крышами строений, мимо которых он бежал, что-то гулко ухнуло, выбросило ядовитые облака дыма, и сейчас же со всех сторон, как осы, жажужжали осколки. Пришлось ничком броситься на землю. К счастью, теперь между ним и преследователями оказалась бетонная эстакада, пересекавшая улицу поперек метрах в пяти над мостовой. Он заметил ее сразу, как упал, и тут же понял, что нужно делать. В той стороне улицы, откуда он бежал, уже можно было рассмотреть темные фигуры преследователей. Они жались к заборам, опасаясь выстрела, и не очень спешили. Как только от них до эстакады осталось несколько метров, он дважды выстрелил, подрезая эстакаду тепловым лучом с обеих сторон. Еще в воздухе она разломилась на несколько частей и рухнула со страшным грохотом, перегородив улицу грудой обломков. Все вокруг заволочло пылью и дымом. Теперь у него появилось достаточно времени, чтобы завернуть за угол. Вряд ли они могли заметить, в какую сторону он свернул. Он не собирался долго бежать по пустынному проулку. Его план состоял в том, чтобы незаметно, свернув за угол, перелезть через забор и попытаться укрыться в каком-нибудь строении. Если ему повезет и он сразу же не наткнется на жилой дом,

возможно, удастся выгадать еще полчаса или час, пока они будут прочесывать улицу в обе стороны, и за это время продумать следующий ход.

Забор был довольно низкий, без всяких там колючих проволок и прочих каверзных штук. Спрыгнув на усыпанный ржавым железом двор, он прислонился к стене и несколько секунд стоял неподвижно, жадно хватая ртом воздух. Немного отдышавшись, двинулся вдоль строения, стоявшего почти вплотную к забору. Одноэтажное длинное здание тянулось бесконечно. Он слышал с той стороны забора крики и топот ног. Но здесь, во дворе, все пока было тихо. Кажется, ему наконец-то повезло. Строение ничем не напоминало жилой дом. Скорее это барак, склад или мастерская. Похоже, тут никого нет. Окончательно он в этом убедился, когда обнаружил на широких, как ворота, дверях висячий замок. Это последнее препятствие показалось ему непреодолимым. Если торчать здесь, на открытом месте, его сразу же обнаружат, перелезть еще через один забор опасно. Нужно попробовать сорвать замок... Он стал торопливо шарить вокруг в поисках подходящего куска железа, переворачивал обуглившиеся обломки дерева и разбитые кирпичи. Было похоже, что кто-то переломал на этом месте все, что здесь было раньше построено, и воздвиг потом это унылое строение без окон, с висячим замком на дверях.

Ничего подходящего, чтобы справиться с замком, ему так и не попало, и только тогда он вспомнил про тепловой пистолет. Ему не хотелось оставлять следов, но другого выхода не было, каждую секунду его могли обнаружить.

Сунув ствол пистолета под самую дужку, он направил его вверх, так, чтобы не задеть крыши строения, потом отвернулся и нажал спуск. Вместо хлопка раздалось протяжное шипение. Видимо, он израсходовал на эстакаду слишком много энергии. Все же дужка раскалилась почти добела, потом размягчилась и осела, он подцепил ее снизу куском арматуры и разорвал размягченный металл.

Закрыв за собой дверь, Ротанов очутился в темноте. Не было слышно ничего, кроме его собственного прерывистого дыхания. Постепенно глаза привыкли к полумраку, и он понял, что в вентиляционные отверстия над крышей проникает достаточно света. Широкий проход вел от дверей в глубину. По обеим его сторонам до самого потолка высились ряды полок, довольно беспорядочно заставленных грудями ящиков и бочек. На улице он успел заметить, что квартал застроен одинаковыми бараками, так что, возможно, весь этот район отведен под склады. Пока он в относительной безопасности.

Пахло гнилью и чем-то незнакомым, пряным, как корица. Он думал о том, что хорошо бы найти в ящиках что-нибудь действительно полезное. Продовольствие или оружие. Концентраты не требуют для хранения холодильников. Очень жаль, что он с самого начала не сделал запаса пищи. Однако самым необходимым в ближайшее время для него станет вода...

Ротанов несколько раз сглотнул, стараясь избавиться от сухости в горле. «Даже напиться не успел». Впрочем, откуда ему было знать, что события в это утро развернутся столь стремительно. Ну ладно. Придется ночью пробираться к той канаве, которую он заметил в противоположном конце улицы. Там они наверняка выставят посты, а ему нечем обороняться, так что неплохо найти бы здесь бочку с квасом или ящик пива. Мысли возникали простенькие, о насущных проблемах. И это было правильно. Он старался пока не думать о том, что произошло на планете, откуда тут появились люди, непохожие на людей... Достоверной информации у него было очень немного, а стоит начать строить догадки, им числа не будет, и потом, когда информация появится, будет труднее в ней разобраться. Лучше уж думать о пиве... Кстати, раз тут есть бочки, наверняка в них какая-нибудь жидкость. Вполне возможно, что это продовольственный склад. Прямо перед ним на полу стоял контейнер необычной многогранной формы. Словно кто-то вытесал из пластика фигуру около метра в поперечнике для урока школьной геометрии. «Ну что же, с него и начнем».

Контейнер оказался неожиданно легким. Ротанов без всякого труда сдвинул его с места и повернул. Нигде не было видно ни малейшей щели или намека на дверцу. Пластмасса

отозвалась на стук глухим звоном и оказалась слишком твердой. «Нужно поискать тару попроще», — подумал он и решил вскрыть ближайший деревянный ящик, привлекавший своими размерами. Подцепил крышку все тем же куском арматуры. Она отскочила сразу, словно ждала, чтобы ее открыли. Но внутри не было ничего интересного. Тяжелые слитки блестящего металла. Титан, а может, вольфрам. Он перешел к ряду огромных, под стать ящикам, бочек. Из пробитого отверстия медленно, словно нехотя, ползла струя вязкой смолистой жидкости. От нее шел знакомый пряный аромат, который он почувствовал сразу, как вошел. По-видимому, сок какого-то местного растения. Без анализа пить его нельзя, и он с огорчением пошел дальше.

Ротанов работал десятый час подряд. За это время ему удалось обследовать лишь небольшую часть склада. Очень много сил отнимала крепко сколоченная тара. Ничего полезного так и не нашел. Склад мог принадлежать кому угодно. Упакованные для отправки или длительного хранения минеральные и сырьевые ресурсы планеты. Здесь не было технических изделий или продуктов сельского хозяйства. Возможно, ему не повезло. В конце концов, продукцию должны сортировать по отдельным видам, и если это действительно так...

Вдруг он вспомнил про тот странный пластмассовый контейнер, на который наткнулся в самом начале. Необычная тара могла содержать что-нибудь интересное. Правда, он был слишком легок и, пожалуй, пуст... Он осмотрелся, в дальнем углу склада на отдельной полке стоял еще один такой же контейнер. Он подошел к нему, раздумывая, чем можно вскрыть неподатливую пластмассу, и уже протянул было руку, но вдруг застыл на месте.

Что-то там блеснуло в темноте за ребром призмы. Что-то едва различимое, тоненькое, как паутинка. Но паутины здесь не было. Целые тонны пыли и ни одного паука... Лучше всего оставить этот контейнер в покое... Но если там действительно сигнализация, значит, в контейнере что-то важное, нуждающееся в охране, и если он хочет узнать хоть что-нибудь, вскрывать придется именно этот. Больше он не думал о холодном пиве, хотя во рту пересохло. Ради того, чтобы выяснить, что они считают достойным такой защиты, стоило рисковать.

О том, насколько сложная система прикрывала контейнер, ему стало ясно уже через полчаса кропотливой, осторожной работы. Помогло хорошее знание корабельной электроники. И хоть он не знал общей схемы и даже не пытался разобраться в управляющем блоке, в конце концов ему удалось обнаружить и обезвредить основной узел сигнализации, снабженный многочисленными датчиками тепловых и механических воздействии. Система оказалась хорошо замаскированной, и спасло его только то, что за ней, очевидно, долгое время не было ухода. Подгнившая доска в стене раскрошилась и обнажила тонкий, как паутинка, проводок. Возможно, впервые он отыграл хоть одно очко в опасной игре, которую ему здесь навязали.

Ротанов осторожно провел рукой по стенке контейнера. Как будто все в порядке, но если он не обезвредил хоть один датчик... Об этом не стоило думать, потому что он не собирался отступать. Достал тепловой пистолет, подбросил на ладони, словно проверяя вес. Потом приставил к боковой грани и нажал спуск. Уже через несколько секунд стало ясно, что в пистолете еще достаточно энергии для того, чтобы хорошенько разогреть пластмассу. Только она почему-то не желала плавиться, даже раскалившись добела. К счастью, он повредил механизм запора, внутри массивной стенки звякнуло, и неожиданно толстая крышка на шарнире выскочила наружу, больно ударив его по руке.

Потирая ушибленную руку, он задумчиво смотрел на контейнер. Не нравилась чрезмерная толщина крышки. «Сантиметров двадцать, при такой-то прочности... Похоже на радиационную защиту. Только этого не хватало...» Он вытянул ладонь и быстро провел над крышкой. При большой интенсивности излучения он почувствовал бы тепло, но ничего не было, и это ни о чем еще не говорило, потому что все зависело от характера излучения. Наконец ему надоело топтаться около контейнера. Он уже не сомневался, что влипнет из-за него в неприятную историю, и именно поэтому следовало кончать поскорее.

Отшвырнув бесполезный пистолет, в котором не осталось уже ни капли энергии, он сунул руку в контейнер сразу по самое плечо. И ничего не обнаружил. Впрочем, нет, на самом дне было несколько округлых и скользких предметов. Он попытался ухватить один из них и сразу же выпустил, потому что ему показалось, что где-то совсем рядом громко засмеялся ребенок. Его даже передернуло, таким нелепым и неуместным показался детский смех в этом пустом грязном складе. Он мог бы поклясться, что звука не было. Смех он слышал словно бы внутри себя, в голове, но слышал совершенно отчетливо. Такое возможно при галлюцинациях, но он слишком хорошо знал, что у него не бывает галлюцинаций.

Очень осторожно, сантиметр за сантиметром, он снова приблизил руку к неизвестному предмету. Сначала ощутил только легкое покалывание, как от разряда тока, потом рука заныла, и, когда коснулась поверхности предмета, он ее уже не чувствовал. Перед глазами все поплыло. Очень неясно, едва заметными контурами на стены сарая накладывалась какая-то картина...

Чтобы не отвлекаться, он закрыл глаза, и картина стала отчетливой. Комната... Большая комната, залитая солнечным светом, окно распахнуто... Ребенок стоит на пороге, держит в руках пластмассовую игрушку... И что-то колышется у окна, что-то знакомое, какие-то грязные полотнища... Дым от пожара? Остатки занавесок? Картина была неподвижной. Ничто не менялось. Он чувствовал, что онемело уже все плечо. Дальше не стоило рисковать. Стиснув зубы, одним точно рассчитанным движением он подхватил таинственный предмет и рывком выдернул его из контейнера.

По форме эта штука походила на свернутый восьмеркой тор, сантиметров двадцать в диаметре. Она казалась прозрачной и довольно тяжелой. Внутри что-то переливалось. Какое-то жидкое, холодное пламя. В такт с его мерцающими переливами Ротанова бросало то в жар, то в холод, все его чувства необычайно обострились. Это был бешеный коктейль из радости, беспричинного смеха, невыразимой безысходной тоски, острого Пряного страха, в голове что-то гремело и грохотало, словно били в древние негритянские тамтамы, казалось, еще секунда — и он не выдержит чудовищного напряжения, а рука намертво вцепилась в эту дьявольскую штуку и не желала разжиматься. Вдруг, словно пройдя через усилитель, в его сознание ворвались слова: «Эй, ты! Брось это!» Рука разжалась сама собой, сосуд упал в глубину контейнера. Шатаясь, будто только что выбравшись из-под обвала, Ротанов медленно обернулся. Напротив него в конце прохода стоял высокий, давно не бритый человек в рваном комбинезоне, с тяжелым блестящим от смазки пистолетом в руках.

4

Пистолет, направленный прямо в живот Ротанова, медленно двигался, словно отыскивал подходящую точку, чтобы всадить в нее пулю или чем он там стреляет...

— В чем дело? — как мог осторожнее спросил Ротанов. — Может, вы сначала объясните?

— Жаль, шума поднимать нельзя, а то бы я тебе объяснил...

Ротанов не шевелился.

— Может, все же поговорим? — предложил он, не сводя глаз с пистолета.

Казалось, это предложение развеселило его противника, во всяком случае, тот презрительно улыбнулся.

— О чем можно говорить с синглитом? Лицом к стене!

Ротанов не двинулся. Он совсем не собирался терять из виду ствол пистолета.

— Я не синглит.

— Ты повернешься к стене или нет? — Пистолет перестал рыскать из стороны в сторону и замер, словно нашел наконец точку, которую искал так долго.

— К стене я не повернусь. Можете стрелять так.

Его противник снова усмехнулся, на этот раз скорее удивленно.

— Первый раз встречаю синглита, который так много говорит. Ладно, черт с тобой,

можешь не поворачиваться. Иди вперед. Дистанция пять шагов. И запомни: остановишься — выстрелю.

Это уже было кое-что. Не следовало перегибать палку. Ротанов медленно пошел к выходу, надеясь, что в конце прохода, пропуская его вперед, противник допустит ошибку, сократит между ними расстояние. Но тот, видимо, прикончил на своем веку не один десяток этих таинственных синглитов и хорошо знал им цену. Он отступил в самый конец прохода, пропустил Ротанова и теперь был у него за спиной. Нельзя позволять вывести себя из склада, потому что здесь у него сохранялось некоторое преимущество. Он запомнил, что в центральном проходе, недалеко от двери с левой стороны, стоял целый штабель тяжелых ящиков. Ящики эти еле держались. Ротанов пошел по левой стороне и, как только они миновали штабель, изо всех сил ударил ногой по нижнему ящику.

Весь штабель с грохотом рухнул, многие ящики раскололись, и десятки непонятных предметов раскатились по всему полу. Его противник успел увернуться и не выстрелил... Ротанов опасался, что от неожиданности тот нажмет собачку и поднимет тревогу. Но этого не случилось.

Сейчас их разделяла гора рухнувших ящиков, и можно было спокойно уйти. Склад тянулся метров на семьсот, и найти здесь затаившегося человека практически невозможно. Но Ротанов все медлил, стараясь понять, почему не было выстрела... «Он говорил о каких-то синглитах, что это — секта, партия? Люди, захватившие власть? Судя по всему, сам его противник не принадлежал к этой группе, и уже только поэтому нельзя его упустить... Возможно, с его помощью удастся встретиться с теми, кто противостоит Бэргу. Придется рисковать, он ведь тоже может уйти, затаиться...»

— Я сейчас выйду! — громко сказал Ротанов. — Подожди со стрельбой.

Никакого ответа. Но, в конце концов, не выстрелил же он, когда рухнули ящики... Ротанов вышел на середину прохода и остановился.

Теперь он был отличной мишенью, а главное — не видел своего противника.

Несколько секунд стояла напряженная тишина, потом в углу за ящиками шевельнулась неясная тень. Наконец в проходе показался его противник, впервые с опущенным пистолетом.

— Ну? Чего тебе?

— Нуждаюсь в собеседнике... — проворчал Ротанов. — Да спрячь ты свою игрушку. Есть серьезный разговор.

Он сделал пару шагов навстречу Ротанову, но пистолет все же не убрал.

— Здорово вас здесь напугали.

— Кто ты такой?

— Что, непохож на синглита?

— Синглит давно вызвал бы охрану. Так кто же ты?

— Про корабль что-нибудь слышал?

Противник тихо свистнул, спрятал пистолет, но ближе не подошел.

— А чем ты докажешь, что ты с корабля?

— Я об этом не думал, не собирался доказывать. У меня есть документы.

— Документы можно подделать... Ну хорошо. Меня специально послали, чтобы разузнать про корабль. Двое наших видели посадку, но им не очень-то поверили, думали, какие-то штучки синглитов. Им ничего не стоит сделать корабль. Не настоящий, а так... Ладно, придется мне тебя забрать на базу. Там у нас хорошие специалисты. Разберутся, и если ты синглит...

— Да не синглит я, не синглит! Я пилот с этого корабля. И давай выбираться отсюда. Мы тут нашумели, а меня наверняка ищут. Слышал утром стрельбу?

— Так это из-за тебя?

— Сначала они меня вроде бы отпустили, а потом почему-то передумали. Здесь не очень надежное место.

Словно подтверждая его слова, у наружной двери послышался шум. Шаги, скрип

засова.

— Ну вот, дождались...

Видимо, его противник наконец принял решение. Он махнул рукой, приглашая Ротанова за собой, и нырнул в боковой проход.

В противоположном от входа конце склада оказался замаскированный хламом лаз. Из него широкая сточная труба вела в соседний двор... В этом городе у его недавнего противника были свои собственные, известные только ему дороги.

Открылась крышка канализационного люка, скрытая под слоем дерна, и они очутились в узком подземелье. К удивлению Ротанова, здесь не ощущалось никаких неприятных запахов и было относительно сухо. Очевидно, канализация давно не работала.

Долгий путь по туннелям, задним дворам и закоулкам вывел их в конце концов в маленький тихий дворик. Здесь они впервые остановились и перевели дух. Они стояли вплотную друг к другу, втиснувшись в узкую щель между стеной здания и забором. Почему-то Ротанову вспомнилась кабина подземки. Там пахло пылью, плесенью, чем угодно, только не человеческим потом, он вспомнил об этом, и, может быть, поэтому несвежий запах от рваного комбинезона его спутника показался ему приятней любых духов.

— Как тебя зовут?

— Вообще-то Филом. Но наши окрестили Филином. Так и ты можешь звать.

В щель забора, за которым они притаились, хорошо просматривалась довольно оживленная городская улица. Транспорта не было совсем, наверно, его полностью вытеснила в городе подземка, зато пешеходы шли довольно часто.

— Чтобы выбраться из города, нам придется пересечь здесь улицу. Другого пути нет. А это очень опасно, потому что, если ты сказал правду, по всему городу объявлена тревога и здесь нас ждут.

Филин достал пистолет, пересчитал заряды и снова сунул его в карман. Ротанов хмуро слушал его и все никак не мог оторвать взгляд от огромного, в полнеба красноватого чужого солнца, висевшего над крышами человеческих жилищ.

— И давно вы так ходите по городу?

— Как? — не понял Филин.

— Да вот так, с оружием.

— Все вас ждали... Когда вы там про нас вспомните, на своей Земле... Лет пятьдесят и ходим. Не больно вы спешили... Мне доктор говорил, что рано или поздно вы прилетите, только я не шибко верил...

Ротанов почувствовал скрытый упрек в его словах, но промолчал. Не пришло еще время для объяснений... Он по-прежнему не знал, чьи интересы отстаивал этот человек, против кого и почему взял в руки оружие...

С того места, где они стояли, хорошо просматривалась улица в обе стороны, и ничего подозрительного на ней не было, вот только Ротанов вообще не знал, что здесь считается подозрительным, и потому полностью положился на Филина. А тот все не спешил выходить и продолжал разглядывать одиноких прохожих. Ротанов отметил, что люди шли быстро, не обращая внимания друг на друга, и как-то слишком уж отчужденно. Обычно в таких изолированных маленьких городках толпа разбивается на небольшие, объединенные общим разговором группы. Здесь этого не было. Филин тронул его за рукав.

— Как только выйдем на улицу, ни в коем случае не спеши. Иди быстро, как все здесь ходят, но не спеши. Ни к кому не подходи, ни на кого не обращай внимания, но самое главное — не спеши и не смотри по сторонам, иначе тебя сразу заметят. Ко мне не подходи ближе трех шагов, что бы ни случилось, даже если начнется стрельба. Ну, пошли! Да, и запомни на всякий случай, мало ли что, если выйдешь из города один, к нашим нужно идти все время на север, километров сорок. Выйдешь на посты, скажешь, тебя Филин прислал. Ну, давай.

— Подожди, минута дело не решит, а там мало ли что... Скажи мне сначала, что там было, в контейнере на складе?

Из всех вопросов, вертевшихся на языке, Ротанов выбрал этот и теперь с напряжением ждал ответа. Но Филин только покачал головой и посмотрел на него неприязненно.

— Этого я тебе не скажу. И у наших ты об этом лучше не спрашивай. Раньше нужно было прилетать, вот что. Пошли! Некогда нам разговаривать! — Он сунул пистолет за пазуху и сразу преобразился. Во всем его облике появилась деловая сосредоточенность. Плечи он откинул назад, и в походке появилась та целеустремленность, которая была свойственна большинству прохожих. Стоило ему шагнуть на улицу, и он сразу же затерялся, слился с толпой.

Выждав немного, Ротанов пошел за ним следом, стараясь в меру сил подражать Филину. Но у него получалось плохо, не было многолетней практики, и вообще он не понимал, почему нельзя проскочить улицу с ходу. Филин зачем-то дошел до перекрестка, потоптался на месте и, неожиданно юркнув между прохожими, сразу оказался на той стороне. Боясь потерять его в толпе, Ротанов прибавил шагу, но перед перекрестком ему на плечо легла чья-то тяжелая рука.

— Стой!

Не оборачиваясь, Ротанов пригнулся и резко рванулся в сторону. Почти сразу Филин выстрелил в кого-то с противоположной стороны улицы, кто-то за спиной Ротанова упал. Сбившаяся на перекрестке толпа бросилась врассыпную. Когда она рассеялась, Филина нигде не было видно. Понимая, что нельзя терять ни секунды, Ротанов шагнул в ближайший подъезд, не раздумывая, поднялся по лестнице примерно до середины и рванул первую попавшуюся дверь. Он был почти уверен, что никто не заметил в сутолоке, как он вошел в подъезд. Занявшись Филином, на какое-то время они потеряли его из виду. Филин выстрелил специально, чтобы отвлечь внимание на себя...

Дверь подалась без всякого сопротивления, от неожиданности он с силой захлопнул ее за собой. Несколько секунд стоял в полумраке, тяжело дыша и с горечью думая о том, что, пока он не разберется во всем, что здесь произошло, он будет обузой, слепым котенком, и кому-то, чтобы выволить его из беды, придется подставлять себя под удар... Он дал себе слово, что это не продлится слишком долго, и первым делом он разыщет. Филина... Наконец глаза немного привыкли к полумраку коридора. Он увидел, что потолок кое-где обвалился. Там зияли темные дыры, а обои выглядели так, словно кто-то драл их когтями.

Квартира казалась нежилой, но почти сразу из комнаты женский голос спросил: «Кто здесь?» Ротанов молчал, и женщина вышла в коридор. Она словно только что сошла с картинки модного журнала прошлого века. Какая-то немыслимая пушистая шаль, платье из блестящего материала в обтяжку — все это выглядело так нелепо на фоне грязных обоев, что Ротанов буквально ошеломился. Она смерила его спокойным, чуть высокомерным взглядом:

— Что вам здесь нужно? Кто вы?

— Ротанов.

— Ах вот как, Ро-та-нов. — Она произнесла его фамилию с легким акцентом врасстяжку. — И что же дальше?

Он пожал плечами.

— Вы слышали шум на улице?

— Это из-за вас?

Он кивнул.

— Хорошо, проходите. — Она не испугалась и даже, кажется, не удивилась. Только плотнее закуталась в свою шаль и пошла вперед, показывая ему дорогу.

Они вошли в гостиную, если можно было назвать гостиной комнату, где не было даже стульев. Валялись какие-то обломки мебели, книжные полки без книг, рама от картины. Ротанов молча смотрел то на женщину, то на эту кучу хлама.

— Вы здесь живете?

— Конечно. Ах, это... — Она перехватила его взгляд. — Это осталось от людей.

— То есть как это осталось от... Вы хотите сказать, что вы сами не...

— Он почувствовал себя так, словно кто-то схватил его за горло и не давал дышать.

Еще в кабинете у Бэрга он почти догадался... Даже раньше, в транспортной кабине. Но мозг отказался верить очевидным фактам. А потом этот мальчишка с пистолетом совершенно сбил его с толку... Она смотрела на него совершенно равнодушно и не сделала попытки помочь.

— Надеюсь, вы догадываетесь, что я...

— Что вы человек? Конечно. Это любопытно. Я уже давно не встречала здесь людей.

— Послушайте! — сказал Ротанов, опускаясь на то, что когда-то было диваном. У него голова шла кругом, он был слишком потрясен, чтобы сказать что-нибудь вразумительное. Но она ждала, и было похоже, что она вообще способна простоять, не делая ни малейшего движения, целую вечность.

— Послушайте... Даже на Земле никто не мог бы предположить, что это возможно... Создание таких совершенных моделей невысказано! Таких роботов не существует!

— А кто вам сказал, что я робот?

— Так кто же вы?!

— Просто нечеловек.

— Ах, ну да... конечно... просто... просто нечеловек... — Ротанов почувствовал, как внутри его что-то взорвалось. Он вскочил и несколько мгновений не мог протолкнуть в себя ни глотка воздуха. Наверно, все вместе подействовало на него так, что на какое-то время: он перестал отдавать отчет своим действиям.

Нечеловек здесь, в человеческом жилище! В человеческом облике, в человеческом платье!.. Она перестала кутаться в шаль, и Ротанов вдруг заметил царапину на ее шее. Царапина была довольно глубокой и свежей, но вместо засохшей крови под кожей обозначилось что-то белое, и это «что-то» не было похоже на человеческую плоть. Ротанов отвернулся, чтобы скрыть от нее невольную гримасу.

— Вы хорошо держитесь. Другие обычно выпрыгивали из окна или сразу начинали стрелять.

— Их можно понять... — пробормотал Ротанов, он уже почти взял себя в руки. — Ладно. Может, вы объясните, откуда у вас... почему вы так похожи на человека?

— Вы хотели спросить, откуда у меня это тело? Ведь так?

— Ну, допустим.

— Этого я, к сожалению, не знаю. Однажды утром я проснулась в лесу такой, какая есть. Все было немного непонятно, но, в общем, мне было все равно. Что-то я смутно помнила — лицо старой женщины, например. Не знаю, почему именно это лицо я так долго не могла забыть. Какой-то дом... Только это все было так... Ну, неважно, что ли... К людям меня не тянуло. Когда здесь, в городе, поселились наши, я тоже перешла сюда. Вначале здесь было очень беспокойно, часто приходили люди. Они всегда очень громко кричат и всегда начинают стрелять... И знаете, почему я догадалась, что вы хотите спросить меня об этом теле?

— Нет, — хрипло ответил Ротанов.

— Потому что временами мне кажется, что оно не мое. Словно надеваешь чужое платье, только это сложнее... Мне давно хотелось спросить об этом, узнать почему. Но наши никогда не говорят. Это считается неприличным. А потом мне стало безразлично. — Она устало вздохнула.

— А эта комната... Как вы тут живете?

— О, мне совершенно все равно, где быть. Здесь или в лесу. Холода я не чувствую. В вещах не нуждаюсь. Иногда меня тянет в лес. Мне нравятся его прохлада и запахи. Но в лесу мне тяжело, все мешает, давит и снова хочется в город... Не знаю, почему я говорю вам все это...

Ротанов почувствовал вдруг огромную усталость, словно все эти двое суток лез в гору и на ее вершине обнаружил, что все напрасно, дальнейшего пути не было. Может быть, и Филин тоже? Удачная подделка, не больше... Он надеялся найти здесь людей, а не чужой враждебный разум. Весь расчет строился именно на этом, и, если людей не осталось, все

сразу теряло смысл.

— Чего же вы медлите? — устало спросил Ротанов. — Вы ведь, наверно, должны сообщить о моем приходе? Куда там у вас положено сообщать?

— Это их дело искать вас. Меня это не касается.

— В таком случае дайте хотя бы напиток.

— Воды?.. Я не знаю... Сейчас посмотрю, но, кажется, водопровод давно не работает...

— Как же вы сами обходитесь?

— Мне не нужна вода.

Она вышла из комнаты. Он услышал, как заскрипел кран, потом она пошла к двери и вышла на лестницу. У него не было ни малейшего желания выяснять, куда именно она отправилась. Пусть делают, что хотят. Он сбросил с просевшего дивана обрывки старых бумаг, мусор от обвалившейся штукатурки и растянулся, чувствуя, как усталость постепенно овладевает всем телом, каждой его клеточкой. Сейчас бы выпить чего-нибудь холодного и заснуть. Может быть, на свежую голову он сумеет разобраться в сумасшедшей ситуации, в которой оказался, но не сейчас.

Она вернулась минут через пятнадцать с большой глиняной кружкой, в ней плескалась темная жидкость.

— Я вспомнила, что в подвале остались какие-то бочки. Вот это, по-моему, годится, я видела, как люди это пили.

Он не стал раздумывать. Жидкость по вкусу слегка напоминала пиво, но пахла хвоей. Кружка была огромной, литра на полтора. От жидкости по всему телу разливалась теплота, хотя сама жидкость казалась холодной, даже запотела кружка. Он выпил ее всю до дна и снова развалился на диване.

— Садитесь куда-нибудь. Что вы маячите, как столб перед глазами?

— Я хорошо знаю ваш язык, но многие понятия не имеют для меня смысла. Например, я не знаю, что такое «сидеть», то есть я знаю, что это такая поза, но для чего ее принимают, не знаю. И не знаю, что означает слово «столб».

— Оставим в покое столб. И если я сейчас засну, то постарайтесь меня не будить.

— Хорошо. Я постараюсь, — послушно сказала она и неподвижно застыла в совершенно немыслимой для человека позе. Им овладело некое блаженное безразличие ко всему, глаза закрылись сами собой.

Проснулся он полностью отдохнувшим, с четкой, ясно работавшей головой. Проснулся без всякого перехода и сразу же вспомнил все, что с ним произошло. В комнате ничего не изменилось. Полоса света от окна почти не сместилась. «Сколько же я спал?» — попытался сообразить Ротанов, но сои был глубоким и полным, у него не осталось ни малейшего представления о времени, хотя обычно, просыпаясь, он всегда точно знал, который час. Женщины в комнате не было. Он позволил себе еще минуту поваляться, чувствуя непривычную легкость во всем теле. «Хороший был напиток», — почти весело подумал Ротанов и рывком поднялся.

Он прошел на кухню и здесь увидел женщину. Она стояла единой к окну, широко и как-то неловко расставив ноги. Было в ней все же что-то от механического манекена и еще что-то такое, что невольно вызывало жалость. Он должен был бы чувствовать брезгливость, ужас, но ничего этого не было. Только легкая жалость. И еще ему очень хотелось узнать, откуда она взялась, почему она и все те, другие, так похожи на людей. Он подумал, что сейчас самое время заняться выяснением этой загадки.

— Вы что же, никогда не устаете? Почему вы даже не присядете?

— Так вот почему так часто люди садятся... Нет. Усталости я не чувствую.

— И никогда не спите?

— Не знаю, сон ли это. Когда наступит ночной сезон, меня не станет.

— Вы хотите сказать, что ночью...

— Нет, не той ночью, которая сменяется днем, а тогда, когда ночь длится несколько месяцев по вашему времени, когда наступает холод. Вот тогда...

— Ах да, я совсем забыл, что у вас тут даже на экваторе бывают полярные ночи...

Только теперь он рассмотрел ее как следует. Черные, как воронье крыло, с синевой волосы обрамляли бледное худое лицо с удивительно правильными чертами. Если бы можно было забыть, что она собой представляла, он бы нашел ее красивой. Красивой той безликой стандартной красотой, которая так мало места оставляет для индивидуальности. Он затруднялся определить, сколько ей лет. Кожа была неестественно бледной, и, пожалуй, чересчур гладкой. Ни одной морщинки.

Кухня выглядела подстать всей квартире. Ржавые водопроводные трубы кто-то завязал узлом, над покореженной электрической плитой висел небольшой куб морозильника. И хотя разорванная проводка, зачем-то выдернутая из стены, валялась рядом с плитой, к морозильнику она не имела отношения. Эта марка должна была действовать от автономного питания. Такими аппаратами до сих пор пользовались в некоторых колониях. Он открыл крышку, и морозное облачко пара коснулось плеча женщины. Она дернулась, как от боли, и отодвинулась.

— Зачем вы?..

— Я хочу есть. А здесь, кажется, что-то сохранилось. — Он испытывал зверский аппетит с той самой минуты, как проснулся. В холодильнике лежали куски покрытого инеем неестественно розового мяса и еще банки. Именно на них он и рассчитывал. Этикеток не было. Он взял первую попавшуюся. Там оказалось гороховое пюре со свининой. Он ел его холодным, как едят мороженое. Сейчас ему было не до гастрономических тонкостей. Пережевывая эту ледяную массу, от которой ломило зубы, он продолжал искоса наблюдать за ней.

— Весь этот город, его построили люди, ведь так? — Он спросил это как можно небрежнее, чтобы она не догадалась, какое значение имел для него следующий, уже подготовленный вопрос.

— Конечно. Они все здесь бросили, потом несколько раз приходили, но это было очень давно.

— И с тех пор... Я хочу сказать, в последний раз, когда вы видели человека?

Ему не удалось полностью скрыть волнение.

— Насколько я знаю, людей здесь больше нет. Они все ушли в лес. Потом много лет были стычки между ними и нашими. Если кто-то еще и остался, то только там, в лесу.

Если предположить, что Филин сказал правду, у него оставался шанс найти людей. Но искать их надо не в городе... Он старательно припомнил всю свою встречу с Филином; конечно, все это можно было подстроить специально: и стрельбу на улице, и все остальное. Он не очень-то верил, что они его отпустили без каких-то особых планов, что-то им было от него надо, и тогда этот Филин мог быть подставной фигурой, пешкой в той игре, которую с ним вели. Но он бы наверняка заметил хоть что-то, какую-то деталь, мелочь вроде того жучка... Но ничего не вспоминалось. Жаль, что тогда он был не слишком внимательным. Не было для этого особых причин, да и сама обстановка, темный склад, бегство по улицам, потом стрельба... Все-таки он мог ошибиться, и если Филин один из них... Когда они стояли в подворотне, что-то такое было... Запах... Запах человеческого пота. Вряд ли они и его догадались подделать.

Возможно, у него есть надежда. Нужно найти место, о котором говорил Филин. Наверно, там сохранился последний укрепленный плацдарм, место, где люди сражаются до последнего с этой враждебной планетой...

— Скажи, почему вы воевали с людьми? Чем они вам мешали?

— Мы? Мы никогда не воевали с ними. Только оборонялись, потому что люди хотели нас уничтожить.

— Вас уничтожить?! Как они могли этого хотеть, когда их была здесь горстка, а вас...

— Нас было еще меньше... Это сейчас нас стало больше, а вначале, когда началась война... Нет, я не знаю, почему она началась, но начали ее люди. Люди, наверно, очень злые.

Он смотрел на нее, не пытаясь скрыть изумления. Меньше всего он ожидал услышать

что-нибудь подобное. По ее неподвижному лицу невозможно было понять, что она чувствует. Даже глаза ничего не говорили, они оставались холодными и пустыми, словно там застыли два кусочка льда.

— Но в таком случае, если все, что ты говоришь, правда, ты должна была бы ненавидеть людей и меня в том числе. Ведь так?

— Почему? Все это не имеет никакого значения. Наверно, нашим было интересно победить, но на самом деле это совсем неважно. Мы не чувствуем боли. Ненависть, горе, страх — все это чуждо для нас. Мы же не люди, я тебе уже говорила. Только внешне... Поэтому нам было все равно. Дневной сезон слишком короток, за ним приходит ночной, и нас всех не станет. Поэтому, мне кажется, война забавляет наших. Я не уверена, что нашла именно то слово, чтобы ты мог понять. Во всяком случае, им интересно. Но ненавидеть? Почему? За что я должна ненавидеть? Раз это всего лишь игра...

— Но люди?! Для них это не было игрой! Наверно, они по-настоящему умирали и обливались кровью, которой у тебя нет! — Он почти кричал.

— Это их дело. Они сами начали войну.

Он замолчал. Чувствовал, что все время натывается на какую-то стену, тупик, за которым всякое понимание обрывалось и начиналось нечто совершенно чуждое ему, какая-то черная яма. Он даже не заметил, когда они перешли на «ты». Было совершенно бессмысленно возмущаться и что-то доказывать. Человеческая этика не имела ни малейшего значения в ее мире. Она и слова-то для этого подбирала с трудом, чтобы попонятнее ему объяснить. До конца он не сможет в этом разобраться, наверно, никогда, но кое-что поймет, когда узнает, с чего все началось и откуда появились на планете эти человекоподобные существа, так непохожие на людей.

— Тебе, наверно, пора?..

— Куда пора?

— Ты же хотел выбраться из города?

Ротанов готов был поклясться, что он ей этого не говорил.

— Сейчас самое время — видишь, солнце почти зашло. Все наши уже на местах, но энергию в подземке еще не выключили, и если хочешь, я покажу тебе дорогу.

— Это тоже игра?

— Я не понимаю.

— Ну то, что ты решила помочь мне?

— Ты не такой, как остальные люди. Ходишь без пистолета и умеешь не показывать своих чувств. Мне это нравится, но все равно ты, наверно, прав. Игра — самое точное слово. Все, что происходит вокруг, все это игра. Меняются только правила, иногда сами игроки, часто игру ведут законы природы, суть от этого не меняется. Так ты идешь?

Она провела его по лестнице на задний двор. Кабина подземки оказалась в соседнем доме. Она набрала под схемой линий комбинацию из нескольких цифр. Он ни о чем не спрашивал, решив полностью положиться на нее. Ему хотелось узнать, какое она выберет направление. Он хорошо понимал, что от этого будет зависеть и то, как ему следует относиться ко всему, что она говорила.

Когда она молчала, ее можно было принять за статую. Не шевелился ни один мускул, даже грудь не приподнималась, словно не дышала. Почему-то он не решался спросить об этом. В кабине опять пахло старым деревом, машинным маслом, пахло чем угодно, только одного запаха он совершенно не ощущал, как и в тот первый раз — запаха человеческого пота... Духов она тоже, конечно, не употребляла, ей они просто ни к чему. Он чувствовал, что скоро кабина остановится, и начнется, по ее определению, «совсем другая игра». Возможно, он ее больше не увидит. Странно, он не испытывал от этой мысли ни малейшего облегчения, словно ее общество не было ему в тягость, хотя он прекрасно понимал, что это противоестественно, и понимал тех, кто сразу хватался за пистолет, встретившись с таким вот подобием человека. Чем больше человеческого в чужом, тем это страшнее. Уж лучше гигантские жабы с Арктура... Но если иметь в виду только разум, логику, тогда конечно... И

еще, пожалуй, едва заметную, хорошо замаскированную печаль... Несмотря на все ее рассуждения о полном отсутствии всяких чувств, на старательно подчеркнутое равнодушие, а может быть, как раз поэтому...

— Как тебя зовут?

— У меня нет имени.

— Как это?

— Когда ко мне обращается кто-нибудь из наших, я а так знаю, что он имеет в виду именно меня. А с людьми мне не приходилось общаться. Но ты можешь назвать меня как угодно, сам придумай имя, если оно тебе необходимо.

— Это, пожалуй, лишнее. Мы ведь не увидимся больше? — полуутвердительно спросил он.

— Не знаю. Все зависит от того, как сложится игра, которую вы, люди, называете жизнью. Ну вот, мы уже приехали.

Двери кабины распахнулись, и он увидел рыжеватую пыль. Зеленые подушки леса километрах в трех и широкое пустое пространство вокруг. Определенно они были не в городе. Он сделал шаг к выходу и, видя, что она не двигается, тоже остановился.

— Ты возвращаешься?

— Конечно. Здесь мне нечего делать.

— Если понадобится... Я хотел бы знать, как мне найти тебя?

— Это невозможно. Я сама не знаю, где буду находиться завтра. — Она повернулась и нажала кнопку. В последний раз мелькнуло перед ним ее лицо, полузакрытое рассыпавшейся волной волос, потом двери кабины захлопнулись, и он услышал глухой шум включившихся механизмов. Он даже не успел попрощаться и только сейчас, когда она уехала, ничего больше не сказав, понял, насколько это важно.

Он осмотрелся. Фиолетовое солнце наполовину опустилось за горизонт.

«Слишком долгий день, — подумал Ротанов. — Всего один день, но, пожалуй, слишком долгий...»

5

Далеко на юге горные вершины разорвали зеленую шкуру леса и тянулись вверх словно клыки огромного зверя.

Между лесом и предгорьями пролегла полоса ничейной земли, и, хотя настоящего фронта не было и никто не объявлял войны, полоса была здесь. В редких зарослях усаженных перекрученных растений расположились передовые посты колонии. Если смотреть вниз со склона, оттуда, где начинались первые пещеры, пикетов не было видно. Многолетняя, повседневная опасность приучила людей к осторожности.

У выхода одной из пещер стоял высокий седой старик. Ветер развеивал его длинные спутанные волосы, играл бородой и лапами короткой кожаной куртки. Старик думал о том, как много бесполезных для жизни вещей узнали люди за те годы, пока он медленно старился. Он вспомнил своих родителей, давно уже умерших. Они пересекли бездну, отделявшую звезды друг от друга, чтобы найти здесь новый дом. «И что же? Мы столкнулись здесь с неведомым...

Где-то в глубине души мы считали, что мир создан специально для нас, для нашего удобства, даже далекие звезды... Но это не так, и мы не сразу поняли это. Сожгли за собой все мосты. Когда случилось несчастье, обратного пути уже не было, и нам пришлось принять навязанную битву».

Этот мир со всеми его горестями и ужасами, несмотря ни на что, стал его домом. Ведь он здесь родился и жалел сейчас о том, что с каждым годом пятак земли, принадлежавший людям, уменьшался все больше, словно смыкался круг...

Когда он был молод, границы колонии проходили далеко на севере, за лесом, но сейчас дела идут все хуже, и он не знает, где выход. Раньше здесь ничто не обходилось без его

участия, но сейчас, хотя звание председателя совета осталось пока за ним, со всеми вопросами обращались к другому человеку. Он старался не думать об инженере плохо, потому что боялся оказаться несправедливым, и все же невольно укорял его за ненужные схватки, приводившие порой к новым потерям. Если прислушаться, то снизу, из второго яруса, доносится неумолкающий рокот станков, производящих оружие... Оружие — вот и все, что им осталось. Земля о них забыла... Несколько раз, в самом начале, пока еще не были потеряны город, энергостанции и корабельная рация, они пытались послать сигнал... Ответа не было. Инженер говорит, что на Земле хватает своих забот, что они должны рассчитывать только на себя. Но инженер слишком молод, откуда ему знать, какими были те, кто когда-то отправил их сюда завоевывать новые звезды...

Он глянул на часы. Скоро шесть. Совет назначен на семь. Каждый раз перед заседанием с тревогой сжималось сердце, потому что не знал, какой новый неприятный сюрприз ждет его на этот раз. Инженер не пропускал ни одного случая, чтобы укрепить свои позиции, добиться от совета новых уступок. Зачем ему нужна полная власть? Что он собирается о ней делать? Ускорить их поражение? У него не было фактов, только чутье старого, много повидавшего человека. «Этого, в сущности, мало, чтобы осуждать того, кто сменит тебя на посту...»

Он медленно брел по тропинке вверх к седловине совета. Нужно подняться метров пятьсот, и с каждым годом дорога давалась ему труднее, словно склон становился круче, а расстояние длиннее. Здесь, на большой высоте, растительность поредела, но дышалось так же легко, как внизу. Огромная и плотная атмосфера вдоволь насыщена кислородом. Он часто думал о планете как о хлебосольном доме с лесами, богатыми деревьями, с реками, полными пресноводных креветок, с воздухом, перенасыщенным кислородом... Словно дом этот ждал хозяев долгие годы и дождался... Приходите, живите с миром... Они пришли в этот дом, сели за стол, забыли только, что дом чужой... Забыли... и дорого заплатили за свою доверчивость.

Кольцо пещер кончилось. Тропинка шла теперь через редкую рощу карликовых кустов, сквозь которые тут и там виднелись беспорядочно разбросанные бревенчатые домики молодоженов. Люди постарше считали пустой тратой времени строить дом на один сезон, до прихода туманов. Да и молодежь все реже могла себе позволить такую роскошь.

Как только тропинка перевалила через выступ, перед глазами открылась знакомая картина. Широкая каменная чаша уступами сбегала вниз, и там, среди живописно выветренных глыб, около холодного родника стояли скамьи совета. Здесь все дышало суровой простотой первых лет походной жизни, когда победа казалась делом ближайших месяцев, а эпидемия и последовавшая за ней война всего лишь печальным недоразумением. Старик спустился вниз, к самому ручью. Он пришел сегодня, как всегда, раньше времени, чтобы посидеть одному. Но на скамье уже расположился доктор. Так коротко все звали руководителя научной группы, может быть, потому, что в его обязанности входил и уход за редкими ранеными и немногочисленными больными, число которых с каждым годом все сокращалось. С поля боя этой странной войны редко возвращались раненые.

Доктор был сухопар, желчен и неряшлив, в руках он вертел суковатую палку, которой рисовал на земле перекошенные рожи, но старик знал, что таким он был не всегда, в молодости это был общительный, подающий надежды ученый, но, когда из очередной схватки не вернулся его единственный сын, доктор стал вот таким. Не сразу, постепенно. Сначала он пытался потопить отчаяние в работе, в лихорадочных поисках кардинального решения многочисленных проблем. Но постоянные неудачи добавили еще одну ношу, и постепенно он сдал. А может, так только казалось? Вообще-то доктор странный человек. Иногда он думал, что в нем скрыта натянутая пружина, которая ждет своего часа, чтобы выбросить на волю скрытую силу.

Председатель подошел и сел рядом с доктором. Они не обменялись приветствием, не сказали друг другу ни слова. За долгие годы совместной работы и борьбы молчание говорило им иногда больше слов. Доктор продолжал ковырять своей палкой жесткую, словно

сделанную из стальной проволоки щетку короткой травы, а председатель смотрел, как со склонов гор рушится вниз голубой водопад плотного густого воздуха.

Подшли еще трое членов совета. Заведующие секторами производства, заготовок и охраны. Не было только Филина и инженера. Но Филин редко приходил на заседания. Охотники вели кочевой образ жизни и в промежутках между вылазками скрывались в лесах и болотах, окружавших город. Инженер задержался. Так он делал довольно часто, наверно, для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, какое огромное бремя дел и ответственности ему приходится нести.

Опоздание стало как бы психологической подготовкой, и председатель пожалел, что на заседании не будет Филина. Мнение Филина значило немало. Производственный сектор подчинялся инженеру, недавно инженер добился, чтобы ему передали фактическое управление охраной. Остается доктор и заведующий заготовками, подчиненный Филину, но в его отсутствие и здесь распоряжался инженер... Три голоса против трех, если Боран, заведующий заготовками, сохранит нейтралитет... Все зависит от того, что инженеру потребуется на этот раз...

Наконец на тропинке появилась знакомая сухопарая фигура. В который раз председатель спросил себя, чем неприятен ему этот человек?

Среднего роста, подвижен и деловит, шрам на левой щеке, темные очки: в одной из схваток ему обожгло лицо, и теперь он их не снимает. Резкие складки около губ придавали лицу инженера неприятное выражение брезгливости. Но ведь не во внешности дело...

Заседание началось спокойно с обсуждения обычных текущих вопросов. Долго решали, как переправить очередную партию материалов, захваченную охотниками. Как всегда, очень плохо было с транспортом, не хватало людей... И это послужило для инженера трамплином, с которого он начал свой очередной выпад против научного отдела.

— Сколько у вас человек? — обратился он к доктору.

— Все столько же, как будто вы не знаете? Мы еще не научились создавать гомункулусов.

— Но может быть, вы добились успехов в какой-нибудь другой области? Я хочу знать, чем занимаются ваши люди и почему мы должны кормить бездельников в то время, как...

Спор разгорался, и, не слушая, председатель думал о своем: «Хотел бы я знать, чего он хочет на самом деле. Ведь не председательское же место само по себе? Он человек дела и прекрасно понимает, что колония не продержится долго, что-то тут не так... И каждый раз одно и то же. Он грозит остановкой завода. Как дамоклов меч висит над нами этот завод, и нечего возразить, потому что этот довод неопровержим. Если завод встанет, то колония погибнет, не завтра, не через год или два, а просто немедленно... Нам так и не удалось ни разу создать достаточный резерв боеприпасов и вооружения, но почему? Почему после каждой небольшой передышки все запасы бесследно исчезают?»

Вот и сейчас разговор вертелся вокруг последней стычки в ущелье. Еще минуту назад председатель не собирался ничего предпринимать, но совершенно случайно он знал точное количество израсходованных боеприпасов. «Поймать бы его на прямом обмане хоть раз! Но инженер слишком умен, он вовремя сманеврирует, найдет какое-нибудь объяснение...» Все дело в том, что никто не поверит в злой умысел. Он и сам в него не верит. Не может человек желать собственной гибели, а предательство невозможно, потому что синглитов не интересуют предатели, они, наверно, даже не понимают, что это такое. Но куда же все-таки делись боеприпасы?

— Скажите, Келер, были в эти два дня еще какие-нибудь стычки, где вы расходовали дополнительные припасы? Постарайтесь быть предельно точным. Это очень важно, — вдруг сказал председатель.

«Он и сам понимает, что важно... Ну давай же, давай, ловушка расставлена, рано или поздно это должно было случиться, кто же ты на самом деле, инженер Келер?»

— Расходы... Были, конечно, расходы, у меня все записано, точно я не помню.

— Нет уж, пожалуйста, точно. Где, сколько, когда. Все до последнего ящика.

— Хорошо. Я дам вам полный отчет. Но предупреждаю, я не стану терпеть на совете вместо дела... Я должен сходить за документами.

Инженер ушел, члены совета растерянно молчали. Вряд ли кто-нибудь знал, как развернутся дальнейшие события. Воспользовавшись паузой, доктор пересел к председателю. Никто не смотрел в их сторону, многие опустили головы. Все понимали, что через несколько минут произойдет окончание многолетнего поединка между председателем и инженером.

— Если он принесет документы, все пропало.

— Я знаю. Но он их не принесет. Или принесет фальшивые.

— Но это еще хуже, потому что он вернется с охраной.

— Слишком рискованно. Этого ему не простят. Но даже если так, нужно наконец все поставить на свои места. Это первый случай, когда я могу поймать его с поличным.

— Нас не поддержат. У него в руках жизненно важные центры, снабжение, охрана, производство...

— Я часто думаю, как это могло случиться?..

— Что именно?

— Как этому человеку, которого все недолюбливали, удалось сосредоточить в своих руках такую власть?

— Он энергичен, жесток, находчив. В сложных условиях, когда идет схватка, у людей нет выбора, они считают, что подчиняются необходимости...

Члены совета по одному, по два покидали свои места, не желая участвовать в том, что должно было произойти через несколько минут. Снизу донесся звук роллера. Было видно, как машина, раскачиваясь на поворотах, стремительно понеслась вниз.

— Инженер уехал!

— Я так и думал, что сейчас он не решится ничего предпринять. Почти все его люди на третьем посту.

— Завтра утром вернется.

— Да, и если Филин не найдется к тому времени, нам несдобровать.

Закончив работу, Анна торопливо шла к выходу по длинному подземному ходу. Сегодня их десятка дежурила в швейной мастерской. Однообразная работа утомила девушку, и она спешила поскорей выбраться на волю, чтобы не потерять драгоценные часы, оставшиеся до захода солнца.

Вместо ламп на низких подземных сводах были развешаны светящиеся плоды кустарников. Их желтоватый свет едва освещал пол, зато крупные грани кристаллов в стенах вспыхивали бесчисленными таинственными огнями. Плоды приносили снизу охотники, а ей еще ни разу не удалось побывать ниже охранного яруса. Только через две ступени, когда она сдаст экзамены, ее впервые возьмут в нижний дозор. В колонии не было различий между мужчинами и женщинами, все пользовались одинаковыми правами, и на всех лежали одинаковые обязанности. Но старшие старались уберечь неопытных юнцов от бесчисленных опасностей, которыми грозил Синий лес. Правила были строги, и никто не смел их нарушать. Еще два бесконечно долгих сезона туманов ей придется провести в наглухо замурованных подземельях, постигая сложную военную науку, прежде чем она хоть что-то узнает об огромном и ярком мире, широко раскинувшемся вокруг. А пока ее крохотный мирок ограничивался подземными переходами, площадкой возле пещеры да еще тропинкой к высокогорному озеру, в котором они ловили креветок. Скоро и этого не станет... До сезона туманов осталось не больше двух недель... Уже сейчас с наступлением темноты закрывались все входы. Мощные излучатели и силовая защита прикрывали людей как панцирь. Все длиннее становились ночи, все короче дни... Через две недели солнце в последний раз выглянет из-за горизонта, и здесь, в южном полушарии, наступит долгая шестимесячная ночь... Сезон туманов.

Узкая тропинка вывела девушку к озеру. Его длинная зеленая чаша лежала перед ней в

кольце рыжеватых скал. На их вершинах кое-где появились уже белые проплешины снега. Воздух становился все холоднее. До захода осталось часов пять, у нее было достаточно времени, чтобы наловить креветок и искупаться. Анна хорошо плавала и любила короткие купания в обжигающей ледяной воде.

Девушка отвязала пластмассовую плоскодонку и резко оттолкнулась. У правого берега под самыми скалами виднелось несколько лодок, но ей хотелось побыть одной. За долгие месяцы ночного заточения в тесных подземельях люди научились дорожить короткими часами одиночества. Лодка шла быстро и легко слушалась двухлопастного весла. Она направила ее к завалу в самом конце озера, туда, где начинался Белый каньон. Его назвали Белым не зря; перевалившая через перемычку вода становилась седой от пены на своем стремительном пути вниз. Шум потока заглушал здесь все другие звуки, и нужны были большое искусство и точный расчет, чтобы удержать легкую лодку на той невидимой грани, где сила устремлявшейся через перемычку воды окажется непреодолимой. На сильном течении брали наживку самые крупные креветки. Она швырнула снасть далеко в сторону, резким толчком весла развернула лодку кормой к перемычке и стала выгребать против потока. Течение отнесло снасть к самому порогу, и вскоре она почувствовала первый рывок добычи.

Больше всего креветка походила на толстую колбасу, составленную из находивших друг на друга сегментов. У нее не было ни ног, ни клешней. Только мощный хвост и большая зубастая пасть. Веса такая колбаска не меньше двух килограммов, и стоило немалого труда перетянуть ее через борт одной рукой, одновременно удерживая лодку на месте. Она еще дважды забросила снасть, и вскоре на дне лодки забились вторая креветка. На третьем забросе снасть зацепилась. Анна ослабила леску и попробовала рывком в сторону освободить крючок — ничего не вышло.

Еще несколько безрезультатных попыток, и пришлось достать нож, чтобы перерезать леску. В лицо ударил резкий порывистый ветер, погода портилась. Рыбалка явно не удалась. С досадой Анна перерубила леску. Несколько сильных взмахов, но лодка осталась почти на месте...

Вначале это ее не встревожило. Девушка ниже пригнулась, чаще заработала веслом. Но через пять минут продвинулась едва ли на метр. Для того чтобы вырваться из стремнины, нужно было пройти по крайней мере метров десять, и она поняла, что сил преодолеть эти десять метров у нее не хватит. В лодке был небольшой, но мощный электрический мотор. Она не любила им пользоваться, предпочитая весла. Но здесь, у перемычки, с течением шутить не стоило. Щелчок тумблера, нос лодки приподнялся, и суденышко рванулось вперед. Но лишь на секунду... Почти сразу гудение сменилось протяжным свистом, потом шипением, и наступила короткая страшная тишина. Лодку несло к завалу... Анна боролась отчаянно, но теперь это было бесполезно. Она потеряла слишком много времени, запуская мотор. Через несколько секунд яркая лодочка, мелькнув в последний раз на гребне перемычки, понеслась вниз вместе с ревущей водой. Почти сразу Анна поняла, что удержать лодку на поверхности не так уж трудно. Нужно лишь держаться подальше от берегов. Здесь не было ни подводных камней, ни перекатов, слишком велика была сила воды, несущейся по дну каньона.

Она не успела как следует испугаться, не осталось на это времени. Все внимание поглощало управление лодкой. Вспомнила, что некоторые охотники пользовались этим путем, когда очень спешили. Внизу русло потока постепенно распрямлялось. Вода замедляла свое движение, стены ущелья становились не такими крутыми. Если ей удастся удержаться на середине стремнины, не разбить лодку на первых, самых опасных метрах, все еще может обойтись... Она старалась не думать о том, что Белый каньон кончался далеко внизу, в самом центре Синего леса...

Оставшись один, Ротанов определился по солнцу. Возвращаться к кораблю было бессмысленно — там наверняка засада. Теперь у него оставалась только одна дорога, та,

которую указал Филин. Сорок километров, конечно, многовато, к тому же скоро наступит ночь, а он ничего не знает об этом лесе... Жаль, у него нет никакого оружия. С ним в чужом лесу чувствуешь себя уверенней. По данным автоматических разведчиков, обследовавших планету задолго до первых поселенцев, здесь не было крупных животных. Но Ротанов не привык полностью доверять отчетам, к тому же таким старым. Чужой лес всегда таит в себе немало опасных неожиданностей.

Вот и здесь с первых шагов начались неприятности, трава подлеска не желала сгибаться под его весом, предпочитала впиваться в подошву. Он представил, каково по такой травке пробежаться босиком. Подлесок почти весь состоял из знакомых «войлочных» кустов, словно связанных из стальной проволоки. Сами же деревья по своей конструкции напоминали земные пальмы. Короткий чешуйчатый ствол и огромные листья, уходящие далеко вверх. Он задрал голову и долго рассматривал эти листья, похожие на крылья летучих мышей, пронизанные фиолетовыми жилками, с полупрозрачной перепонкой. Солнечный свет, просочившись через них, приобретал неестественный фиолетовый оттенок, и, наверно, от этого все вокруг казалось немного ненастоящим, как декорация в театре. Ротанов пожалел, что он выступал не в роли зрителя, потому что хорошо знал, какие «актеры» время от времени появляются на такой сцене.

Проще всего было двигаться сквозь заросли вдоль реки, у берега они всегда реже. Отыскать реку нетрудно при таком обилии влаги. Нужно только определить общий рельеф местности, найти водораздел. Растительность ограничивала обзор. Тогда Ротанов выбрал дерево покрупнее. На чешуйчатый ствол взобраться нетрудно. Интересно, выдержат ли его листья?. Он накинул на толстый водянистый черешок пояс и повис на нем всей тяжестью. Лист даже не наклонился. Ну что же, можно попробовать... Хотя чужие деревья иногда выкидывают фокусы, но если соблюдать осторожность... Дерево казалось вполне миролюбивым. Он поставил ногу на толстую чешуйку ствола, как на ступеньку, и осторожно подтянулся, готовый прыгнуть в сторону. Ничего не случилось. Еще шаг вверх, и новая остановка — все шло благополучно. Минут через пять он добрался до нижнего яруса листьев и только тогда почувствовал запах. Пахло чем-то сладковатым, противным, но запах был несильным. С минуту Ротанов раздумывал, потом полез дальше. Оставалось совсем немного подняться, метра два, и он сможет осмотреться. Запах шеи какой-то вьедливый, приторный и все время едва заметно менялся. Ротанов не мог с точностью сказать, чем именно пахло, но пахло чем-то определенно знакомым. Может быть, падалью или порохом, а может быть, кровью... У него слегка закружилась голова. Кажется, пора спускаться, но он уже достиг цели, последнее движение — и в широкой развилке между листьями справа блеснула река, совсем близко. Он засек направление и, стараясь не дышать носом, начал спускаться. Проклятое дерево... Запах проникал сквозь стиснутые зубы, просачивался во все поры его тела. Он видел толстые, как нарывы, узлы на листьях, полные желтоватого сока. Запах шел именно от них. Теперь пахло железом. Ржавым железом. Краской. Металлом и порохом. Запахи шли волной друг за другом в строгом порядке, выстраивались в определенную картину. Словно дерево что-то хотело сказать... Чушь... Просто кружится голова, и нужно скорее вниз на землю, осталось совсем немного, метров шесть, но он уже видел: стальная громада тяжело присела на лапах гусениц, распылив свою широкую глотку в синее безоблачное небо. Густо смазанное, ухоженное металлическое чудовище, до отказа набитое кровью и смертью... Около него застыли маленькие человеческие фигурки, они неподвижны, как и вся картина.

Порыв ветра, и стальная громада заколыхалась, разлетелась клочьями... Он висел на одной руке, пальцы заостенели, голова гудела. Рванувшись, преодолел последние метры, спрыгнул и отбежал в сторону. Ноги плохо слушались, голова кружилась, и к горлу подступала тошнота. Несколько минут приходил в себя. Картина была слишком четкой, слишком реальной... Картина, нарисованная запахом? Дерево — художник? Или фотограф? Скорее всего последнее... Для того чтобы изобразить эту неуклюжую штуку, ее надо было увидеть. Старинная реактивная пушка... Вот, значит, что там такое рывкало, над городом...

Да у них здесь настоящие боевые действия, с применением тяжелой техники... Пстой, не могло же дерево видеть, у него нет глаз, или могло? Передача видеoinформации с помощью запахов? Для этого нужен сложный приемник, очень сложный... Такой, например, как человеческий мозг, только тогда это дерево имело смысл, и вряд ли оно возникло в результате простой эволюции... Эволюция никогда не создает ничего бесполезного. Все здесь было сложным, слишком сложным, стоило чуть-чуть глубже проникнуть сквозь то, что лежало на поверхности, с виду совсем простое...

Всего через сорок метров он наткнулся на ржавый искореженный остов реактивной пушки. Судя по толстому слою ржавчины, она стояла здесь не один год, и если бы не картина, увиденная с дерева, он не смог бы даже определить тип этого устройства. Кто-то с ожесточением искромсал ее металлическое тело, разбросал во все стороны листы обшивки, расплавил и согнул направляющие полозья. Но, разглядывая эти ржавые металлические останки, он все еще видел ухоженное металлическое жерло, направленное круто вверх... Похоже, эта планета обладала незаурядной памятью... Кто их поставил, эти деревья, зачем? Он еще раз обошел место давнего боя. Время и влага уничтожили все следы... Лет через десять и этот остов превратится в желтый порошок, его развеет ветер, а дерево будет помнить, хранить в своих пахучих недрах некогда полученную информацию... Для кого?

Он пошел дальше. Теперь до берега оставалось совсем немного.

Огромный золотистый жук жужжал слишком громко. И все время назойливо вертелся почти рядом. Анна пыталась отогнать его камнями, но он не обращал на ее усилия ни малейшего внимания, тупо кружась вокруг ведомой ему одному чересчур близкой от нее цели... Прошло не больше пяти минут, как она выбралась из потока. Ее унесло далеко. Слишком далеко... Она промокла до нитки, и теперь от пронизывающего холодного ветра ее всю колотил озноб. Она стояла у самого берега, рискуя снова свалиться в стремнину и не смея сделать лишнего шага, потому что вплотную к берегу громоздились гигантские, усаженные фиолетовыми листьями деревья... Синий лес... Даже самые опытные охотники не смели нарушать его покой в это время. Нет человеку отсюда возврата. Никто не возвращался из леса ночью, накануне сезона туманов... Значит, не вернется и она. До заката оставалось не больше двух часов...

Она оглянулась. Нос лодки плотно заклинило в расселине. Весло сломалось. Да и сама лодка треснула от последнего удара. Там должна быть сумка... Нужно разжечь костер, обсушиться и хоть немного согреться.

Пропитанные смолистым соком ветви занялись ровным коптящим пламенем. Охотники говорили, что особенно опасен в лесу огонь, но она совершенно заостенела от холода... Теперь жаркое пламя высушит ее одежду... Она чувствовала, как живительное тепло постепенно обволакивает ее, и продолжала подбрасывать сучья. В сумке, кроме сухих лепешек и зажигалки, лежали три ребристых стальных цилиндра. Тяжелые и вполне надежные с виду... Протонные гранаты, ее последняя защита. Она подумала, что держится в общем неплохо, почти спокойно готовится к неизбежному и сразу поняла, отчего это. Она просто не верила, что мир для нее может исчезнуть навсегда, не верила, что последний раз видит сегодня закат солнца. Лес притаился совсем рядом, молчаливый и равнодушный, даже жук улетел, отпугнутый дымом костра. Эти деревья стоят здесь, наверно, не меньше тысячи лет. Они появились задолго до того, как люди прилетели на планету, и будут стоять так же, когда нас не станет. Незванные гости, пришельцы — вот кто мы такие для этого леса. Он ждет своего часа, и теперь уже скоро... Скоро здесь не останется людей, и все вернется на изначальный круг. Почти сразу же ей вспомнились леса далекой Земли. Она видела их только в кино. «Конечно, это только красивая выдумка, про земные леса... Там можно развести костер и сидеть у него ночь напролет, никого не надо бояться...» Она сильнее стиснула в руках свою последнюю защиту — сумку с гранатами — и подбросила в огонь новые ветки. Пламя костра порождало иллюзию безопасности, дальше отодвигало круг постепенно сгущавшейся темноты.

Красноватое зарево, видимое за много километров на открытом берегу реки, встало над лесом как вызов. Может быть, лес удивился впервые за тысячу лет наивной дерзости человека? Или леса не способны удивляться ни на одной планете? Во всяком случае, что-то шевельнулось в его глубине, что-то вязкое и бесформенное, похожее на липкий клубок тумана дернулось и опало, запутавшись в цепких руках кустов, рванулось раз, другой и снова бессильно опустилось на колючую подушку травы, растеклось по ней, мелкими ручейками просочилось вниз до самой земли и медленно неотвратно поползло туда, где горел огонь.

Второй час Ротанов шел вдоль берега. Иногда заросли непроходимой стеной подступали к самой воде, и тогда ему приходилось делать далекие обходы, но в общем двигаться вдоль реки стало легче. Река постоянно петляла. Какое-то время она сохраняла общее направление на юг, потом резко свернула в сторону. Ротанов по-прежнему шел вдоль берега, надеясь, что река вновь изменит направление. Но этого не случилось, и он уже совсем было собрался покинуть реку, когда заметил на листьях дальних деревьев красноватые блики, похожие на отблески костра... Он прошел еще немного, осторожно раздвинул колючие кусты и увидел сидящую у огня девушку. «Почти идиллия. Такой мирный, земной пейзаж. Не меня ли она тут поджидает?» После встречи в городе он уже ничему не удивлялся. Если она ждет его, то прятаться тем более глупо... Ротанов медленно вышел на открытое место. Она сразу же вскочила и прижала к груди маленький черный шарик.

— Не подходите!

Он остановился. Смотрел на ее побелевшие пальцы, стиснувшие черный цилиндр.

— У вас тут так принято? Всех встречать оружием? Отпустите чеку! — почти зло крикнул Ротанов, и она послушалась. Может быть, на нее действовала усталость и злость в его голосе. Он даже не пытался выяснить, какого дьявола она тут делает одна у этого костра, посреди замершего перед закатом леса. Ему начинали надоедать все эти штучки, все эти девицы, похожие на роботов, с человеческой кожей, под которой не было плоти...

Он прошел прямо к костру, присел на корточки и протянул к огню озябшие руки. По крайней мере, огонь настоящий, без подделки. Краем глаза он заметил, что она попятилась при его приближении, и рука ее вновь напряглась, потянулась к цилиндру.

— Не делайте глупостей. Вас же не за тем сюда послали, чтобы устраивать взрывы.

Наконец он оторвал взгляд от огня и посмотрел ей прямо в лицо. Его просто обдало волной ужаса, который исходил от ее побелевших губ и расширенных застывших глаз. Те, кого он встречал в городе, не проявляли подобных эмоций, разве что Филин... Вдруг его взяло сомнение.

— До сих пор меня еще никто здесь не боялся...

— Ну чего вы ждете?! — вдруг крикнула она. — Только у вас ничего не выйдет! Это протонная граната, и я выдерну чеку прежде...

— У вас тут все посходили с ума. Давно. Сумасшедший дом, а не планета. Что у вас с ногой? — Его вопрос слегка сбил ее с толку, он именно этого и добивался. Прежде всего нужно было разрядить обстановку, от страха она и в самом деле в любую секунду могла сорвать чеку.

— Это... Это неважно, царапина, какое это имеет...

— Имеет. Кровь? Ну конечно... Мне надо было сразу догадаться, чего вы так боитесь. Вот смотрите.

Он встал и показал ей руку, которой только что раздвигал кусты. На коже отчетливо проступали следы свежих царапин. Ее глаза потемнели, безвольно опустились и разжались руки. Граната выпала и покатилась по песку.

— Но этого не может быть... Я всех знаю, всех наших, их не так уж много...

— Меня вы не знаете потому, что я прилетел совсем недавно.

— Прилетели?! Откуда?

Он услышал, что ее голос прерывается от волнения, от желания поверить в чудо. Сейчас только чудо и могло ее спасти.

И тогда, усмехнувшись, он просвистел мотив старой песенки о зеленой планете, которая была когда-то своеобразным гимном тех, кто улетел завоевывать новые звезды. Она резко отрицательно замотала головой, и он заметил, как у нее на глазах проступили слезы.

— Не надо! Этого не может быть! Не может!

— Ну вот наконец-то меня встретили как надо. Девушки всегда плачут, когда прилетает корабль с Земли, только они плачут от радости...

И вдруг она ему поверила, поверила потому, что, лишенные всего, забытые, загнанные, все еще не сложившие оружия, но почти потерявшие надежду, они мечтали об этом корабле, ждали его, искали вечерами маленькую огненную точку, прокладывающую среди звезд свой собственный маршрут... И сейчас наступила реакция. Анна почувствовала, как слезы хлынули из глаз неудержимым потоком.

— Ну, ну, полно... Расскажите лучше, как вы здесь очутились.

— Я сейчас, подождите... — Она всхлипнула еще раз два отвернувшись, вытерла лицо. И вдруг резко без всякого перехода спросила: — Постойте! А где ваш корабль, почему вы один?

— Корабль? Корабль далеко. Его захватили те, из города. Я прилетел один.

— А оружие, скафандр? Впрочем, скафандр не поможет... Вы же ничего не знаете! — В голосе ее звучала тревога, невольно передававшаяся Ротанову. Теперь она была по-деловому сосредоточена, готова встретить опасность лицом к лицу, как умели они все, дети этого жестокого мира.

— Потушите костер, скорее... Возьмите гранату, ту, на песке. Вы знаете, как с ней обращаться?

— Может, вы сначала объясните, в чем дело?

— Потом. В сумке есть карта, как я сразу не догадалась... Ведь третий пост совсем близко, километров десять. Туда еще можно добраться. Самое трудное — переправиться: нужен плот, потому что от моей лодки почти ничего не осталось.

— Объясните наконец, что вы задумали, зачем нам плот?

— Наша база далеко, там, в горах. — Она махнула рукой в сторону далеких вершин, уже скрытых синевой сумерек. — Меня унесло потоком. Но здесь поблизости есть временная база охотников, мы зовем ее третьим постом, да не стойте же! Ищите дерево для плота!

Древесина была легкой, как пробка, оказалось достаточно всего двух бревен. Прежде чем оттолкнуть плот, она внимательно осмотрелась.

— Приготовьте гранату, но кидайте, только если я скажу. Если что-нибудь случится, вот здесь в сумке карта и компас, азимут я отметила. Через десять километров вы увидите отдельно стоящую скалу, в ней пещера охотников. Будьте осторожны при подходе к пещере. Ночью они стреляют во все, что движется. Вы должны идти, слышите? Должны!

— Успокойтесь. Мы вместе пройдем.

Он почувствовал, как ее горячая шершавая ладонь сжала ему руку и тут же отпустила.

— Ну а теперь вперед. И молчите! Мне нужно слышать малейший шорох. Иногда их выдает шум...

Она резко оттолкнулась шестом, и течение сразу же подхватило плот. Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и заря почти сразу поблекла. Чуть слышно журчала вода под ногами. Ротанов молчал и думал о том, как много мужества нужно людям на этой планете, для того чтобы остаться людьми...

Плот словно растворился в сумерках. Берегов не было видно, река текла бесшумно и плавно, казалось, они никуда не движутся. Плот продирался сквозь плотную серую вату, в которую превратилось окружающее пространство. Но вот резкий толчок едва не сбросил их в воду, и сразу же Ротанов увидел противоположный берег в двух шагах от себя. Девушка прыгнула и ждала его, повернувшись лицом к реке. Сзади послышалось резкое шипение,

словно кто-то стравливал пар под высоким давлением. Ротанов резко повернулся, но ничего не увидел, кроме плывущего над рекой плотного тумана. Но, наверно, все-таки там что-то было, потому что Анна широко размахнулась и бросила в реку гранату. Ослепительный синий протуберанец взметнулся вверх, и стало светло как днем. Но и тогда Ротанов ничего не увидел. Он все еще стоял на плоту. В разные стороны летели разорванные взрывом клочья тумана, клубился пар, и это было все. Горячая волна воздуха толкнула его в грудь. Толчок был гораздо слабее, чем он ожидал после такого взрыва.

— Да прыгайте же наконец! — крикнула Анна, и он почти сразу очутился на берегу рядом с ней.

— По-моему, ничего не было. Зря израсходовали гранату.

— Скорее. Теперь они нас догонят.

Минут тридцать они молча с ожесточением продирались через колючие заросли. Ротанов чувствовал, что задыхается. Все его силы уходили только на то, чтобы не отстать от нее, а ведь он шел вторым... Он уже хотел попросить ее идти потише, наплевав на мужское, самолюбие, но, к счастью, заросли расступились, выпустив их на небольшую поляну.

Анна обернулась, и в эту секунду он перестал ее видеть, потому что глаза закрыла мутная завеса. Впечатление было такое, словно ему на голову опрокинули ведро с молоком. Он услышал, как вскрикнула девушка, рванулся к ней, но не смог двинуться с места. Руки и ноги слушались, но каждое движение стоило огромных усилий, словно на него надели плотный мешок из резины. Он не знал, удалось ли ему продвинуться хоть на метр, потому что больше ничего не слышал и не видел. Потом в ушах раздались ритмичные глухие удары, словно включили метроном, сдавило виски. Но пока он еще контролировал все свои движения, а в ушах просто стучала от напряжения кровь.

Он вновь изо всех сил рванулся, стараясь вырваться из этой непонятной вязкой массы, облепившей все его тело. Ее плотность и давление все время менялись. Она вся пульсировала и то поддавалась его усилиям, то будто застыла в сплошной монолит, и тогда он не мог шевельнуться. Он не знал, сколько времени это продолжалось — минуту или час. Но после очередной попытки освободиться заметил, что пелена вокруг глаз редет, и почти сразу увидел звездное небо. Что-то беловатое, похожее на клубы пара стекало с его плеч на землю, растекалось по ней плотным слоем метровой высоты и уползло прочь. Анны нигде не было видно. Он вспомнил про гранату, которую она ему дала. Последние хвосты белесой дряни уползали с поляны в заросли кустов. Он метнул им вслед гранату. На несколько секунд стало светло.

Девушка лежала посреди поляны, неловко подогнув руку. Пульс прослушивался очень слабо, а лицо в отблесках догорающих кустов показалось ему смертельно бледным. Ротанов беспомощно шарил по карманам, заранее зная, что аптечки с ним нет. Он подхватил ее на руки, почти автоматически отметил по звездам нужное направление и пошел вперед.

6

Из города Филин выбрался подозрительно легко, и это его не радовало, потому что после такой упорной уличной схватки так просто его не могли выпустить, и, значит, что-то готовилось. До сих пор синглиты не решались преследовать их дальше окраины. Они были мастерами по части неожиданностей и сюрпризов.

Взять хоть историю с пилотом, как ловко они организовали засаду... Даже он со всем своим опытом не заметил сразу, и они сумели отрезать пилота и почти наверняка захватили. Теперь придется его выручать. Будь это пораньше, задача не была бы такой трудной. Летом подавляющий перевес в уличных схватках сохранялся за ними. Другое дело сейчас, накануне сезона туманов, когда ночью из пещер носа не высунешь. Он не стал долго над этим раздумывать, потому что практические задачи привык решать по ходу дела, действием, а не сложными рассуждениями. Знал, что, как только доберется до своих и вернется в город с отрядом, пилота они выручат.

Рыжеватая пыль под ногами сменилась россыпью гладких полупрозрачных камней. В вечерних лучах солнца они были красивы. Бесчисленные цветные зайчики прыгали по полированной поверхности словно подсвеченных изнутри камней. Он терпеть не мог этого места, скользкие камни разъезжались при каждом шаге, и нужна была недюжинная ловкость, чтобы пройти здесь.

Теперь уже скоро должен был показаться четвертый пост. Россыпь кончилась, он стал продираться сквозь кустарники, окружавшие уже самый пост. Такие посты опоясывали весь город радиусом в десять километров и служили опорной базой для дневных операций. На ночь людей там не оставалось. Четвертый пост поставили совсем недавно, за два дня до его последней вылазки в город. Им еще не пользовались, а Филин всегда предпочитал выбирать для возвращения такие вот резервные, наверняка неизвестные синглитам посты.

Долгие годы войны научили его осторожности.

Пост представлял собой маленькую бревенчатую хижину в глубине леса. Там должны были дежурить три человека. Вселен не помнил. Только старшего назначал сам, и это был Гэй, молодой парень, которому Филин втайне симпатизировал, хотя и не подавал вида, так как считал всякие сантименты между мужчинами не только излишними, но и вредными для бойца. Хижина показалась среди зарослей, и он предвкушал уже вкусный обед, короткий отдых и откровенную радость Гэя, которую так и не научил его скрывать.

Однако пора часовому обратить на него внимание. Филин нарочно шел, шумно ломая ветки, чтобы часовой заметил его издали. Пятьдесят метров, сорок... Фил остановился. Что-то не так. Цепким внимательным взглядом он окинул пространство вокруг хижины, отметил про себя полную неподвижность окрестных зарослей, приоткрытую дверь, консервные банки, валявшиеся около самого порога. Гэй никогда не оставил бы здесь банок. Никто из них не оставил бы... Слишком они заметны. Филин медленно и бесшумно опустился в траву, растворился в ней, исчез. Теперь его нельзя было заметить даже в метре от того места, где он лежал. Сине-зеленая пятнистая куртка, такая нелепая в городе, здесь совершенно сливалась с окружающей растительностью.

Прошел час. Казалось, ни в хижине, ни в ее окрестностях нет ни одного живого существа, но Филин уже знал, что это не так. Золотистый навозник, жук величиной с добрую курицу, никак не хотел улетать от кустов, в трех метрах правее хижины. Он то и дело садился на эти кусты, взлетал, описывал короткие круги и садился снова. Там было для него что-то привлекательное. И нетрудно было представить себе, что это такое... Сжав кулаки так, что побелели кисти рук, Филин медленно пополз среди зарослей. Он оставил хижину далеко в стороне и подполз к месту, где сидел жук, с противоположной стороны. Гэй лежал в траве ничком, прикрыв голову руками. Как всегда, на теле не было ни малейшей ранки. Полный упадок сил, потом шок. Они выкачали из него все, что недавно было Гэем, осталась только эта непонадобившаяся оболочка... Какое-то время жизнь еще теплилась в ней. Сейчас тело было уже мертво, а сам Гэй умер гораздо раньше...

Горечь и боль заставили его забыть об осторожности. Он дважды выстрелил в навозника из теплового излучателя. Яркие вспышки были заметны с большого расстояния, но ему стало все равно. Взяв на руки тело юноши, он вошел в хижину. Никого. Повсюду валялись разбросанные вещи, переломанная мебель. Он беспомощно огляделся — Гэя некуда было положить. От стола ничего не осталось. В конце концов он положил его прямо на пол и долго стоял рядом. Рано или поздно он сам будет лежать точно так же, и хорошо, если кто-то из товарищей сможет с ним проститься. Они редко находили тела погибших в этой борьбе, конца которой не видно.

Постепенно Филин стал выбираться из своей непролазной горечи, потому что мысли произвольно все время цеплялись за что-то важное, за что-то такое, о чем он не имел права забывать... Пост, ну, конечно, пост. О нем никто не знал, почти никто. Случайно наткнулись? Нет. Это исключено. Для того чтобы захватить пост врасплох, надо знать, где его искать, нужны точные сведения о том, когда именно бывают здесь люди, потому что делать засаду в самом посту бесполезно и опасно. Там оставались мины, ловушки, приборы

обнаружения, и они это знали... Кроме всего прочего, для того чтобы захватить людей живыми, а они всегда стремились только к этому, потому что убитые в схватке теряли для этих проклятых пауков всякую ценность. Так вот, для того чтобы захватить их живыми, нужно было знать точные места, в которых выставляются наряды. А об этом, кроме него и тех, кто стоял в этих самых нарядах, знали еще только два человека...

За последнее время все чаще стали погибать их передовые посты. Слишком часто появлялись засады и ловушки именно там, где должны были пройти люди. Слишком часто. Об этом он подумает потом. Когда похоронит Гэя и догонит тех, кто побывал здесь сутки назад. Вряд ли они ушли далеко. Для такой операции им нужно было тащить с собой много барахла. Ему придется действовать вдвойне осторожней, база должна получить известия о пилоте во что бы то ни стало. Он знал, что не имеет права рисковать, и ничего не мог с собой поделаться, не будет ему покоя, пока те, кто убил Гэя, ходят по этому лесу.

Трижды он обошел хижину и нашел след. Они не особенно прятались. Кажется, они совсем перестали бояться. Значит, знали, что сюда в ближайшую неделю никто не придет. Он и сам выбрал этот пост в последний момент перед возвращением. Проложенная в кустах тропинка уходила к югу, но ему ничего не стоило находить след даже потом, когда тропинка исчезла.

Он нагнал отряд синглитов незадолго до заката. Времени оставалось в обрез. Двенадцать сгорбленных фигур с тяжелыми заплечными мешками пробирались через заросли. Их было слышно метров за двести. Те, что шли впереди, несли тяжелое реактивное ружье и куб электронного искателя. Нужно было кончить все сразу, одним ударом, потому что, если они уцелеют до темноты, ему несдобровать. Он достал излучатель, опустил предохранитель до отметки максимальной мощности и ударил по ним сзади расширенным до предела лучом. Но он немного опоздал. Тот, что шел впереди с искателем, уже издал предостерегающий крик. И прежде чем он успел опустить излучатель на нужный угол, шестеро или семеро из них лежали в траве. Он срезал четверых, но тех, кто лежал на земле, луч не достал — мешали мокрые плотные кусты. Он ничего не мог сделать. Пришлось отступить. И теперь они сами оказались у него за спиной. В искателе наверняка была кассета с образцом его запаха. Они знали, кто на них напал, и могли следить за всеми его маневрами. Ситуация сразу стала для него чрезвычайно опасной. Теперь это походило на поединок зрячих со слепым. Они могли контролировать каждый его шаг на расстоянии не менее ста метров, он же в быстро сгущавшихся сумерках терял последние возможности ориентироваться и вынужден был прекратить преследование, свернуть к базе, времени уже не оставалось, вот-вот должны были появиться люссы...

Он нырнул в узкую ложбинку, переходившую в глубокий овраг, и побежал по его дну, стараясь оторваться от преследователей. Но овраг вскоре кончился, и, прежде чем подняться на его верх, он замер прислушиваясь. Справа от него, на краю склона, слышался какой-то шорох. Значит, они догадались, опередили, и он проиграл еще одно очко в этом поединке, может быть, последнее... Теперь ему придется подниматься под их выстрелами, и, если он промедлит еще хотя бы секунду, они его накроют прямо здесь. Он рванул вверх по левому склону. «Только бы успеть выбраться из этого проклятого оврага, прежде чем они начнут стрелять!» Но он не успел. Первый выстрел настиг его метрах в трех от края. Снаряд реактивного ружья ударил чуть ниже, и волной его подбросило почти до самого верха. К счастью, он не потерял сознание от этого удара. Одним прыжком он выбрался из оврага и сразу упал.

Оставляя за собой длинный шлейф дыма, над головой с воем пронесся снаряд и ударил в деревья где-то в стороне. Теперь его не достать. Теперь им самим придется сначала перебраться через овраг, и они, конечно, не такие дураки, чтобы лезть напролом под его выстрелы. Значит, пойдут в обход.

Он прикинул, что минут пять у него есть в запасе, и расстегнул куртку. Вся правая сторона предплечья превратилась в багровый синяк. Боль от последнего удара только сейчас навалилась на него со всей силой. Он пошарил в своей выдавшей виды котомке, достал с

самого дна тряпичный узелок с корнем красаны, смешал сухой порошок с горстью воды из фляги и тщательно растер ушибленное место. Боль стала отступать. Красана действовала почти мгновенно, без нее не выходил в путь ни один охотник.

Теперь нужно было что-то придумать, найти какой-то выход за те немногие оставшиеся у него минуты. Если он этого не сделает, если и дальше будет действовать вслепую, с ним очень скоро покончат, не они, так люссы... Времени у него нет, в этом все дело. Поздно он ввязался в драку, перед самым закатом... И еще этот искатель с его запахом... Он не ускользнет от них, не сумеет затаиться, спрятаться, придется принимать последний бой. Не зря он ждал какой-нибудь пакости, когда так легко ушел из города. У них была кассета, и откуда-то они узнали о его намерениях. Разгромленный пост был хорошей приманкой. Похоже, он попался на этот раз. Не помог весь его опыт.

Он осторожно приподнялся, осмотрелся, стараясь угадать, с какой стороны они подойдут. Боли не было, но зато он чувствовал слабость. В ушах звенело и подступала тошнота, контузия не прошла даром. Наверно, из-за этого звона он не услышал шума за своей спиной. И когда из кустов на него бросился первый из них, было уже поздно. Его-то он отшвырнул, сбросил с себя, но они все были здесь, подошли раньше, чем он ждал, и теперь на него смотрели со всех сторон ощерившиеся, короткие стволы лучеметов.

Терять было нечего. Единственно, что ему осталось, спровоцировать их на стрельбу, чтобы его не взяли живым, как Гэя. Он прыгнул в сторону, упал и покатился в кусты, каждую секунду ожидая жгущего последнего удара лучемета. Но они не стали стрелять, его расчет не оправдался. На него набросили веревочную сеть и затянули концы. «Все у них предусмотрено. Выходят как на зверей». Он рванулся пару раз, увидел перед лицом терсильное волокно сети, которое не поддавалось даже автогену, расслабился и закрыл глаза: «Ну все. Недалеко я от тебя ушел, Гэй. Вот и мой черед настал».

Каждый вечер из лесу выплывали густые облака тумана. Наступало их время пока только ночью. Позже, когда повысится влажность воздуха, понизится температура и наступит непрерывная шестимесячная зимняя ночь, они станут безраздельными хозяевами планеты. А сейчас, пока сезон туманов полностью не вступил в свои права, им хватало и ночи.

Слоистые полотнища то расползались по земле, то сливались друг с другом. Издали они напоминали огромную голодную амёбу, протянувшую во все стороны щупальца своих ложноножек. Знакомый запах давно не давал ей покоя. Он был где-то здесь, совсем близко. Из каждой щели одиноко стоявшей на опушке леса скалы сочился запах людей. Амёба окутала своим телом всю скалу снизу доверху. Она искала малейшую щель и в конце концов нашла ее. Входная дверь закрывалась недостаточно плотно. Но люди приняли здесь дополнительные меры предосторожности. В коридоре нежное парообразное тело наткнулось на безжалостный поток нейтронов, мгновенно уничтоживший миллиарды живых частиц, проникших в пещеру. Амёба дернулась от нестерпимой боли, на несколько секунд ее тело потеряло устойчивость, расползлось на отдельные, разбегавшиеся в разные стороны клочья, но вот словно неслышный приказ одновременно остановил их движение. Медленно, точно нехотя, клочья поползли обратно, влились в основную массу тумана, окружавшего скалу. Часа три туман оставался совершенно неподвижным, и теперь уже ничем не напоминал живое существо. Необычным было лишь само расположение плотного сгустка, равномерным слоем покрывшего всю скалу от подножия до вершины. Внутри скалы в небольшой пещере на двух десятках квадратных метров пространства, отвоеванных у каменной тверди, спало вповалку человек двадцать.

Двое дежурных, сидевших за столом у входа напротив распределительного щита генератора нейтронов, сразу же заметили скачок мощности, но не увидели в этом ничего необычного. Нападение повторялось каждую ночь. Проникнуть в скалу снаружи, пока работал генератор, было невозможно. Обязанность дежурных как раз и состояла в том, чтобы следить за его бесперебойной работой. Они хорошо знали, что после неудачной попытки

прорваться противник будет ждать до утра. Раньше, когда у них была лишняя энергия, люди могли позволить себе ответную атаку. Сейчас они вынуждены ждать наступления утра, когда солнце загонит люссов обратно в их норы.

Оба дежурных обменялись взглядом и поудобнее устроились у своих пультов. Ночь едва наступила, до рассвета не меньше шестнадцати часов, а эта липкая мразь, что растеклась сейчас по поверхности скалы, будет ждать всю ночь, и все последующие, ждать бесконечно долго и терпеливо, раз за разом повторяя свои бесполезные на первый взгляд попытки, но это только на первый взгляд, потому что рано или поздно что-нибудь да случится... Откажет какой-нибудь блок генератора, замешкается дежурный, не хватит энергии в накопителях...

— Может, разбудить инженера? Длительная атака сегодня, хорошо бы врезать этой гадине...

— Он все равно не позволит.

— Зачем вообще он приехал?

— А кто его знает... Он мне не докладывает, но только я слышал, будем возвращаться на основную базу.

— Что-то рано в этом году, синглиты переключают дороги.

— Что ему синглиты, у него свои планы... Ему ни своих, ни чужих не жалко.

— Да... Совсем ожесточился человек. Филина бы дожидаться, он нас в обиду не даст.

Сигнальная лампа на щите ярко вспыхнула и не желала гаснуть. Это означало, что генератор непрерывно забирает из накопителей всю мощность, превращая ее в жесткое излучение. Обычно хватало секундного укола излучения, но на этот раз, не успев погаснуть, лампа вспыхнула снова. Сомнений не оставалось: снаружи происходило что-то из ряда вон выходящее. Оба, не сговариваясь, вскочили со своих мест, включили сирену и бросились к выходу.

Узкий проход сворачивал почти под прямым углом, за поворотом в темное жерло пещеры по направлению к выходу смотрели раструбы резервных излучателей. Стены пещеры еще не остыли от теплового удара и светились в темноте вишневым светом. Узкое ответвление от основного хода заканчивалось небольшой кабиной. Здесь располагалась аппаратура наружного наблюдения. Ее специально вынесли подальше. Провода локаторных антенн и трубы перископов ослабляли естественную защиту скалы, здесь опасность прорыва была особенно велика, и потому сразу же за поворотом располагался третий, резервный, ярус излучателей, который в случае прорыва включится автоматически и отрежет им обратный путь. Но сейчас они не думали об этом. Оба бросились к приборам.

На экранах локаторов плясали одни помехи. Это означало, что люсс полностью экранировал своим телом антенну. На самой вершине скалы были установлены оптический перископ, прожектор и дополнительный излучатель. Им пришлось воспользоваться всей этой аппаратурой, и только через минуту, когда пространство вокруг перископа очистилось, стали видны контуры окружающих предметов. Они не успели включить прожектор, надобность в нем неожиданно отпала: ослепительная вспышка у самого подножия скалы вспорола ночь. Пламя поднялось вверх широким голубым протуберанцем, и в его расширяющемся свете их глазам предстала невиданная доселе картина.

Из ночного леса выходил человек... Он шел медленно, сгибаясь под тяжестью второго, которого нес на руках. В первую минуту они приняли его за синглита. Но синглиты не ходят ночью. Впрочем, и люди тоже...

Атака возникла сама собой, стихийно. Никто не ждал команды. Люди словно вознаграждали себя за долгие ночи бездействия.

От входа до самого подножия скалы пролегла огненная река, выжженная в тумане тепловыми излучателями. В эту ночь не жалели энергии.

Тропинка, ведущая к пещере по уступу скалы, так раскалилась, что ее пришлось охлаждать водой. От входа до самого низа протянули энергетическую арочную защиту.

Минут через пятнадцать после взрыва последней гранаты Ротанов увидел вокруг себя смутные, в облаках пара силуэты людей. Со всех сторон к нему протянулись руки, помогая преодолеть последние метры до защитного коридора.

7

Комната, куда его ввели, походила на рубку корабля. Небольшая каменная ниша, вырубленная в скале, была сплошь забита аппаратами контроля и наружного наблюдения. Здесь едва умещался крохотный рабочий стол. Человек, вставший ему навстречу, был одет в просторную кожаную куртку. Из-под нее выглядывала парусиновая рубаха очень грубой выделки, несомненно, местного производства. Усталому лицу придавали угрюмое выражение розовые пятна от недавних ожогов. Еще больше усиливали неприятное впечатление черные очки. Словно понимая это, он сразу их снял и протянул руку. Ротанов задержал его ладонь чуть больше, чем нужно. Приятно было почувствовать живое человеческое тепло этой руки. Теперь, когда очков не было, лицо инженера, казалось, осунулось еще больше. Вместо бровей виднелась запекшаяся корочка недавних шрамов, но воспаленные глаза смотрели зорко и холодно.

— Келер. Инженер и руководитель боевых групп.

Возникла пауза. Инженер, очевидно, ждал, что Ротанов представится по всей форме, и тот невольно усмехнулся. Он терпеть не мог официальных процедур и еще с Арктура усвоил, что их обилие особенно в начале знакомства с местными руководителями, как правило, ничего хорошего не обещает.

— Ротанов. Пилот корабля И-2.

— Мы получили сведения о вашей посадке. С вами был кто-нибудь еще?

— Нет.

Возникла новая пауза.

— В таком случае вы, очевидно, не только пилот?

— Если для вас это так важно, то я еще и инспектор Главного управления внеземных поселений.

— С этого нужно было начинать. Нельзя ли познакомиться с вашими официальными документами?

— Вот так сразу начнем с документов?

— Поймите меня правильно. Хотя, конечно... Вам это кажется странным. Эта планета преподносит нам слишком много дорогостоящих сюрпризов, здесь бывают и неприятные загадки. Короче говоря, я хотел бы знать, с кем говорю, прежде чем начать беседу.

— А знаете, я здесь новичок и у меня больше оснований опасаться неожиданных сюрпризов после всего, что я видел в городе. И тем не менее мне в голову не пришло подозревать в вашем лице подделку. По-моему, такую подделку, если заранее знать, в чем она состоит, не так уж трудно обнаружить. Так что давайте расставим все знаки препинания. Не нужно делать вид, что вы принимаете меня за кого-то другого, за синглита, например.

— Да, вы правы, но есть одно обстоятельство, которое заставляет быть меня осторожным.

— Можно узнать, что именно?

— Конечно. Дело в том, что еще ни один человек не мог ночью пройти через лес. Нас попросту загнали в щели. — Он обвел рукой тесное пространство рубки, словно приглашая Ротанова убедиться в своей правоте. — А вы свободно разгуливаете по лесу ночью, накануне сезона туманов. Исходя из нашего опыта, вас уже не может быть в живых. Вы меня понимаете?

— Кажется, понимаю... И что же, за все эти годы ни одного случая иммунитета? Никто не смог справиться с нападением этого... Кстати, как вы его называете?

В ответ на его первый вопрос инженер только отрицательно покачал головой.

— Эти существа, хотя мы еще не вполне уверены, что это живые существа, короче

говоря, эти образования зовут у нас люссами. Но вы мне не ответили...

— Мне трудно ответить, потому что я сам не знаю, в чем тут дело. Нападение было, и оно оказалось неэффективным. Поскольку ни зубов, ни когтей не было...

— Зубы! Да если бы у них были зубы... Ну ладно. Давайте ваши документы.

Ротанов протянул ему небольшой пластиковый квадрат со сложной системой выдавленных на нем знаков. Инженер повертел его в руках и нахмурился.

— Это все?

— Ах, да, простите... Я забыл, сколько лет у вас не было связи с Землей. Это личная карточка, ее нужно вставить в ваш компьютер с идентификационной приставкой. Подделка абсолютно исключается.

Инженер криво усмехнулся.

— Действительно, так просто. Только у нас тут нет подходящего компьютера. Или вы его захватили с собой?

Ротанову не понравилась его ирония. Вообще весь разговор складывался неудачно, все время вертелся вокруг второстепенных деталей. Но он больше не мог действовать вслепую, пора было установить, что произошло на планете. Вообще ему надоели загадки, слишком их было много для одного дня.

— Есть и другая документация, — сухо проговорил он, протягивая инженеру листок элана со светящимися старинными буквами и печатью Всемирного совета. — Специально для таких вот случаев.

Инженер долго изучал бумагу, и Ротанов терпеливо ждал. Наконец отложил бумагу в сторону и смотрел теперь задумчиво, как бы сквозь Ротанова. Казалось, он вообще забыл о нем.

— Где же вы были раньше?

Этот вопрос он уже слышал сегодня от Филина и отвечать на него вторично не собирался. Вообще решил, что настала пора ему самому задать некоторые вопросы.

— Что произошло на планете?

Но инженер словно и не слышал его.

— За все эти годы... Две сотни лет... Ни одного корабля, ни одного сообщения, и вдруг к нам присылают инспектора... Вы не находите, что это странно?

— Нет, не нахожу. Как только это стало возможным, Земля сразу же выслала корабль. Хотя считалось, что колония погибла, что ее попросту не существует. И я попрошу вас наконец ответить на мои вопросы. Когда вы впервые столкнулись с люссами? Как все это началось и почему? Откуда появились синглиты и что они собой представляют?

— Слишком много вопросов и все непростые... Я попробую вам ответить, хотя и сомневаюсь, что вы правильно все поймете. Для того чтобы верно оценить или хотя бы иметь возможность объективно судить обо всем, нужно было здесь родиться, на этой планете. Но я все же попробую.

Он откинулся, усталым жестом протер свои темные очки и тут же отложил их в сторону. Было видно, что ему нелегко начать, и Ротанов терпеливо ждал, думая о том, что в своей первоначальной неприязни к чужаку все колонисты примерно одинаковы.

— Внешне все выглядит довольно просто. Лет пятьдесят назад... Нет, немного больше, шестьдесят или семьдесят — никто не устанавливал точной даты и никто не знает, когда это случилось впервые, стали исчезать люди. Планета считалась абсолютно безопасной, абсолютно надежной. То есть что значит считалась? Мы были просто уверены в этом, потому что на протяжении почти ста лет ничто не мешало свободному развитию колонии. Мы довольно подробно ознакомились за эти годы с флорой и фауной. Фауна здесь небогата, крупных животных на суше нет, только насекомые. О том, что существует еще один вид, мы тогда не подозревали. И немудрено. Если ночью в лесу появляется туман, вряд ли кому-нибудь придет в голову принимать его за живое опасное существо. — Он устало потянулся, достал очки, снова протер их и надел. Ротанов был ему за это признателен, потому что все время произвольно отводил взгляд, чтобы не видеть его изуродованного

лица. — Так вот, примерно в это время, около шестидесяти лет назад, стали исчезать люди... Вначале все объясняли несчастными случаями, искали и не находили. Не так уж это часто случалось вначале...

— Подождите! Получается, вы тогда еще ни разу не встречались с синглитами?

— А вы не спешите. Дойдем и до синглитов. В то время их на планете просто не было. А те, кому пришлось встретиться с этой дрянью, уже ничего не могли рассказать. — Он неприятно усмехнулся и снова надолго замолчал. Темные стекла очков холодно мерцали, отражая свет неоновых трубок, кое-как закрепленных на потолке. Ротанов был уверен, что глаза, притаившиеся за этими очками, все еще продолжают недоверчиво ощупывать и оценивать его. «Кажется, он меня просто боится, — подумал Ротанов, — вот только не пойму, почему? Нападение люсса и мое спасение здесь наверняка ни при чем. Он сразу же поверил, что в этом смысле со мной все в порядке, иначе вообще не стал бы разговаривать...»

— Ну так вот. В конце концов, рано или поздно это должно было обнаружиться. Однажды люсс напал на группу людей, двое или трое видели все и уцелели. Так нам стало известно, что происходит. Люсс обволакивает человека, несколько минут тот дергается, словно задыхается, старается вырваться, потом падает. Кстати, вы не почувствовали удущья?

— Нет.

— Странно... Нападение длится недолго, пять минут, может быть, шесть. Потом люсс уходит, и остается недвижно лежащий человек. Кстати, мы далеко не сразу установили причину смерти. На теле после нападения нет никаких следов, вскрытие тоже ничего не дает. Никаких патологических изменений. Ну, об этом вас подробнее проинформируют в научном отделе. Общее впечатление такое, словно полностью подавлена активность мозга. Отсутствует альфа-ритм. Сначала мы думали, что это следствие каких-то неизвестных повреждений, тончайших нарушений структуры в организме или, может быть, в самом мозгу, но потом было доказано, что человек умирает оттого, что у него погашен мозг.

— То есть как это «погашен»?

— Может быть, это не совсем, научное определение, но зато вполне точное. Полностью парализуется деятельность нейронов, разрываются все связи, исчезает энергетический потенциал мозга.

— Получается, что люсс ничего не берет от своей жертвы, а нападает, так сказать, для развлечения?

— Я этого не говорил. И вообще не спешите с выводами, пока я вам просто излагаю установленные факты. Люди стали осторожнее, выходили из города только вооруженными группами, надевали защитные скафандры, но все это оказалось неэффективно. К тому же активность люссов возрастала во много раз после каждого нападения. Особенно ночью. Днем они вообще малоподвижны. Зато ночью... Однажды город подвергся массовой ночной атаке. Можете представить себе, как это было. Люди метались по улицам, и их как бы обволакивал туман. Там были женщины, дети... Конечно, они выставляли дежурных, дозоры с лучеметами и энергетическую защиту... Но в то время еще не было найдено ни одного эффективного средства борьбы с люссами. Фактически город был уничтожен за одну ночь. Люсс способен менять свою форму, у него вообще нет постоянной формы, он может просочиться в любую щель... Немногие, оставшиеся в живых, бежали из города. К счастью, город расположен почти на экваторе, всего несколько километров отделяло его от дневной стороны. Инстинктивно люди бежали к солнцу, и это многих спасло. Люссы не стали выходить на дневную сторону, им вполне хватало ночной. Казалось, что все оставшиеся в живых спасены. Планета двигалась вокруг солнца очень медленно, и не представляло большого труда переходить вслед за солнцем с одной стороны экватора на другую. Были построены временные базы по обеим сторонам экватора. Когда люди смогли вернуться в город, прошло уже шесть месяцев, они даже не нашли останков своих близких.

Оборудование, инструменты, снаряжение и оружие — все было вывезено на базы. В городе никто не решился оставаться. Да и не хотел... Было решено строить укрепленные

базы, зарываться в землю, в скалы... Вначале казалось, что опасность преувеличена, но после всего, что произошло... В общем, люди уже не могли жить в городе.

Какое-то время никто нас не трогал. Лет десять, пожалуй, прошло спокойно. Мы уже начали надеяться, что самое страшное позади. Постепенно забывался весь этот ужас. Начали рождаться новые дети, и вот тогда... — Было видно, что ему трудно продолжать разговор. Он словно старался что-то проглотить и никак не мог. Ротанов смотрел в сторону, делая вид, что ничего не замечает. Ему хотелось стиснуть руку этому много пережившему человеку, найти слова ободрения, но он понимал, что не имеет на это права. Он был для него всего лишь инспектором, чужаком, прилетевшим с Земли для того, чтобы холодно и спокойно оценить все их беды. Найти правых и виноватых. Инженер уже взял себя в руки.

— Да, так вот, именно тогда группа разведчиков обнаружила при дневной вылазке в город, что там кто-то есть. — Он снова замолчал и долго рассматривал рукоятку какого-то отключенного прибора.

— Это были синглиты?

Инженер кивнул.

— С этого, момента мы уже не знали покоя ни днем, ни ночью...

— Откуда они взялись?

Инженер пожал плечами.

— У научного отдела есть много теорий на этот счет. Они с вами охотно поделятся.

— Ну а вы сами что об этом думаете? Должен же быть у вас собственный вывод.

— Свои выводы я предпочитаю держать при себе. Готов поделиться только известными фактами, а что касается выводов, то, думаю, за этим дело не станет, очень скоро у вас появятся собственные.

— Хорошо, давайте вернемся к фактам. Что собой представляют синглиты?

Инженер встал, давая понять, что разговор окончен.

— Я думаю, для первого раза достаточно, да и времени у нас уже нет. Скоро рассвет, пора готовиться и выходить на основную базу. В научном отделе вам расскажут остальное.

В отряде было сорок человек. Шли плотной группой, оцетинившись стволами лучеметов. Ступали след в след, не было никаких команд. Каждый знал свое место, знал, что ему нужно делать. Само собой получилось так, что в этой плотной массе слитых в одно целое людей Ротанов оказался инородным телом. Вначале он попытался идти в голове колонны. Но очень скоро понял, что мешает, сбивает строй, лишает его монолитности. Никто не сделал ему замечания, все шло молча, стиснув зубы, напряженные до предела, похожие уже не на живых людей, а на хорошо запрограммированные автоматы, настроенные на малейшую опасность. Чтобы не мешать, он вынужден был вернуться в центр группы, туда, где на нескольких карах везли поклажу и где, упакованная в целлофановый пластиковый кокон, лежала Анна. Она так и не пришла в сознание...

Идти было трудно из-за изнуряющей жары и влажного душного воздуха. Желтовато-фиолетовая расцветка местных растений чем-то напоминала земной лес глубокой осенью, но это впечатление сразу же исчезало, стоило взглянуть на дерево вблизи. Собственно, эти пружинистые образования, не имеющие центральных стволов, нельзя было даже назвать деревьями. Бесчисленные тонкие усики беспорядочно росли во все стороны, образуя плотную упругую подушку. Пробираться сквозь подобные заросли было просто невозможно. К счастью, деревья росли довольно редко, между ними оставалось достаточно свободного пространства. Через четыре часа они сделали первый привал у небольшого ручья. Больше всего Ротанова поражала молчаливость этих людей. Они все делали сосредоточенно, почти угрюмо. Он не раз ловил на себе их изучающие любопытные взгляды, но никто не подошел к нему, не задал ни одного вопроса. Даже теперь, когда все, кроме часовых, позволили себе расслабиться, умыться, отложить оружие. Они словно бы избегали его... Что же это такое — приказ, сила дисциплины? Нет. Здесь было что-то другое, потому что в них вовсе не было той забитой приниженности перед начальством, которой обычно сопутствует муштра. Может быть, они считают его виновным в несчастье, случившемся с

Анной? Или близкое знакомство с люссом наложило на него какое-то негласное табу?

Короткий привал кончился, и они двинулись дальше... Узкие платформы каров сильно замедляли движение. Благодаря силовой подушке они легко преодолевали мелкие неровности почвы, но их длинные корпуса то и дело запутывались в узких проходах между деревьями. Приходилось останавливаться и вручную рубить их из жестких, словно сделанных из железа пружин.

Характер местности постепенно менялся. Густые заросли сменились редкими группами отдельных растений, тут и там появились невысокие холмы, поросшие короткой щетиной травы, такой же жесткой и невзрачной, как деревья. Гряда скал, к которой они шли, теперь приблизилась. Ее уже не скрывал лес. Люди приободрились, повеселели. Как понял Ротанов из разговоров, до передовых постов, прикрывавших основную базу колонии, осталось не больше часа пути. И вдруг в кроне дерева, которое только что начали огибать кары, мелькнуло что-то яркое. «Ложись!» — крикнул инженер, но Ротанов замешкался и увидел, как на дереве распустился огненный цветок, тут же превратившийся в вертящийся шар огня с черными разводами дыма по краям. В ту же секунду хлестнула ударная волна. Ротанов не устоял на ногах, сверху сыпались горящие сучья. Он все ждал гула разрыва, но его не было, только тяжело, со свистом ухнуло, словно какой-то великан выдохнул воздух, и сразу же справа и слева появились еще два таких же огненных шара. Они вертелись слишком далеко, на них можно было не обращать внимания, важно было понять, откуда по ним стреляют. Но прежде чем он успел разобраться в обстановке, сразу несколько лучеметов в руках людей выплюнули свои огненные капсулы куда-то вперед и вверх. На вершине ближайшего холма завертелись такие же огненные смерчи, там, пригибаясь, бежали маленькие согнутые фигурки. Оттуда, сверху, отряд должен был быть виден как на ладони. Следующий залп накроет их почти наверняка.

Но шесть огненных шаров развернулись почему-то впереди отряда, и почти сразу же несколько капсул лопнули справа и слева. В пыли и дыму стало трудно что-нибудь рассмотреть. Когда порыв ветра унес дым в сторону, Ротанов понял, что разрывы берут отряд в кольцо, прижимают его к земле, сбивая кроны деревьев над головами, но ни одна капсула не ударила вниз, в центр невидимого круга, за которым лежали люди. Это его так поразило, что он, забыв об опасности, приподнялся на колено, чтобы лучше видеть. На втором дальнем холме что-то происходило. Инженер махал ему, предлагая лечь, но Ротанову было не до него. Показалось, что он узнал очертания предмета на вершине дальнего холма. Предмет напоминал клок ваты, и вокруг него бегали, суетились маленькие фигурки, похожие на людей. Холм был слишком далеко, но Ротанов видел, что несколько стрелков пытаются достать его во что бы то ни стало. Они задрали стволы лучеметов высоко вверх и выпускали капсулу за капсулой. Внизу, у подножия холма, кипело огненное озеро, но ни одна капсула не доставала даже до склонов.

Ротанов бросился к инженеру, сорвал у него с груди бинокль и, оттолкнув вцепившиеся в него руки, побежал вверх. Он приметил плоскую каменную глыбу и надеялся до нее добраться, прежде чем его заметят. Впрочем, он уже почти не боялся выстрелов, очень уж все происходящее походило на какую-то странную игру, а не на бой. И действительно, огненные хлопущки брали его в кольцо, сбивали с ног, но он добрался-таки до своего камня невредимым и прилип к нему. Стоило приставить бинокль к глазам, как окружающее перестало для него существовать. Он весь превратился в зрение.

Это был, конечно, люсс. Он узнал его сразу, но все происходящее на вершине холма было для него совершенно непонятно. Люсс, необычно плотный, с какими-то темными полосами и пятнами, бешено вращался в центре небольшой поляны. Он то расширялся, то опадал и с каждой такой пульсацией съеживался все больше. Вокруг него неподвижно стояли пять или шесть синглитов. Ротанов догадался, что это синглиты, а не люди, по неудобным для человека позам. Когда они двигались, их невозможно было издалека отличить от людей, но стоило им остановиться, как они застывали в полной неподвижности и, казалось, были способны прервать начатое движение в любой точке. Замереть с занесенной

для шага ногой, например, или остановиться с наклоненным вперед туловищем. Словно им ничего не стоило поддерживать тело в любом неустойчивом равновесии. Еще несколько синглитов вышли из-за деревьев и присоединились к стоящим вокруг этого бешено вращавшегося люсса. Казалось, они совершают какой-то тайный обряд. Вдруг люсс слегка подскочил, вытянулся вверх и быстро утек в сторону. На поляне оставалась только группа синглитов и еще что-то на том месте, где только что был люсс, какой-то предмет...

Бинокль был с электронным умножителем. Подкрутив регулятор, Ротанов смог рассмотреть, что там такое было, хотя почти уже догадался, прежде чем тронул верньер настройки. На поляне в небольшом углублении лежало яйцо... Точно такое же, какое он видел в том странном контейнере на складе. Форму этого предмета невозможно было спутать с чем-нибудь другим. И хотя яйцо, лежавшее на поляне, было матовым, даже каким-то белесым, а то, с которым довелось ему познакомиться раньше, все переливалось радужным свечением, тем не менее он его узнал... И почти не сомневался в том, что последует дальше.

Из группы синглитов двое отошли в сторону и вскоре вернулись со знакомым шестигранным контейнером. Они поднимали яйцо осторожно, словно это был какой-то горячий хрупкий сосуд. Двое других развернули кусок холста и аккуратно упаковали в него яйцо, прежде чем опустить в контейнер. Почти сразу из-за деревьев показался кар, точно такой же, как тот, на котором лежала Анна... Они поставили на него контейнер, водитель долго не мог запустить мотор, что-то у них не ладилось с этим каром. Но вот он тронулся наконец, на поляне никого уже не было. Кар качнулся последний раз и исчез из поля зрения. Больше ничего не было видно. Ротанов опустил бинокль. Бой, по-видимому, кончился несколько минут назад. Отряд собрался у вездеходов и теперь дожидался его. Никто больше не прятался и никто не стрелял. Ротанов встал и пошел вниз. Когда он подошел к инженеру, чтобы отдать бинокль, тот выглядел так, словно был в чем-то виноват перед Ротановым. Он взял у него бинокль, глядя в сторону, только что не извинился, хотя извиняться нужно было, по существу, самому Ротанову. Он помнил, как грубо оттолкнул инженера и почти вырвал бинокль, когда заметил люсса.

— Ну так вот, — сказал Ротанов, потирая ушибленное плечо. — Я хотел бы знать, что это значит.

— Вы видели?

— Да.

— Это яйцо.

— Я так и думал. Для чего оно синглитам?

— На Земле был такой вид комара, кажется, анофелес... Я читал о нем в учебнике биологии. Так вот, этот анофелес, прежде чем снести яйцо, обязательно должен был напиться человеческой крови...

— То есть вы хотите сказать, что люсс, прежде чем... Нет, это невозможно! Здесь не было раньше людей, даже крупных млекопитающих. Этот цикл развития не мог возникнуть. Он предполагает сложный симбиоз, комплекс организмов, а мы здесь чужаки, на этой планете, и не могли войти в эволюционный ряд такого сложного симбиоза.

Инженер пожал плечами.

— Мы не так уж хорошо знаем, что здесь было раньше. И потом, это ведь только мои предположения. Вы, кажется, хотели их услышать...

— Мне нужно осмотреть это место.

— Ничего нового вы там не увидите. — Инженер по-прежнему избегал смотреть на него, и это укрепило Ротанова в его решении.

— Все-таки я посмотрю.

— Ну, если вы настаиваете...

Прежде всего Ротанов с двумя сопровождающими взобрался на холм, с которого по ним стреляли. Как он и предполагал, место, где был обстрелян отряд, отсюда просматривалось как на ладони. Отчетливо виднелся выжженный черный круг, за которым

недавно лежали люди.

— Могли бы вы отсюда попасть в центр круга? — спросил Ротанов своих сопровождающих.

Высокий человек в потрепанной кожаной куртке, весь обвешанный какими-то фляжками и ящичками, с двумя вещевыми мешками за плечами, хитровато прищурившись, смотрел на Ротанова.

— Это может сделать любой мальчишка, ни разу не державший в руках лучемет.

— Синглиты всегда так плохо стреляют?

— Если бы они плохо стреляли, половины из нас не ушло оттуда из-за случайных попаданий.

— В чем же дело?

— Убивать нас им ни к чему... Не так уж много людей осталось, каждый из нас ценится на вес золота. Мы им нужны живыми.

— Вы думаете, они действуют заодно с люссами?

— А они и есть одно. И сейчас напали только затем, чтобы нас задержать. Мы ведь могли помешать... — Он кивнул на соседний холм.

Ротанов не стал спорить. Он чувствовал, что в предположении инженера что-то неверно, хотя, казалось, новые факты подтверждают его правоту.

Этот самый анофелес, о котором говорил инженер, прежде чем превратиться в комара, проходит несколько стадий. Из яйца вылупляется не комар, а что-то другое... какая-то личинка... Что, если синглиты?.. Нет, оборвал он себя. Рано делать выводы. Сейчас он будет собирать факты, как можно больше фактов и никаких предвзятых мнений...

Что-то в нем сопротивлялось простым и очевидным выводам, что-то связанное с городом и с той женщиной. Слишком много было в ней человеческого для того, чтобы быть только разновидностью этого чужого, словно пришедшего из кошмара существа.

На втором холме действительно не оказалось ничего интересного. Поляна с утоптанной, словно на ней танцевали, землей, небольшое углубление в центре воронки, где лежало яйцо. Следы тяжелых ботинок. Отпечаток платформы кара, где тот стоял с отключенной подушкой. Ротанов и сам не знал, что он здесь ищет.

— Этот кар, кто его делал? — спросил он хитроватого лучеметчика.

— Синглиты. У нас не осталось заводов и материалов. Едва справляемся с производством зарядов и самого простого оружия.

— Значит, и наши тоже?

— Конечно. Трофейные. Хорошие машины. У синглитов каждый раз бывает что-нибудь новенькое. Заводы им достались сильно потрепанные, но они там все переделали и наладили свое производство.

Это сообщение не понравилось Ротанову: выходило, что главной производительной силой на планете в настоящее время являлись не люди и даже не люссы, ее законные хозяева, если признать за ними наличие какого-то интеллекта, а кто-то третий... И если верны его первые впечатления, люди постепенно сдавали позиции, уступали первенство почти во всех областях. Можно было признать и принять временное поражение, отступление человека под давлением обстоятельств. Наконец, он готов был примириться, если бы человек встретил в космосе разум, равный себе, или даже превосходящий человеческий, каким и был, возможно, разум рэнитов, и отступил в поединке с ним... Но ведь произошло что-то совсем другое, что-то не укладывающееся ни в одну из этих схем... На планете хозяйничают синглиты, почти полные копии людей внешне и интеллектуально; мало того, до появления человека их, судя по всему, здесь вообще не было, с кем же мы тогда воюем? С собственными теньями?

Они начали спускаться с холма, так и не обнаружив ничего интересного. У самого подножия, где совсем недавно рвались их протонные заряды, все обуглилось от высокой температуры. Кое-где дымились и чадили остатки искореженных кустарников. Земля была горячей и смрадной, от нее поднимался пар, пахло чем-то отвратительно зловонным. На самой границе обожженной зоны они наткнулись на обломки. Похоже, здесь взрывом

разнесло кар или какую-то другую машину. В оплавленных кусках обшивки трудно было угадать даже общее очертание того, что они собой представляли до взрыва. Вдруг Ротанов заметил на уцелевшем кусте обрывки материи... Больше там ничего не было, только эти обуглившиеся клочки.

— От них никогда ничего не остается. Один туман. Даже если пулей зацепит как следует, повредит внутри что-то важное, синглит сразу начинает распадаться, только облачко пара поднимется, и все.

— Конечно, так и должно было быть, ничего, кроме тумана, ничего вещественного — так, чтобы после побоища не в чем было себя упрекнуть, словно и не было ничего... Один туман... — Ротанов пнул ногой какой-то обломок, железо жалобно скрипнуло. Хорошо хоть это осталось. Он решил взять с собой небольшой обломок, толком еще не зная зачем, просто чтобы что-то противопоставить этому туману, какой-то след, почти улику... Наверно, инженер все-таки был прав, не совсем доверяя ему. Не мог он быть полностью на его стороне. Возможно, потому, что у него в ушах до сих пор звучали слова: «Люди, наверное, очень злые...»

Несмотря на то, что у них не было другого выхода, несмотря на то, что на них предательски напали ночью, они не имели права ожесточаться, слепо хвататься за оружие и бить без разбору во все чужое именно потому, что они люди...

На том же кусте, где висели куски обгоревшей материи, что-то тускло блестело, наверно, обломок, клочок металла... Почему-то он не хотел брать его на глазах у своих спутников, и, только когда они отвернулись, пошли вперед, он протянул руку и быстрым, почти вороватым движением снял железку с куста. Она оказалась неожиданно ровной. Цепочка гладких квадратиков, похожая на браслет. Не раздумывая, Ротанов сунул ее в карман и догнал своих спутников. Они шли спокойно, закинув лучеметы за спину. Былого напряжения не было и в помине, словно знали, что повторного нападения не будет...

Ротанов вошел в помещение медицинского сектора. От стен тянуло промозглой сыростью, большинство приборов стояло зачехленными, без проводки. Даже большой диагностический, судя по всему, работал лишь на половине своих блоков. Доктор сидел сгорбившись и что-то торопливо писал на большой желтой карте. Его халат, давно не стиранный и местами прожженный кислотой, был под стать всему кабинету.

Ротанов со школы не любил врачей, инстинктивно, как всякий здоровый человек, старался избегать контакта с ними, но сегодня, впервые за долгие годы, он вошел в этот врачебный кабинет по собственной инициативе.

— Ну, что там? — спросил он как мог равнодушнее.

— Не торопите меня! — вскинулся доктор. — Я не электронно-счетная машина. Сядьте и подождите, мне надо еще обработать данные.

Ротанов вздохнул и уселся на холодную металлическую табуретку перед диагностическим аппаратом, другого стула здесь не было. И сейчас, пока томительно тянулись секунды в затхлой тишине этого кабинета, нарушаемой лишь монотонным шумом капель, разбивавшихся в тазу, да скрипом пера доктора, Ротанов задумался над тем, почему решился на полное медицинское обследование, которому подвергают космонавтов только после возвращения с планет, признанных зараженными опасной микрофлорой, или еще в каких-нибудь чрезвычайных случаях. Неужели он поверил намекам инженера и всем этим разговорам о том, что человек после контакта с люссом теряет свою индивидуальность, изменяется психика, мотивы поступков?.. Нет. Он чувствовал: ничего в нем не изменилось, все осталось прежним. И все же...

После посещения города и того нелепого боя по дороге на базу он не мог полностью разделять точку зрения колонистов на все происходящее на планете.

Создать бы здесь базу для флота и посадить на карантин всю планету, пока ученые не разберутся во всей этой чертовщине. Взглянув на ржавый корпус диагностического аппарата, он тяжело вздохнул. Судя по всему, эту самую базу не удастся создать так просто. А

решение придется принимать уже сегодня на совете. Ему дали два дня на изучение обстановки, но они пролетели слишком быстро. Больше нельзя откладывать, колония находится в чрезвычайном положении, если немедленно не принять каких-то мер. Все люди могут погибнуть... И следовательно, через несколько часов, вольно или невольно, ему придется принять участие в решении вопросов, связанных с судьбой и колонии, и города, потому что инженер, как он понял из документов, вот уже второй сезон подбирается именно к городу, вынашивает какой-то план, связанный «с кардинальным решением проблемы», как было сказано в одном из документов. И то, что он держит в секрете все подробности этого своего «кардинального» плана, тоже не обещало ничего хорошего.

Чтобы быть полностью объективным, ему и понадобился этот кабинет. Прежде чем принять решение, он должен был знать совершенно точно, откуда эта двойственность, неуверенность в себе — от недостаточного знания обстановки, или все же виноват люсс?

Доктор отложил перо и несколько секунд массировал затекшую кисть правой руки. Ротанов терпеливо ждал, ничем не выдавая своего волнения.

— Вы абсолютно нормальны. Абсолютно, — сказал наконец доктор и недовольно пожевал губами, словно нормальность Ротанова чем-то его раздражала. — Этого, в принципе, не должно быть, потому что встреча с люссом не может пройти бесследно, и тем не менее это так. Я проверил все три ваши управляющие системы. Подсознание, кора, биохимическая регуляция — все в абсолютной норме. Никаких сбоев, разве что утомляемость повышена, но это тоже нормально после таких стрессовых напряжений. Так что даже не знаю, что сказать. Это противоречит всем нашим наблюдениям, всем выводам о природе и характере контакта с люссом.

Ротанов слушал не перебивая. Самое главное он уже знал, и внутреннее напряжение спало, теперь он мог позволить себе не торопиться.

— До сих пор при каждом контакте... Кстати, вы знаете, что собой представляет люсс?

— Наслышан, но вы все-таки объясните еще раз.

— Это молекулярная взвесь сложных небелковых молекул, управляемая и формируемая энергетическим полем, возникающим при достаточно плотном сгустке. Энергию они берут извне. Но не от солнца. Для этого их консистенция слишком разрежена. Больше того, солнечная радиация, как и всякая лучистая энергия, губительно действует на их структуру, нарушая сложное и хрупкое взаимодействие молекул сгустка. Отсюда ночной образ жизни. И ничего похожего на интеллект. У нас тут возникло немало нелепых теорий, их легко объяснить, учитывая все, что натворили люссы, но на самом деле тут нет никакой злой воли. Эта молекулярная взвесь не обладает ни волей, ни разумом. Может быть, есть простейшие инстинкты, примерно такие, как в стае мошкар. Их привлекает запах человека, движение, вообще все, что нарушает привычный фон среды обитания. И тогда происходит контакт. Благодаря своей незначительной величине молекулы люсса беспрепятственно проникают в ткани человеческого организма, на какое-то время они перемешиваются с молекулами, из которых состоит тело человека, его мозг. Энергетическое поле люсса в этот момент взаимодействует со всеми электрическими потенциалами клеток, разрушает связи между нейронами. В результате — мгновенная смерть для человека... А с люссом происходят после контакта вещи более чем странные. Его структура полностью сохраняет структуру объекта, с которым он контактировал. Расположение молекул, их связи повторяются в структуре люсса. Вся невероятная сложность человеческого организма, вся сумма информации, содержащаяся в нем в момент контакта, я имею в виду информацию на молекулярном уровне и даже, может быть, еще более тонкую, переносится в структуру люсса, как бы отпечатываясь в ней.

Доктор надолго замолчал. Он взял со стола толстую пачку перфокарт, перетасовал ее и стал раскладывать на столе. Казалось, он забыл о Ротанове.

— Что же дальше происходит с этой информацией? Ведь пока она существует, смерть нельзя считать полной?

— Информация, существующая отдельно от тела, — это уже не есть жизнь... Хотя,

может быть, это и не так. Тут все дьявольски сложно. Человек, во всяком случае, погибает, это бесспорно. Хотя и это не бесспорно, если учесть ваш случай и случай с Анной.

— Что с ней?

— Шоковое состояние. Есть надежда на улучшение.

— Послушайте, доктор. Здесь меня очень охотно посвящают во все тайны, связанные с люссами. Но дальше начинается какое-то табу. Все почему-то избегают говорить о том, что собой представляют синглиты, вот и вы тоже...

— Нас можно понять... — Доктор устало вздохнул. — У каждого есть близкие, друзья, превратившиеся в эту самую информацию, так что говорить об этом действительно нелегко.

— Согласен. Но, чтобы хоть что-то исправить в этой кошмарной ситуации, надо прежде всего понять...

— Да, конечно.

— Я хотел бы знать все.

— Я предоставил в ваше распоряжение отчеты нашего отдела за все годы работы. Там есть все данные.

— Для того чтобы в них разобраться, даже для того, чтобы просто их прочитать, нужно несколько недель, я не универсальный специалист, многого вообще не понимаю. Но сегодня... Да, уже сегодня нам с вами придется взять на себя всю полноту ответственности за решения, которые будут приняты на совете.

— Ну хорошо... Я попробую объяснить... Только это непросто понять, особенно вам...

— Потому что я чужой?

— И поэтому тоже. Но главное потому, что тут для нас самих многое неясно, многое из того, что я скажу, лишь интуитивные догадки, не больше. Эксперименты и наблюдения чрезвычайно затруднены, пока происходят эти события... И все же кое-что удалось установить. Лет двадцать назад мой предшественник Халиновский выяснил, что информация, оставшаяся после контакта с человеком в структуре люсса, не поддается немедленному смешению. Возникают какие-то энергетические потенциалы, сохраняющие эту скопированную, чужую для люсса структуру. Затем она начинает уплотняться...

— И возникает яйцо?

— Так это у нас называют. На самом деле это, конечно, не яйцо. Это сгусток информации, если хотите, своеобразная матрица, и она никакого отношения не имеет к размножению самих люссов. Они размножаются простым делением.

— Что же дальше? — Ему все время приходилось подталкивать доктора. Тот говорил с трудом, преодолевая немалое внутреннее сопротивление, хотя для него как ученого проблема должна была хоть отчасти сохранить отвлеченный академический характер.

— Ну так вот, это яйцо... Какое-то время оно неактивно. Должен пройти определенный инкубационный период. Как видите, у него действительно много общего с обыкновенным яйцом. Нужна определенная температура, влажность... Наверно, поэтому первые контакты люссов с людьми так долго оставались для нас неизвестными и не привели ни к каким видимым последствиям. После инкубационного периода яйцо созревает и может находиться в таком подготовленном состоянии неопределенно долго. Оно становится нечувствительным к внешним воздействиям.

— К чему оно подготовлено? Что происходит дальше?

— Вы нетерпеливы... Со стороны это все выглядит, наверно, чрезвычайно интересно...

— Доктору не удалось скрыть горечи в этой реплике, и больше Ротанов не перебивал его до самого конца.

— Когда яйцо созрело, оно, как я уже сказал, полностью подготовлено для вторичного контакта с люссом. Если он произойдет, вещество люсса, взаимодействуя с веществом яйца, начинает уплотняться и видоизменяться. Информация, заложенная в яйце, становится основополагающей во вновь образующейся структуре. Примерно через два часа возникает образование, которое мы называли синглитом... Раньше его называли проще и понятней — копией. И это название было неверно, потому что никакая это не копия. Даже внешне

возникший объект никогда не похож на человека, с которого была снята первоначальная информация, к тому же очень часто образование расслаивается. Вещества, содержащегося в самом люссе, чаще всего больше, чем нужно для создания одного объекта, и тогда возникают четыре, пять, до десяти...

Доктор снова надолго замолчал.

— ...Синглит не является копией и по своей внутренней структуре. У него отсутствует, например, система кровообращения, пищеварения. Энергоснабжение ведется через кожу, в отличие от люсса, непосредственно солнечной радиацией. Синглит скорее видоизмененный люсс, чем копия человека. Вещество люсса фактически не меняется, изменяется только его организация, строение...

Ротанову хотелось понять другое, то, о чем доктор упорно избегал говорить. Что происходит с человеческим интеллектом, с разумом, насколько сохраняется во вновь возникшем существе человеческая личность? И что оно собой представляет: мыслящую модель человека, нечто вроде биологического робота или что-то гораздо более сложное?.. Обладает ли синглит психикой, памятью... Может ли он чувствовать боль, радость, страдание?

На некоторые из этих вопросов он мог бы ответить сам, на основании собственного опыта, ответить утвердительно, со всеми выводами и последствиями...

Ротанов поднялся. Крепко пожал доктору руку.

— Спасибо. Мне нужно подумать. Встретимся на совете.

— Вы уверены, что этого достаточно? Что вы правильно все поняли?

— Я ведь был в городе... Насколько я знаю, до меня мало кому удавался непосредственный контакт. А если и удавался, так через прорезь прицела не так уж много можно увидеть.

— Вы несправедливы...

— Возможно. Потому и сказал, что мне нужно подумать.

На этот раз совет собрался точно в назначенное время. Не было только Филина. Даже председатель, два последних дня не отходивший от постели больной дочери, сидел на своем месте. Он еще больше осунулся и постарел за эти два дня, чувствовалось, что присутствие на совете стоило ему немалых сил.

Инженер начал с обычного отчета о положении дел. Все это было давно известно присутствующим и говорилось для Ротанова, но тот неожиданно для всех прервал инженера и попросил перейти к утверждению программы мероприятий на ближайший месяц. Сразу же вышла заминка. Инженер не подготовился для решительной атаки, не хотел немедленно раскрывать все карты. Сказал, что программа не может рассматриваться без учета того, что предложит Земля. Все повернулись к Ротанову.

— Конечно, я имею в виду не то, что вы можете предложить нам через пятьдесят лет, когда придет очередной корабль. Нас интересует, что вы можете предложить сегодня, в крайнем случае завтра, — закончил инженер свое выступление.

И тогда поднялся Ротанов. Он решил, что скажет им все, еще раньше, до выступления инженера. Скрывать и дальше открытие, с которым он прилетел сюда, не имело смысла. Здесь он был среди людей, на чью помощь и поддержку рассчитывала Земля, отправляя его в этот опасный экспериментальный полет, и поэтому, помедлив еще секунду, он начал рассказ о пространственном двигателе.

Сообщение о том, что расстояние в пятьдесят световых лет больше не является проблемой, поразило их как гром. Доктору показалось, что он ослышался, чего-то не понял. Все смешалось, все вскочили с мест, что-то одновременно кричали. Он видел, как толстый непроницаемый и невозмутимый заведующий отделом заготовок вдруг заплакал и не скрывал своих слез, как инженер сорвал очки и уставился на Ротанова. В это мгновение было сметено все, что их разделяло, потому что неожиданно, на секунду, они поверили в то, что их маленькая колония вдруг перестала быть островом, обреченной крепостью, а

превратилась в форпост человечества. Они не могли сразу осмыслить всей громадности этого события, но, как только установилась тишина, как только вернулась способность рассуждать трезво, сразу же сам собой выпал из общего молчания основной, главный вопрос — где же они, корабли Земли? Чего они ждут?

И Ротанов ответил:

— Все теперь зависит от нас самих. Во время пространственного перехода полностью разрушается компьютер, и вся электроника в остальных механизмах корабля. Пробиваются переходы всех транзисторов, диодов, выходят из строя от воздействия мощных полей все микросхемы. Как только мы сможем оснастить прибывший корабль новым управляющим блоком, переход Земля

— Альфа станет немногим сложнее поездки в соседний город.

Тишина после этих слов показала, как сильно было разочарование только что получивших надежду людей.

— Иными словами, вы сами не можете вернуться и на новые корабли рассчитывать пока не приходится, — подвел итог инженер.

— Не совсем так, — возразил Ротанов. — В принципе я могу вернуться, и корабли могут быть здесь уже через месяц. Нужен всего лишь компьютер!

— Ну да, всего лишь компьютер... — с горькой иронией подхватил инженер. — Всего лишь корабельный компьютер с его сложнейшей программой! Да где вы найдете здесь специалистов, способных рассчитать межзвездные трассы? И не просто рассчитать, но и перевести эти расчеты в программный машинный язык! Где вы собираетесь делать этот компьютер? На нашем заводике? Так там водопроводные трубы не могут выпустить второй год!

— Есть ведь и в городе заводы.

— Их еще надо захватить! И даже если захватим, кто там будет работать? У нас нет техников, не говоря уже о мастерах и программистах этих автоматических комплексов!

— Конечно, их нет, откуда им быть, если все эти годы вы обучали своих людей одной-единственной специальности!

Наверно, Ротанов не сразу понял, какую сделал ошибку. Тишина, повисшая теперь, была полна отчуждения, почти враждебности. Что он мог знать о том, как они здесь жили все эти годы, какое право имел судить их? Ну да, у них осталась одна-единственная специальность... Словно они этого хотели, словно у них был выбор! Ничего не было сказано. Члены совета молча смотрели на Ротанова.

Он попытался исправить ошибку.

— Я ни в чем не хочу упрекнуть вас. Знаю, что не от вас зависело положение, которое сложилось сегодня. Знаю, что люссы напали первыми и что вы должны защищаться. Но теперь на нас лежит ответственность не только за наши собственные жизни и за жизни ваших близких, теперь мы отвечаем перед Землей за судьбу базы на этой планете, за принципиальную возможность идти отсюда дальше к другим звездам! Поэтому так важен этот компьютер и производственный комплекс, способный его создать. Давайте вместе об этом думать, это сейчас главное, только это! Все остальное, все ваши проблемы решатся, если удастся наладить регулярное сообщение с Землей.

Ему не удалось убедить их. Они остались холодны и равнодушны к его призывам. Теперь он был для них чужим. Они не верили уже ни в этот компьютер, ни в сам переход, ни в скорую помощь Земли. Все его обещания превратились в пустые фразы. Он, как детям, подарил им красивую коробку, внутри которой они не нашли ничего и не смогли ему этого простить.

— Все это прекрасно, — сказал председатель. — Давайте все же перейдем к текущим делам. Нам нужно решить вопрос с энергией, потому что иначе защитные комплексы встанут посреди зимы.

— В этот раз мы не сможем обеспечить полный запас. Нужно идти на дневную сторону и там переждать зиму. — Они уже не обращали внимание на Ротанова, целиком уйдя в

обсуждение своих насущных проблем. И он больше не пытался изменить ход совещания. Не вмешивался, не вставлял реплик, только внимательно, нахмурившись, слушал каждого выступавшего и делал в блокноте какие-то пометки.

Доктору казалось, что инженер выходит из всей этой неразберихи окончательным победителем. Если ему удастся настоять на походе, они лишатся последней стационарной базы, и все руководство автоматически перейдет к нему в руки, они целиком попадут в зависимость от отрядов охотников и превратятся в кочующее дикое племя... Это будет началом конца... Доктор не пытался возражать, он понимал, в первую очередь такое решение автоматически покончит с научным отделом и с другими жалкими остатками их «цивилизованности», но он устал бороться в одиночку. На серьезную поддержку со стороны председателя рассчитывать сейчас не приходилось, он слишком потрясен несчастьем с Анной. Оставалось проголосовать за поход, а поскольку все, кроме доктора и Ротанова, высказались именно за это, в результате голосования не приходилось сомневаться.

И вдруг, когда инженер поставил вопрос на голосование, снова поднялся Ротанов. Он заговорил очень спокойно, с какой-то скрытой иронией и, наверно, именно поэтому снова заставил себя слушать.

— Поход — это прекрасно. Кочевые племена на Земле охотились на медведей. Здесь, правда, нет медведей. Но можно обойтись растительной пищей и носить шкуры каких-нибудь других животных. Главное не в этом. Энергии у нас больше чем достаточно. Хватит лет на десять не только для того, чтобы снабдить ваши комплексы. Вы могли бы этой энергией залить сорок таких городов, как тот, что уже потеряли.

— О чем вы говорите? — В тоне инженера впервые прозвучали металлические враждебные ноты.

— О корабле, на котором сюда прилетел. Его энергетические установки в полном порядке. И нет никакой нужды в кочевых экспедициях. Нужно лишь вернуть корабль. Он стоит в стороне от города, вряд ли за такое короткое время синглиты смогли там организовать серьезную оборону. Надеюсь, с этой операцией ваши отряды справятся?

— Он очень большой, будто железная гора упала с неба. Я не думал, что он может быть таким огромным.

— Рон не видел корабля раньше. Первый раз это всегда так. Человек просто не может опомниться. Мы все слышали или читали про него, но чтобы он стоял вот так, совсем рядом...

Ротанов молча кивнул. Для него корабль был обыкновенной машиной. Массой хорошо сработанного металла, за которую придется теперь отдать немало жизней. Шесть человек вместе с ним плотно сидели в открытой кабине роллера.

С опушки, густо заросшей кустами, открывался хороший обзор. Металлическая мачта корабля торчала посреди выжженной при посадке поляны. Теперь опаленная земля начала зарастать низкой травой. Не видно было ни малейшего движения внутри этого пустого километрового кольца травы. Никаких укреплений, никаких построек. Вообще ничего постороннего. Если и была охрана, то укрытия глубоко зарыли в землю и тщательно замаскировали. Еще хуже, если их ждали внутри корабля. Внешнюю силиконовую броню не смогут пробить ни излучатели, ни тепловые пистолеты.

Операция началась на рассвете, но теперь солнце стояло уже высоко, заливая все вокруг липким влажным зноем. Сигнала все не было. Ротанов оторвал бинокль от уставших глаз и посмотрел на часы.

До контрольного времени оставалось полчаса. Только когда охотники перекроют подступы к кораблю, окружат его со всех сторон, перережут дороги, идущие к городу, придет сигнал, и их маленькая группа захвата вступит в дело.

Невооруженному глазу громада корабля на фоне рыжих холмов представлялась чем-то неживым, посторонним и нереальным. Его нижняя часть в слое разогретого воздуха слегка изгибалась, словно корабль был всего лишь миражем... Стоило сесть на сорок километров

южнее, и все сложилось бы иначе... Но его привлекал город, город, давно утраченный людьми. Конечно, он не мог ничего предвидеть. И теперь вот его первое решение в качестве инспектора Земли привело их всех на эту поляну.

Ротанов думал о том, что предстоящий бой не будет походить на инсценировку, с которой столкнулся отряд инженера по дороге на базу. Из рассказов охотников он уже знал, что, когда нужно, синглиты умеют за себя постоять, они отличные бойцы, не знающие страха, и прекрасно понимают, что может означать для колонии корабль.

Рубашка прилипла к телу. Душно. Даже дышать трудно. В тягучем ожидании, казалось, остановилось само время. Ни шороха... Ни выстрела...

— Что они там, вымерли? Где же ракета?

Ему никто не ответил. Тишина словно придавила лес. Ничто не выдавало присутствия сотен людей, затаившихся в редких зарослях. Инженер бросил на эту операцию все силы, которыми располагала колония. «...Чересчур щедро. И чересчур охотно ухватился он за предложение захватить корабль».

Ротанов почувствовал еще раньше, что этот человек ведет хитрую, сложную и пока не совсем понятную игру. Он и не собирался разбираться во всех ее тонкостях. Если они захватят корабль, положение в колонии сразу изменится, он сумеет покончить со всеми хитростями инженера и сделает все, чтобы прекратить эти бессмысленные стычки, которые, похоже, нравятся инженеру... Ну, не то чтобы нравятся, скорее в них он видит самоцель, словно мирная жизнь потеряла для этого человека всякий смысл.

Ротанов плохо представлял, каким именно способом удастся прекратить эту долгую, вьющуюся во все дела и мысли колонистов войну. Но твердо знал, что сделает для этого все, что сможет.

Ракета вспыхнула на дневном небе маленьким тусклым шариком. Вспыхнула тогда, когда ее уже перестали ждать.

Этот первый сигнал к ним еще не имел непосредственного отношения, он лишь означал, что дороги наконец перекрыты и три отряда охотников могут начинать атаку, расчищая дорогу их группе для последнего броска. Несколько секунд над опушкой все еще висела тишина. Потом долетел многоголосый, усиленный эхом крик. Ротанов видел, как десятки людей поднялись во весь рост и бросились к кораблю. Они бежали сразу с трех сторон, на ходу стреляя из лучеметов. Вокруг корабля плясали маленькие с такого расстояния фонтаны земли. Вспыхивали игрушечные шарики тепловых разрывов. А корабль словно вымер. Ни одного выстрела, ни малейшего движения на всей огромной поляне, по которой бежали люди... Вот уже второй раз на его глазах бой превратился в непонятный фарс, словно противник задался целью всего лишь поиздеваться над всеми усилиями людей. Не могли же они без боя отдать корабль! Должны же были синглиты понимать хотя бы, каким мощным оружием может оказаться корабль!

В чем-то он просчитался, и этот его просчет грозил обернуться бедой, потому что бой в обстановке, в которой не все понимаешь, это уже наполовину проигранный бой... А люди все бежали. Им оставалось сорок театров до корабля, тридцать, двадцать... Постепенно замедлялся темп атаки. Никто уже не стрелял. Опустив оружие, они медленно, даже не пригибаясь, шли к кораблю. Все. Теперь они стояли вокруг плотным кольцом, и достаточно было включить двигатели...

— Вперед! — крикнул Ротанов. Но водитель лишь недоуменно посмотрел на него. Все еще не было условленной для их атаки второй ракеты. — Вперед, немедленно к кораблю!

Наконец водитель подчинился приказу. Роллер сорвался с места и понесся на предельной скорости. Машина раскачивалась, перепрыгивая через кусты и неровности почвы, двигатель рычал на предельных оборотах, но Ротанов понимал, что это не поможет, потому что из корабля противник отлично мог видеть, что происходило вокруг.

Они дождутся, когда роллер подойдет ближе, и тогда уничтожат всех сразу... Секунды растянулись как в замедленной киносъемке. Роллер полз словно большое жужжащее насекомое. «Вот сейчас, самое время...» И ничего не случилось. Ничего. Они остановились.

Их окружили люди. Кто-то спрашивал, почему не дождались сигнала, водитель что-то объяснял инженеру... Ротанов смотрел на корабль. Смотрел не отрываясь. Он все еще ждал огненного всплеска двигателей и вдруг понял, что его не будет. Не будет, как не было выстрелов, трупов вокруг корабля. словно синглиты лишь играли в войну, которую люди вели так серьезно и обстоятельно.

Подчиняясь приказам, отряды медленно начали отходить от молчаливого, точно присевшего перед прыжком корабля. По просьбе Ротанова отошли все три отряда. Осталась только группа захвата — всего пять человек. И они теперь стояли один на один с этим металлическим чужим зверем, в который превратился корабль в результате их странной атаки и долгого, изнурительного ожидания. Что-то должны были им здесь приготовить. Что-нибудь достаточно неожиданное... «Мины, засаду, ловушки? Нет. Это все из арсенала нашей войны, которую ведем мы, люди. Они наверняка приготовят что-нибудь свое, то, чего мы не можем предвидеть и ждать. И нужно идти навстречу неизвестности».

Дверь шлюзовой камеры оказалась открытой, словно их любезно приглашали войти. До нее было метров десять, потом начиналось мертвое пространство, где им уже не страшны будут двигатели. Ротанов шел эти десять метров медленно, осторожно и слышал за собой тяжелое дыхание пяти человек. Ничего не случилось. Они вошли внутрь шлюзовой камеры. Ротанов чувствовал вместо радости какое-то глухое раздражение. Наверно, оттого, что вместо схватки, победы или поражения он превратился в пешку. В простую пешку в игре, правила которой ему были неизвестны.

Если так будет продолжаться до самой рубки, он все же уравнивает шансы. Вряд ли они смогли изучить корабль за короткий срок так, как знает его он сам. И если они позволят захватить управляющую рубку... «А что, если они вообще не собирались защищать корабль? Не считали его своим?» Это было слишком неправдоподобно. Таких подарков не делают во время Войны. И тем не менее они беспрепятственно вошли в рубку. Последние метры по коридору перед дверью рубки они бежали и теперь, задыхаясь, стояли на пороге пустого помещения. Даже дверь не была заблокирована. Кресло перед управляющим пультом чуть развернуто влево к выходу. Именно так он оставил его неделю назад, когда покидал корабль. Да, всего лишь неделю... На приборах толстый слой пыли. Их будто старались убедить в том, что здесь вообще не было посторонних. Никто не собирался захватывать корабль, оборонять его. словно они не знали, что двигатели главного хода в одну секунду могут смести с лица планеты остатки города или испарить целое море... словно они не понимали, какой грозной и опасной машиной может стать корабль, если его использовать для войны...

Он сел в кресло и секунду сидел неподвижно, стараясь умирить бешеный ход сердца. Потом руки сами собой потянулись к управляющей панели. вспыхнуло аварийное освещение приборов, щелкнули страховочные ремни. Правая рука привычно легла на плоскую граненую рукоятку главного выключателя реактора. Возможно, его остановил скрип двери за спиной или мысль о том, что все идет слишком уж просто даже для той неизвестной игры, которую ему навязали. Он чувствовал себя так, словно шел по шаткому мосту через пропасть. Шел с завязанными глазами. Но эта дорога касается только его одного. Собственные ошибки надо исправлять самому, он не имеет права рисковать чужими жизнями и обязан предвидеть самую невозможную ситуацию. Например, синглитам могло показаться заманчивым сделать так, чтобы он сам взорвал корабль, своими руками. Технически это не так уж сложно, достаточно отключить магнитную рубашку реактора...

Как бы там ни было, прежде всего он должен остаться на корабле один и осмотреть все, что может осмотреть человек в этом металлическом лабиринте. Никто ему в этом не поможет. Он один знает корабль и один будет отвечать перед Землей за все, что здесь случится.

Он и сам не знал, что именно нужно искать в бесчисленных помещениях корабля, забитых техникой, предназначенной Землей для колонистов. Отсеки, в которых он ни разу не был с самого старта, встречали его запахом плесени и промозглой сырости. Вентиляция не работала с того дня, когда отказала автоматика, и механизмы, заполнявшие отсеки, уже

начали покрываться ржавчиной.

Проверил машинное отделение, отсек реакторов, штурманскую рубку и не смог найти никаких следов... Ничего постороннего. Часа через четыре, совершенно измученный, он добрался до своей каюты. Швырнул в мусоропровод грязную изодранную одежду и прошел в душ. Стоя в облаке горячих брызг, со всех сторон упругой волной обдававших тело, он думал о том, что с него, пожалуй, хватит крысиной возни. Сейчас он оденется, пройдет в рубку, включит реактор и начнет обычную стартовую процедуру. В конце концов, он придет именно к этому, не хватит и десятка лет, чтобы одному человеку осмотреть корабль достаточно детально. Если здесь и спрятано что-то чужое, ему придется познакомиться с этим по ходу дела...

Рука медленно, миллиметр за миллиметром сдвигала рукоятку включения реактора. Послышался знакомый щелчок, затем толчок, и по стенам переборки волной прошла вибрация. Низкий гул под ногами рубки означал, что реакция освобождения нейтронов началась. Вспыхнули огоньки на приборной панели, качнулись стрелки приборов. Реактор входил в рабочий режим... Ротанов вытер пот, заливавший глаза, и чуть тронул стартовую рукоятку, проверяя, пойдет ли топливо к планетарным двигателям. Оно пошло. Корабль мелко задрожал. Он увеличил подачу топлива и включил двигатели. Сейчас внизу бушевало зеленое пламя, сжигая все вокруг. Захотел увидеть, как это выглядит. Потянулся к тумблеру оптического перископа, но и после щелчка линзы остались матово-серыми. Это был первый сюрприз. Не работала оптика. Корабль ослеп. Совершенно машинально он повернул тумблер выключателя локаторов, хотя отлично помнил, что они не работали с того момента, как отказала вся электроника. На стенах рубки мягко вспыхнули голубоватым светом четыре глубоких овала. Это было так неожиданно, что ой отдернул руки от рычагов управления, но почти сразу его вдавило в кресло, а на оживших экранах уже проступило изображение. Он увидел, как пламя внизу под кораблем сузилось, набрало силу и поверхность планеты медленно пошла вниз, словно корабль проснулся, обрел собственную волю и выходил теперь на свой, одному ему известный курс. На приборной панели вспыхнуло табло, предупреждавшее пилота о включенной автоматике.

На корабле не было никакой автоматики! «То есть ее раньше не было», — тут же поправил он себя и, уже ничему не удивляясь, рванул рукоятку, отключавшую автоматику. Рукоятка шла ровно, без всякого сопротивления, и он уже знал, что это бесполезно. Так просто ему не удастся подчинить себе вышедшую из повиновения машину. Начался тот самый поединок, без выстрелов и погонь, которого он ждал с самого начала. Поединок, в котором выиграет тот, кто быстрее разберется в обстановке, на мгновение раньше найдет правильное решение...

Значит, в компьютере появилась новая программа? Но для этого ям пришлось бы восстановить заново весь компьютер... Нужны десятки специалистов, сотни сложнейших машин... Даже на Земле создание корабельного компьютера требовало не меньше месяца, что-то здесь было другое... Но корабль, словно опровергая все его доводы, продолжал набирать высоту и медленно поворачивал влево, в сторону от центральной базы...

Он чувствовал по изменившемуся режиму двигателей, по тяжести, вдавившей в кресло, что перегрузка достигала уже четырех единиц и встать с кресла будет теперь непросто. Неожиданный толчок двигателей может швырнуть его на пол. И все же вставать придется. Только так он сможет добраться до этого проклятого компьютера, осмотреть который ему не пришло в голову. Слишком хорошо он помнил, что там не было ничего, кроме сгоревших при переходе блоков...

Он вставал медленно, как боксер на ринге, только что получивший нокаут. Шаг, еще шаг. Ноги точно налились свинцом, подгибаются колени. Корабль продолжает набирать скорость: пять «же», шесть... Хорошо, что плавно, с этим он еще может справиться, только бы не было резких толчков... Вот наконец перед ним стена рубки. За ней панель компьютера, его внутренности. Чтобы снять панель, нужно отвернуть четыре винта. Совсем простая задача. Вот только нужна отвертка... Еще несколько секунд, а взбесившийся корабль

продолжал набирать скорость, пер вверх на полной мощности планетарных двигателей. Последние два винта он не стал отворачивать, просто рванул панель на себя и сломал край обшивки.

Четыре светлых небольших куба сразу бросились в глаза. Они притаились среди зеленых блоков компьютера. Словно четыре инородных чужих блока. Их даже не посчитали нужным замаскировать, окрасить под цвет остальных ячеек. Были уверены, что он не полезет в компьютер? Нет, скорее всего где-то есть дублеры... Даже если он найдет способ справиться с этими, включатся резервные... А кстати, как с ними справиться, отверткой? Нужен инструмент, что-нибудь солидное, плазменный резак, например, но он в другом отсеке. При шести «же» уйдет не меньше двух минут, и тогда уже, может быть, будет поздно. Корабль выйдет на курс, отключит двигатели. Неизвестно, включатся ли они снова...

Нужно что-то придумать немедленно, сейчас. Придумать, а не бегать по отсекам. Плазменным резаком он с ними не справится, он чувствовал, что грубые методы будут в этом поединке так же бесполезны, как бесполезны оказались лучеметы и все другое оружие еще в начале атаки.

Сколько у него времени? Корабль пробьет атмосферу минуты через две, если режим разгона не изменится. И потом скорее всего начнет разворот. К тому времени он должен быть в кресле. Каждая проигранная секунда вела его и корабль к неизвестной цели, которую уготовили его противники.

Какое-то время ему казалось, что выхода нет, что он не успеет ничего придумать, что он проиграл и корабль никогда не вернется к людям... Четыре пластмассовых ящичка его доконали... Вдруг он подумал, что они маленькие... Ничтожно маленькие по сравнению с тысячей блоков компьютера, заполнявших всю поверхность ниши за переборкой. Как же они сумели втиснуть в такой объем сложнейшую программу управления кораблем? И вдруг он вспомнил, что автоматика включалась только после того, как он случайно повернул рукоятку локаторов... Тут что-то было, какая-то связь. Автоматика и локаторы... Антенны! Ну, конечно, антенны! Как он сразу не догадался! Нет там никакой программы. Приемник команд, вот что там такое! Кораблем управляют снаружи. А раз так, то корпус должен быть надежным экраном, и если отключить антенны... Он бросился к креслу. Вряд ли его неуклюжие движения под прессом перегрузок походили на бросок. Все же через несколько секунд он втиснулся в кресло, застегнул страховочные ремни. Трудно было предугадать, как поведет себя корабль после отключения антенны. Сможет ли он им управлять? И что они предпримут в ответ?

Щелкнул тумблер, погасли экраны локаторов... И ничего не случилось. Наверное, им потребуется какое-то время для того, чтобы понять, что произошло, и принять новое решение. Этим надо воспользоваться... Он осторожно, буквально по миллиметру потянул на себя рукоятку ручного управления. Корабль слушался! Теперь слушался! Он тут же включил боковые двигатели и сразу до отказа повернул рули, заваливая корабль на бок, настолько круто, насколько могли выдержать перегрузочные амортизаторы и он сам. Его прижало к креслу, мысленно он видел, как нос машины очерчивает в пространстве пологую кривую параболу, постепенно возвращавшую его к планете. Уже через несколько секунд он начнет снижаться, но сейчас скорость корабля упала, и для них это самое удобное время что-нибудь предпринять... Чего они ждут?

И тут он понял. Для того чтобы сориентироваться, чтобы правильно закончить маневр и хоть приблизительно направить машину в нужное место, ему придется хотя бы на секунду включить локаторы, не зря его лишили оптики. Этим они и воспользуются.

Выбора у него не было. Как только на альтиметре появилась цифра восемь тысяч метров, он переключил двигатели и бросил корабль вниз к поверхности планеты по крутой траектории с такой перегрузкой, что в глазах потемнело. Исправлять курс, доворачивать он будет потом, у самой поверхности. Им потребуются считанные секунды, чтобы рассчитать его маневр. Как только они поймут, последует немедленная атака, потому что иначе они вообще не успеют. Он взглянул на секундомер. Вое, больше медлить нельзя. Он вырубил

двигатели и включил сразу все локаторы. Прежде чем экраны прогрелись, корабль содрогнулся от серии взрывов.

Вокруг него в пространстве лопались металлические хлопушки ракет. Ротанов почувствовал удовлетворение, потому что это означало, что они растерялись, не смогли выдержать до конца правила игры, которые сами же предложили, не сумели достичь неизвестной ему цели, ради которой и была затеяна вся эта сложная инсценировка. Теперь они пытались попросту уничтожить корабль и тем самым признавали свое поражение.

«Ну, это мы еще посмотрим... Противометеорная защита ближнего действия работает без локаторов, так что прямые попадания мне не грозят, только и для них это, конечно, не секрет. Сейчас они двинут чем-нибудь посолидней».

Экраны наконец прогрелись, и он увидел стремительно приближавшуюся поверхность планеты. Маневр был рассчитан правильно. Ему нужно выиграть еще минуту, не больше, потом им придется бить по поверхности планеты. Вряд ли они рискнут применить там что-нибудь действительно мощное, а обычные ракеты ему не страшны. Так что они постараются врезать ему именно сейчас в эти самые считанные секунды. Нельзя терять из виду ни одного экрана. Снизу идут обычные ракеты, целых пять. Эти не страшны. Вон она... Сверху... Эту хорошо бы перехватить на дальних подступах... Он толкнул плечом турель противометеорной пушки и нажал педаль. Экраны горели ровным, немигающим светом. Выстрела не последовало... Тогда вниз еще круче, это все, что ему остается... Двигатели не включаются!.. К черту локаторы! Ничего с ним не случится, если он не увидит, как врежет по нему эта штука... Вот так, теперь двигатели включились! Пожалуй, достаточно, импульс был сильным. Придется снова включать локаторы...

Он включил их ровно на одну секунду. За эту секунду он успел убедиться в том, что идущая на него сверху ракета проскочит над кораблем. Даже если она с самонаведением, не успеет скорректироваться, слишком велика у нее масса, и только потом, развернувшись, снова пойдет на корабль. Но тогда уже будет поздно, он успеет приземлиться... Прежде чем он выключил локаторы, двигатели дали дополнительный импульс без всякого его участия. Теперь он не знал, сможет ли затормозить. И даже если успеет погасить лишнюю скорость, сесть без локаторов невозможно. А стоит их включить, управление полностью выходит из-под его контроля... Похоже, они все же его прижали... Он закрыл глаза, чтобы не отвлекаться, и вызвал в памяти изображение поверхности планеты, виденное на экране секунду назад. Мысленно он как бы продолжил ее движение, сам себе пытаясь заменить локатор... Вот! Именно в это мгновение темное пятно радиусом в несколько километров должно было заполнить весь носовой экран. Он толкнул вперед сразу оба тумблера носовых двигателей. Разворачиваться для посадки кормой вперед уже не было времени. Двигатели взревели, и почти в то же мгновение корабль содрогнулся от страшного удара по корме, пробившего поле противометеорной защиты. На секунду он, кажется, потерял сознание, но даже не заметил этого, потому что, прежде чем корабль завалился на правый бок, он успел его выровнять коротким ударом боковых двигателей и еще раз принял всю массу корабля на носовые, сам удивляясь тому, что они еще работали и держали машину корабля на своем огненном столбе. Секунду он висел неподвижно неизвестно на какой высоте, потому что альтиметр как будто взбесился после того удара. С отчаянием он понял, что это последняя секунда, что больше ему не справиться с машиной, не удержать равновесия.

И тогда он плавно потянул на себя рукоятку остановки реактора, миллиметр за миллиметром подтягивая ее к себе, почти физически ощущая, как падает мощность, уменьшается тяга носовых и все ближе, ближе невидимая поверхность планеты. Выбросив носовые опоры, рванул красную рукоятку аварийной посадки. Почти сразу по бокам хлопнули четыре пиропатрона, открывая дюзы резервных двигателей разового действия.

Они выровняли раскачивающийся корабль, повели его вниз. Но их действия хватит на сто метров, и если он просчитался, если до поверхности окажется чуть больше этого расстояния, то корабль всей массой навалится на опоры, сомнет их и рухнет набок... Даже десяти метров будет достаточно, чтобы превратить машину в грудку металлолома. Но почти

сразу он почувствовал мягкий толчок, двигатели отключились автоматически, как только опоры коснулись поверхности, и все стихло. Еще секунду-другую скрипели амортизаторы, легкая дрожь пробегала по переборкам, потом смолкла и она. Корабль прочно стоял на опорах, и, значит, ему удалась эта немыслимая слепая посадка на искалеченном корабле. Он подождал еще секунд десять, ожидая продолжения обстрела. Взрывов больше не было.

Когда Ротанов распахнул дверь входного шлюза, лес вокруг корабля горел. Он горел как-то нехотя, чадающим красноватым пламенем. Странно выглядел с высоты сорока метров этот горящий под ногами лес. Деревья прикрывали только опоры, вся остальная громада корабля вздымалась высоко над ними и была отличной мишенью. Чего они ждут, почему не стреляют? Тишина, нарушаемая только треском пожара, показалась ему оглушительной. Пожалуй, нет им резона стрелять... Если он просчитался и посадил корабль далеко от базы, они доберутся до него первыми и попытаются захватить корабль, а не разрушать его. Надо готовиться к встрече...

Задрав голову, он осмотрел корму, принявшую на себя тот единственный, прорвавшийся сквозь защиту удар. Сильно помятое хвостовое оперение, возможно, смещены кормовые дюзы. Это все мелочи. Главное — уцелел пространственный реактор... Защита заставила ракету взорваться в стороне от корабля и приняла на себя основной удар.

Пожар постепенно стихал. Чужой лес горел молча и глушил огонь в лохмотьях жирного черного дыма. С востока в пожаре уже появились просветы, похоже, через час-другой огонь вообще сойдет на нет. Но все же вокруг корабля выгорело достаточное пространство, и никто не сможет перейти его незаметно.

Занятый проверкой немногих оставшихся в его распоряжении сторожевых и защитных систем, не связанных с центральным компьютером, Ротанов не переставал думать о том, зачем синглитам понадобилась такая сложная и хитрая процедура. Может, они хотели заставить его запустить пространственный конвертер? Это, пожалуй, всего вероятней. Ведь они незнакомы с принципом пространственного перехода, и конвертер наверняка показался им бессмысленной трубой. Они хотели узнать, для чего служит этот неизвестный механизм. Это была не такая уж нелепая попытка, они не могли знать, что конвертер включается только на околосветовых скоростях в глубоком космосе... Вряд ли он поймет истинные причины, которыми они руководствовались, важно то, что он выиграл поединок, посадил корабль. Теперь все зависело от колонистов. Если бы только их отряды подошли первыми! Может быть, удастся не устраивать здесь баталии, а поднять корабль, например, ночью и отвести его к базе.

Наверно, от дыма пожара Альфа казалась фиолетовой, почти красной. Она уже касалась горизонта, когда он заметил движение на дальних подступах к кораблю. По тому, как свободно, не прячась, шли люди, он почти сразу догадался, что это отряд колонистов.

Они радовались кораблю, как дети новой большой игрушке. Разошлись по всем отсекам, разглядывали каждый механизм. Пришлось временно перекрыть управляющие отсеки и все другие помещения, где незнакомые с устройством корабля люди могли попасть в опасную ситуацию. Он едва успевал отвечать на расспросы. Когда немного утихла радость от благополучного исхода сложной операции, стали думать, что делать дальше.

Охотники захватили на окраине города три ракетные установки, обстрелявшие его корабль, и вывели их из строя. Но могли быть другие, еще неизвестные разведчикам. Поэтому решили подниматься с наступлением полной темноты. До базы оставалось всего десять километров. Ротанов надеялся выполнить этот последний подскок с включенными локаторами.

По сведениям охотников, с наступлением темноты всякая деятельность синглитов прекращалась. Это было как-то связано с их биологией, и в этом еще предстояло разобраться, сейчас же важно другое: управляющие передатчики синглитов не смогут помешать. Ночью страшны только люссы, но ни один люсс не сможет пробиться сквозь поле корабельной защиты.

Через час после наступления темноты корабль плавно опустился на площадку совета

около основной базы колонии.

Это было немыслимо! Ротанов отбросил очередной блок. Он сидел перед большим чертежом. Линии прыгали перед глазами. Десятый день он сидит на площадке перед кораблем, стараясь разобраться хотя бы в основном принципе, на котором работала чужая аппаратура, набитая в четыре пластмассовых куба. Примерно девятьсот контактных точек обнаружил он на поверхности. От них вглубь уходили тонкие, как волос, проводники. На экране электронного искателя он мог просматривать все содержимое блока слой за слоем, хоть на молекулярном уровне и все равно ничего не мог понять. Там не было ни одного активного элемента. Ничто не усиливало электрический ток, никуда не подходило питание, и все-таки ток был внутри этой сумасшедшей схемы. Целые потоки электронов шли в различных направлениях, усиливались, ослаблялись, словно бы сами собой, по щучьему велению, меняли направление движения... Мало того, вся схема этого чертового куба не была постоянной. Она менялась и там, где недавно были накопленные на невидимых емкостях электрические потенциалы, при следующем просмотре того же самого места он мог обнаружить все, что угодно, начиная от индуктивности и кончая односторонней проводимостью кристалла. Куб выдавал из своего непостижимого нутра все те команды для исполнительной аппаратуры корабля, которые едва не кончились катастрофой, и сейчас он тоже что-то выдавал на все свои выходные точки, дикую смесь непонятных электрических сигналов...

В этом куске кристаллической массы был ключ к основной проблеме, к возвращению домой земных кораблей... Между прочим, и его корабля тоже... Прежде чем разработать план дальнейших действий, он должен был знать, способна ли их электроника заменить земной компьютер... В том, что она способна на многое, он уже не сомневался, но ему нужно было установить порядок сложности задач, которые может разрешить один такой блок, и узнать хоть приблизительно, сколько блоков понадобится для решения задачи пространственного перехода, возможно ли принципиально решение подобных задач с помощью этой электрической абракадабры.

Два человека спускались к нему по тропинке. Он просил не беспокоить его без крайней необходимости и сейчас с раздражением смотрел на приближавшихся людей. Прежде чем они подошли, он уже взял себя в руки. Само раздражение говорило о том, что пора сделать в работе основательный перерыв.

К нему подошли доктор и председатель совета. После посадки корабля без его участия не решалось ни одно важное дело. Корабль стал как бы центром, вокруг которого сосредоточились все надежды колонии на ближайшее время. Он был еще и символом... символом Земли. Без корабля Ротанов, несмотря на все полномочия и документы, был всего лишь пилотом, и только теперь, когда высоко над зазубренной вершиной хребта вздыбились сверкающие фермы и четкие линии звездолета, он стал для них представителем Земли.

Началось обсуждение текущих дел. Заканчивалась прокладка бронированных кабелей из пещер к энергосистемам корабля, велись работы по освоению техники, привезенной им для колонии. И, хоть большинство аппаратуры вышло из строя во время перехода, все же многое сохранилось, и теперь колония располагала хорошим парком станков для литья из сверхпрочного пластика любых деталей. Можно было не беспокоиться о запасных частях для механизмов и оружия. Трудный ночной сезон впервые пройдет без особых проблем. По настоянию Ротанова заканчивалось проведение подземного хода из пещер к корабельному шлюзу. Как только он будет готов, корабль превратится на всю долгую зиму в главный форпост колонии. Корабельными энергетическими установками и силовыми полями можно будет прикрывать любые опасные участки, если только он сможет восстановить хотя бы простейшие функции корабельной электроники. Все упиралось в электронику. Без нее самый сложный организм звездолета превращался как бы в старинный паровоз, могучий, но тупой и неуклюжий. Хорошо хоть предусмотрели ручное управление главного реактора. Сколько ему пришлось за это биться! И вот теперь они располагают энергией.

Когда с делами было покончено, доктор отвел Ротанова в сторону.

— Одна моя пациентка хотела бы поговорить с вами...

— Какая пациентка? — не сразу понял Ротанов. — Неужели Анна?

— Вот уже третий день... Просила не говорить вам, ждет, что вы сами догадаетесь о ней спросить и придете...

Дорога вниз к жилым пещерам была довольно долгой. Ротанов шел рядом с доктором и думал о том, что повезло только ему да вот еще Анне. Главной проблемой, даже подходов к которой пока не видно, оставалась действенная защита от люссов.

— Как вы считаете, у нас с Анной природный иммунитет?

— Трудно что-нибудь сказать определенно, мы мало знаем о механизме воздействия люсса. То, что я вам рассказывал, это только догадки. А что касается иммунитета... Гибернизация ослабляет наследственность, а мы все потомки тех, кто много лет провел в корабле в замороженном состоянии. Первое время люди сильно болели. Часто рождались калеки. Так что не знаю, с Анной все очень сложно. Может быть, постепенно наследственность стабилизировалась, может быть, она одна из тех, кто пришел в норму.

— Вы хотите сказать, что воздействие люсса на здорового человека с неповрежденной наследственностью безвредно?

— Я не знаю. Это только предположение. Когда прилетят другие люди, можно будет сделать выводы, пока мы имеем всего два случая. Ваш и Анны. Проще всего их объяснить природным иммунитетом. Как у вас дела с электроникой, удалось в чем-нибудь разобраться?

— Нет.

— Я так и думал.

— Почему? — с интересом спросил Ротанов.

— Чужой разум, чужая логика. Чем дольше они развиваются, тем меньше в них человеческого.

— Меня в них поражает совсем не это... Вот вы говорите, чем дольше, тем меньше в них человеческого. Но возьмите ту же электронику. Ведь это творчество, доктор, и какое! То, что они создавали до сих пор все эти роллеры, механизмы, это все они взяли готовым из наших чертежей, книг — повторять могут и роботы. Только творчество — свойство разума. А вы говорите — мало в них человеческого.

— Вы меня не поняли. Разум может принадлежать не только людям. Вы же не собираетесь утверждать, что возможен лишь человеческий разум или только наша логика, наша мораль?

— Ну уж вы и о морали заговорили. Конечно, с этим невозможно спорить. Они другие.

— А знаете, почему? Надкорка, кора — это все они копируют с человека. Мало того, все, что есть в самой коре в момент снятия копии, принадлежит одной конкретной личности. Но только в момент снятия копии. Дальше все меняется, вновь созданная система динамична.

— То есть появляется свой опыт, свои воспоминания?

— Не только это. Дело в том, что подсознание у них вообще не копируется. Я подозреваю, что эту область они целиком наследуют от люссов. И все инстинкты, их способность телепатического общения — это все оттуда... В общем, возникает новая личность, и чем дальше она развивается, тем меньше похожа на первоначальную...

— Я все время думаю, что эти события — результат трагической ошибки.

Доктор с интересом посмотрел на него.

— Вы первый, от кого я это слышу. Но вам легче судить. Над вами не довлеют наши обстоятельства, наши беды.

— Возможно. Мы оставляем планету даже в том случае, если не можем ужиться с местной фауной, если возникает угроза уничтожения какого-нибудь вида, даже тогда люди предпочитают уйти, а здесь разум! Пусть даже он возник в такой странной, неожиданной форме, пусть сами люди явились причиной его возникновения...

— Гибель людей...

— Да. Простите. Но это все равно не меняет сути дела. Войну пора прекращать.
— У вас есть какой-то конкретный план?
— А как вы думаете, они способны соблюдать взятые на себя обязательства?
— То есть можно ли с ними вести дипломатические переговоры? Ну знаете, у нас это никому не приходило в голову!

— А жаль... Надо бы попробовать.
— Вряд ли они вообще поймут вас. В их представлении люди только материал для создания новых синглитов. Они предназначены на эту роль самой судьбой, может, вы и с люссами собираетесь договориться?

Ротанов ничего не ответил. Он думал о том, что они уже проиграли. Если бы не его корабль, предстоящая ночь стала бы для колонии последней.

— Где инженер?
Доктор пожал плечами.
— Последнее время я его редко вижу на базе, наверно, готовит очередную операцию.
— Без этого ему скучно, что ли?
— У него дочь погибла и жена. Я его понимаю.
— А я нет! — резко сказал Ротанов, и вдруг из охватившего его чувства возмущения и гнева неожиданно родился план. Сразу весь, целиком, со всеми деталями. Он резко остановился, так что доктор, идущий сзади, от неожиданности налетел на него.

— Что случилось?
— Ничего. Пока ничего, но, кажется, я знаю, что делать дальше.
В палате, где лежала Анна, тихо гудел кондиционер. Сухой прохладный воздух шевелил колючую рыжую ветку, торчавшую у изголовья ее постели. Ротанов пожалел, что не догадался захватить с собой семена земных цветов. Вместо электронного хлама, который пошел на свалку, нужно было привезти горсточку семян.

Он сидел у ее изголовья и молчал. Не хотелось говорить банальные фразы, которые принято говорить больным, а других, нужных слов у него не находилось. Анна тоже долго молчала, словно понимала, что слова сейчас не нужны. Ротанов потрогал ветку, точно проверял, остры ли колючки.

— Скоро мне разрешат выйти. Я не хотела, чтобы вы приходили сюда.
— А доктор сказал, что...
— Это ему так кажется. Они все думают, что мне скучно. Но это не так, мне бывает грустно, но только оттого, что я боюсь опоздать и не увидеть солнца в эти последние дни, потом его придется ждать так долго.

— Я вам обещаю сделать подарок, когда вы выздоровеете. — Он старался не смотреть на нее, так сильно похудело и заострилось лицо девушки.

Анна улыбнулась.
— Мне все делают подарки. Вот даже инженер раздобыл где-то коробку конфет. Это большая редкость у нас. Почти реликвия...

Ротанов улыбнулся, услышав о конфетах. В плане, который он продумал, спускаясь к Анне, не хватало одной маленькой детали...

— Мой подарок будет совсем другим. Я подарю вам мир.
— Весь, целиком? — шутливо спросила Анна, словно не понимая его.
— Нет. Пока только дневную половину, но зато это будет настоящий мир, без подделки! Без войны, можно будет бегать босиком, ловить рыбу, уходить из дома в походы на десятки километров, разжигать костры... и не надо будет бояться...

— Вы шутите...
Он видел, как заледенели, расширились ее глаза, как секунды две она боролась, но все же показались слезы.

— Не надо так шутить... Это жестоко...
— Я не шучу, Аня! Я вам обещаю, чего бы это ни стоило, так и будет!
Слезы застыли у нее в глазах, а сами глазам бледном лице показались Ротанову двумя

огромными черными озерами. И вдруг она ему поверила сразу, без оглядки, как тогда у ночного костра... Что-то дрогнуло у нее в лице, она нашла его руку и сжала.

— Мне трудно представить, как это будет, Ротанов. Никто из наших не сможет даже вообразить такой жизни.

— Ничего. Постепенно привыкнут. — Он поднялся, но все никак не мог преодолеть неловкость. Оставалось еще одно небольшое дело, и он не знал, как к нему подступиться.

— Я хочу попросить вас об одолжении. Дня...

Она смотрела на него выжидательно, чуть удивленно.

— Подарите мне вашу коробку конфет. Она мне понадобится для очень важного дела...

К счастью, она ничего не спросила. Вряд ли он сумел бы объяснить, для чего ему это нужно.

8

Солнце стояло в зените, когда Ротанов миновал последний сторожевой пост и вышел на тропинку, ведущую к городу.

Труднее всего было уговорить председателя отпустить его без охраны и оружия. Он и сам понимал, насколько это опасно. Хотя синглиты стремились избегать кровопролитных стычек и без нужды не применяли оружия. Многие считали, что это происходит вовсе не из их гуманности, просто они «берегли материал», как выразился один из охотников, и, вместо того чтобы убивать пленных, оставляли их связанными в лесу, предоставляя все завершать люссам. На тех же, кого считали особо опасными, синглиты устраивали настоящую охоту и проявляли немало изобретательности. Так что на гуманность рассчитывать не стоило, скорее уж на благоразумие... Должны же они сообразить, что теперь, после угона звездолета, после восстановления связи колонии с Землей соотношение сил изменилось не в их пользу.

«Гуманность, благоразумие... Слишком много я им приписываю человеческого. Мне просто фантастически повезло в тот раз, когда я благополучно выбрался из города. Так нет, меня несет туда снова... Ну почему не дожидаться прилета Олега и не попытаться самим наладить компьютер? Сверкнет огненный глазок, вон хоть из-за этого кустика, и все на этом кончится. Радиосвязи у них нет, видите ли. Блоки для корабельных компьютеров у них есть, а связи у них нет, и нельзя предварительно ни о чем договориться. Писем они не читают, в плен не сдаются, остается выступить в качестве мишени. Нет другого выхода...»

Выход, может, и был, но он выбрал самый короткий путь, разработал план, который обещал в случае удачи покончить с войной, и не собирался от него отказываться.

«Вот вернусь на Землю, возьму годовой отпуск, и пусть провалятся все эти Альфы, Гидры, синглиты, люссы...»

Но он совершенно точно знал, что никуда отсюда не денется. Раз в жизни выпадает человеку удача наткнуться на чужих планетах на что-нибудь по-настоящему невиданное, на такое, ради чего, собственно, люди стремились к звездам... Визит к рэнитам по сравнению с этим казался ему теперь пустяковым развлечением.

Горячий ветер догнал его сзади со стороны леса и, подняв облачко пыли, понесся по дороге дальше к городу. Рыжая тропинка, рыжая трава на ее обочинах, даже ветер от пыли кажется здесь рыжим. Стрелять они определенно не собирались. Он дошел до самой окраины, так никого и не заметив, хотя наверняка миновал не один их дозорный пост.

Все заброшенные развалины выглядят одинаково, но в облике города было нечто, говорящее о том, что жизнь не окончательно покинула его руины. Наверно, это впечатление создавала белая башня, взметнувшаяся метров на пятьдесят над центральной частью города. Что у них там — локаторные станции? Труба вентиляции от подземных цехов? С исчезновением Филина колония перестала получать сведения о жизни города. Он один из всех разведчиков умел безнаказанно проникать в город.

Интересно представить, как будут выглядеть города на этой планете лет через двести. Если развитие пойдет дальше своим естественным путем без вмешательства людей, то,

пожалуй, города исчезнут вовсе. Синглитам не нужны здания, разве что для производственных цехов. Но их лучше располагать под землей. Сами же они не нуждаются в домах. И не только в домах, одежда им тоже не нужна, она мешает их коже поглощать энергию солнца, так что одежда и здания для них — атавизм, остатки прошлого. Им все равно, где жить, здесь или в лесу. И держатся они за город потому, что в нем сосредоточены их производственные ресурсы.

Как знать, не война ли явилась причиной такого бурного развития их промышленности? Нужно ли будет им производство в мирных условиях? Есть ли вещи, в которых они нуждаются по-настоящему? Даже этого люди не знают, а для успеха его плана было чрезвычайно важно определить какие-то предметы производства или технологические процессы, найти малейшую зацепку, чтобы предложить что-нибудь, с их точки зрения, стоящее, в обмен на их фантастическую электронику...

Печальный скрип и последовавший за ним грохот заставили его резко обернуться. Соседнее здание накренилось, упало несколько обломков, секунду стена колебалась в неустойчивом равновесии, да так и осталась, словно раздумала падать.

«Что-то я слишком беспечен... — подумал Ротанов. — С чего бы? Город словно вымер, но это впечатление обманчиво. Надо быть внимательней».

Первого синглита он заметил, когда прошел всю окраину. Синглит стоял у здания, похожего на замок, в котором прошлый раз была резиденция их координатора, назвавшего себя Бэргом. Похоже, это часовой. Синглит стоял у входа в здание неподвижно, положив тяжелый раструб излучателя на сгиб локтя. С виду обыкновенный парень лет двадцати, в коротких шортах и без рубахи. Когда Ротанов подошел шагов на тридцать, он уже так не думал, потому что кожа этого существа вовсе не походила на человеческую. На ней не было ни одной морщинки, ни одного волоска. Атласная ровная поверхность темного, почти шоколадного цвета, казалась искусственной, почти неприличной. Так, наверно, будет выглядеть манекен, если его без одежды поставить посреди улицы.

— Мне нужно видеть Бэрга, — четко, словно разговаривал с глухим, произнес Ротанов.

— Бэрг занят.

— Скоро ли он освободится?

Часовой молчал. Может быть, не расслышал или не желает отвечать?

— Мне подождать?

— Бэрг занят. Можете говорить со мной.

Это неожиданное предложение его не устраивало. Возможно, у них так принято и нет никакого координатора, все равно к Бэргу он привык, приготовился к беседе именно с ним и не желал решать важные вопросы стоя посреди улицы, с первым встретившимся синглитом.

— Мне нужен Бэрг.

— Бэрг занят. — Часовой даже интонации не переменил. Но Ротанову почудилась в его взгляде скрытая насмешка, и он ощутил глухое раздражение. Но тут же напомнил себе, что пришел в чужой дом и, следовательно, нужно было принимать чужие правила такими, какие они есть.

— Хорошо. Я приду позже. — Он повернулся и пошел дальше по улице, все время ощущая на спине холодок, оттого что излучатель был в боевом положении и оттого, что не знал, каким будет следующее правило.

Он прошел своей мягкой, но напряженной походкой до самого переулочка. Ни звука, ни шороха не раздалось за спиной. По-прежнему нещадно палило солнце, с него градом катился пот, когда он завернул в переулок, хотя минуту назад вовсе не ощущал жары. Нужно было сразу решить, что делать дальше, потому что самым глупым было вот так расхаживать по улицам, где за каждым углом таилась неизвестная опасность. Еще опасней было бы сейчас прятаться, потому что он пришел открыто, без оружия и не желал без нужды лишать себя этого небольшого преимущества. Часа два нужно чем-то заняться, прежде чем попытаться еще раз увидеть Бэрга.

Ротанов все еще раздумывал, что делать, когда сзади послышались шаги. Он

повернулся и стал ждать, стой так, чтобы тот, кто выйдет из-за угла, наткнулся на него неожиданно. В то же время он не прятался, просто стал вплотную к углу дома. Все его предосторожности оказались напрасными, потому что тот, кто шел по улице, отлично разгадал его маневр, словно видел сквозь стены, и остановился, не доходя до угла дома нескольких шагов.

— Ротанов! — позвал его знакомый голос. И сердце вдруг ударило быстрее всего два раза, не больше. Наверно, из-за того, что он только что думал о ней... Об этом существе, похожем на земную женщину...

Она стояла за углом, вытянувшись, словно по стойке «смирно». Он все никак не мог привыкнуть к их неестественным для человека позам.

— Зачем вы прячетесь? — спросила она.

— Я вовсе не прячусь. Услышал шаги и ждал.

— У вас есть оружие?

— Нет.

— Снимите куртку.

Ротанов послушно снял куртку. Достал из внутреннего кармана небольшой сверток и положил на землю.

— Что это?

— Это для вас. Поговорим об этом позже, можете взять сверток себе.

— Ладно. Оставьте. Мне поручено выслушать вас. Зачем вы пришли?

И опять он не знал, что ответить, потому что не хотел сложные вопросы обсуждать на ходу, посреди улицы, под дулом излучателя в сорока шагах.

«Как сильно они нас боятся и как мало знают», — с горечью подумал он, мучительно ища выхода из создавшейся нелепой ситуации.

— Неужели обязательно вот так, здесь?.. Может быть, пройдем к вам? Разговор будет долгим и непростым.

— Нет. Говорите сейчас.

— Но почему, ведь раньше...

— Раньше вы не крали у нас корабли. Теперь вы враг, но мы готовы вас выслушать. Говорите!

— Я не крал у вас корабля. Не забывайте, этот корабль не принадлежал вам, я на нем прилетел.

— Это правильно. Если бы вы улетели на этом корабле. Но вы передали его нашим врагам. Мы этого не забудем.

— Не забывайте также, что ваши враги — мои соотечественники. Но я передал им корабль не для продолжения войны. Только для обороны против нападения люссов. Я обещаю, что корабль не будет использован в войне против твоего народа! Но вслед за этим кораблем прилетят другие. Вам все равно придется рано или поздно вести переговоры с людьми. Не лучше ли начать сейчас? Зачем лишние жертвы? Планета большая, здесь хватит места и вам и людям, зачем уничтожать друг друга?

— Люди сами начали войну. Людям нравится война, а сейчас ты пытаешься нас убедить, что вы хотите мира. Я не знаю, зачем ты лжешь. Люди любят прятаться за углами и нападать из засад, не надо только считать нас простаками. Мы не верим тебе.

— Проще всего не верить... Думаешь, мне легко было убедить наших согласиться на прекращение войны? Но они согласны. Я принес вам их согласие на мир, они готовы забыть все годы войны, им нелегко это сделать, но они обещают, а люди всегда держат свое слово. Вы ведь ни разу даже не пробовали заключить с ними договор, почему бы не попытаться сейчас?

— Пусть ваши корабли прилетают. Мы сумеем подготовиться; к их приходу здесь не останется людей. Нам не о чем говорить.

Он чувствовал себя так, словно все глубже погружался в трясины. Они не понимали друг друга. Наивно было надеяться на легкий успех. Прав был доктор, предупреждая его, что

взаимопонимание невозможно. Слишком различны цели, различны критерии в оценке средств, которыми они достигаются. Все напрасно, он проиграл... Груз войны оказался тяжелее, чем он думал. Ничего не даст даже прилет Олега. Они останутся на этой планете на долгие годы, может быть, навсегда... «Ведь мы для них только средство, просто живой материал для размножения себе подобных, они даже не знают другого способа, это просто такие вампиры, разновидность люссов!..» Так ему говорили, а он не поверил... Не верил и сейчас, несмотря ни на что, дорога оказалась дольше, чем он думал, труднее... Ротанов медленно повернулся, прошел шаг, другой и обернулся снова. Она все стояла — точеная, неподвижная статуэтка.

Тогда он вернулся и протянул ей сверток, неловко зажатый под мышкой с самого начала разговора.

— Это тебе подарок. От одной земной девушки. Она любит солнце, любит разжигать костры, любит бегать по траве босиком, не знаю, можешь ли ты это понять... Однажды ты помогла мне... Я никогда этого не забуду. И все равно не позволю вам убивать друг друга, чего бы это ни стоило.

Она взяла коробку, он подавал осторожно, чтобы не коснуться ее холодных пальцев, и заметил, что на запястье у нее блеснуло что-то очень знакомое, какие-то металлические квадратики тусклого матового цвета, почти сливающиеся с кожей.

— Ротанов... Ты не должен больше приходить в город. Больше тебя не пропустят.

Он кивнул ей в знак того, что понял, и пошел прочь, уже не оглядываясь.

Филин проснулся на рассвете. Несколько секунд он тупо рассматривал куст, под которым лежал. Длинная фиолетовая пружина, вся усыпанная холодными каплями росы и ворсистыми пупырышками, раскачивалась над самым его лицом. Он точно помнил, как его несли, завернутого в сетку. Это было вечером, а сейчас утро, и он не знает, когда уснул и как оказался под этим кустом.

С зудящим жужжанием мимо пронеслась стреконожка, похожая на рогатую летающую змею. «Интересно, куда девались синглиты, которые меня схватили?»

— вяло подумал Филин. Ему совершенно не хотелось вставать и выяснять обстановку. Было приятно лежать так, лениво расслабившись, смотреть на застылый под росой куст и ждать, когда первые лучи солнца коснутся его обнаженной кожи... Эта мысль показалась странной, он чуть шевельнул рукой и убедился, что на нем, кроме коротких шорт, не было никакой одежды. Но ему совершенно не было холодно. Может быть, они бросили его здесь недавно или попросту потеряли? К чему утруждать себя сложными рассуждениями, ему хорошо и так. «Вернуться, не вернуться... Какая разница».

— «Пим», — сказал кто-то отчетливо. Он точно знал, что этот звук идет словно бы изнутри, и, лежа с закрытыми глазами, был совершенно уверен, что вокруг никого нет и нечего бояться. А сам этот звук к нему не имеет пока отношения и не будет иметь, прежде чем солнце не коснется его голодной кожи... «Кожа не бывает голодной... — возразил он себе, — ну хорошо, холодной... Зачем цепляться за какие-то пустяки?» — Очень хочется спать, он проснулся слишком рано... Нужно было подождать, пока солнце спустится пониже... Далось ему это солнце... Когда он ел последний раз? Вообще, сколько прошло времени с тех пор, как он так нелепо попался?..

«Спать, — сказал он себе. — Не нужно ни о чем думать, нужно только спать и ждать солнце». Но сон не шел. Мешала странная тревога, совершенно неуместная в таком уютном и спокойном месте. Для того чтобы покончить с ней, он решил пойти на уступки и спросил себя в упор: «В чем дело? Чего тебе надо?» И кто-то маленький внутри него, маленький и совершенно незначительный, но все же дьявольски упрямый, сказал:

«Мне надо знать, какого черта ты валяешься посреди леса голый, вместо того чтобы идти на базу, выручать пилота, и вообще, что, собственно, произошло?»

Вопрос требовал ответа, а его не было. Филин ворочал вопрос как каменную глыбу и чувствовал, что чем сильнее он хотел ясности, тем больше становилась глыба, словно тяжелая рука опускалась на лоб, глушила сознание. Тогда он рассвирепел окончательно, и

это помогло ему сесть. Солнце поднялось достаточно высоко, он лежал на самой вершине холма и заметил это только сейчас, когда приподнялся.

Теперь его голова и плечи попали в полосу солнечного света, но он не ощутил тепла. Однако гложущий голод стал его отпускать, исчезли навязчивые мысли о пище и думать становилось с каждой минутой все легче. Но вместе с этим облегчением росла тревога, он будто постепенно приходил в себя после долгого тяжкого забытья и сразу же ухватился за эту мысль, потому что она хоть что-то объясняла.

Они могли ударить его и не рассчитать удара. Решили, что с ним все кончено, и бросили здесь, в лесу... «Ну да, вечером, накануне сезона...» Он тут же отогнал прочь эту ледяную, хватающую за горло мысль. В конце концов, ему могло повезти, никому не везло, а ему повезло, что ж здесь такого?..

«Ведь я же прекрасно чувствую, знаю, что со мной все в порядке...» — успокоил он себя, и потому, что ему приходилось себя успокаивать, ледяная рука на горле сжалась крепче. «Нет, этого не может быть! В этом так просто убедиться! — Он ощупал голову, потом лицо. Это ему ничего не дало. Ровным счетом ничего он не обнаружил. Не было следов удара и не было бороды. — Выходит, они меня побрили...» Он понимал, что эта последняя дикая мысль его уже не спасет. Брился он последний раз на базе дней десять назад. Чтобы не сойти с ума от нарастающего ужаса, он запретил себе думать об этом, запретил анализировать и выяснять. Решил поступать и действовать так, как должен был действовать сейчас Филин, словно оттого, что он не будет думать о том, что произошло, и будет вести себя так, будто ничего не случилось, он сможет отодвинуть этот кошмар, уменьшить его последствия...

— Фил, — сказал голос. — Тебе пора. Мы давно тебя ждем.

— Да, да, — ответил он машинально, — я сейчас... — Значит, нужно встать. Сориентироваться. Местность незнакомая, но это ничего, если идти на двадцать градусов левее солнца, он так или иначе выйдет к реке и уж она выведет его к базе...

— Перестань дурить, Фил, тебе надо не на базу, а в город. Работы давно начаты.

— Я знаю. Я иду в город. — Он почти бежал, словно можно было убежать от того, кто приютился у него под черепной коробкой, от этого голоса...

Он бежал минут сорок, все время сверяясь по солнцу, стараясь не ошибиться в отсчете тех двадцати градусов, которые должны были вывести его к реке, и когда взобрался на высокий холм специально, чтобы осмотреться, то увидел прямо перед собой, не больше чем в трех километрах, город и понял, что проиграл. Тогда он сел на вершину холма. Перед глазами все смазилось, поплыло. У него не было даже ножа, чтобы убить себя.

— Не надо, Фил, — сказал голос. — Ты еще ничего не знаешь. Пойдем. — Он встал и медленно пошел к городу.

Выйдя из города, Ротанов первым делом разыскал роллер, который спрятал в кустах, километрах в двух от первых постов. С роллером, как он и надеялся, ничего не случилось. Он проверил и запустил двигатель. Машина задрыгала по ухабам. Им владели тупое безразличие и усталость. Ничего не вышло из его дипломатической миссии. Теперь придется искать какие-то другие, более сложные и долгие пути. Он ехал медленно, не обращая внимания на хорошо знакомую дорогу и не приглядываясь к окружающему.

До базы оставалось не больше получаса езды. Впереди показалась большая поляна, и он совершенно механически затормозил. Сработал рефлекс. На чужих планетах, прежде чем выехать на открытое пространство, следовало осмотреться и прислушаться. Почты сразу он обнаружил присутствие посторонних. Кто-то затаился в кустах по бокам и сзади роллера. Это была хорошо организованная засада. Он чувствовал присутствие нескольких человек и знал, что они слишком близко, для того чтобы дать задний ход и попробовать прорваться обратно. В том, что там засада, он уже не сомневался и не ждал для себя от нее ничего хорошего, потому что, если бы здесь был какой-нибудь неизвестный ему пост, выставленный инженером в его отсутствие, они бы уже не прятались. У них было достаточно времени,

чтобы узнать его роллер.

Тихо в лесу. Почему-то здесь всегда становилось тихо в момент напряжения или опасности, словно лес приподнимался на цыпочки, замирал и напряженно ждал, что будет дальше. Даже ветер не шумел в листьях, а только тихо и печально свистел, рассекаемый спиральями местных растений.

Если они хотели начать стрельбу, так уже пора, чего ждут? Незаметным движением он передвинул вперед рычажок включения резервных батарей, чтобы иметь в двигателе лишний запас мощности.

Минут пять они ничем не выдавали своего присутствия, и это ему не нравилось, потому что за эти пять минут он так и не смог определить, что собой представляет их засада. Он понимал, стоит ему двинуть роллер, как они откроют стрельбу, и потому ждал, предпочитая, чтобы они сделали первый шаг. За шумом мотора он ничего не услышит, а так у него все-таки оставался шанс уклониться от выстрела. Шанс очень незначительный, потому что из-за своей беспечности он подпустил их слишком близко. Передний пластиковый щиток прикрывал его от лобового удара, но он хорошо понимал, как ненадежна эта защита, и все же щиток заставит протонную гранату лопнуть чуть впереди, оставляя ему доли секунды для броска в сторону. Это был своеобразный поединок нервов: проигрывал тот, кто начинал первым... Наконец из раздвинувшихся кустов вышел человек. Он шел слишком уж спокойно, словно знал, что Ротанов не вооружен. Ротанов не удивился, узнав инженера. Рано или поздно этот человек должен был решиться на открытые враждебные действия против него. Все шло к этому.

Келер остановился в двух шагах.

— Я ждал вас.

— Это я понял. Что-нибудь еще?

— Да, я хотел бы знать, чем кончились ваши переговоры в городе?

— А почему вы надеетесь, что я стану отвечать, вместо того чтобы...

— Не делайте глупостей! Вы отлично знаете, что я здесь не один и что вы не успеете даже встать.

Он был прав, и Ротанов, расслабившись, вновь опустился на сиденье. Собственно, он и не собирался ничего предпринимать, только хотел проверить, как далеко зайдет инженер. По его ответу можно было не сомневаться в том, что на попятную он уже не пойдет и дела обстоят совсем скверно. Теперь, даже если они о чем-нибудь договорятся, обратного пути на базу инженеру не было. И он это прекрасно понимал. Его попросту арестуют. Сколько у него может быть верных людей? Десять человек? Пятнадцать? Их количество не имело особого значения, потому что после удачной операции с кораблем авторитета Ротанова было достаточно для того, чтобы покончить с авантюрами инженера. Именно это делало их встречу на лесной тропинке особенно опасной.

— Почему вас так интересуют результаты переговоров? — Ротанов старался отвлечь его, затянуть время, надеясь найти выход.

— С самого начала вы стали разрушать то, что я создавал так долго и с таким трудом...

— Что же это? — насмешливо спросил Ротанов. — Упоение собственной властью, возможность безнаказанно проливать кровь своих людей и уничтожать синглитов? Что еще у вас было? — Он специально старался разозлить его, чтобы вызвать на полную откровенность. Терять ему было нечего, в такие минуты человек излишне откровенен, надеясь на то, что его противник не успеет воспользоваться полученными сведениями.

— Нет, Ротанов. Не то. Я не поверил доктору с самого начала. Я был убежден, что после контакта с люссом ваша психика повреждена, в ваших действиях появилась скрытая враждебность к людям, опасность для всех нас, и я решил вам воспрепятствовать. Если бы не захват звездолета... Это перевернуло все мои планы, на какое-то время я даже усомнился в собственной правоте. Но ваш «миротворческий» поход в город убедил меня окончательно. Ждать больше нельзя, и я решил действовать. У меня давно уже был разработан хороший план. Я начал его готовить задолго до вашего появления.

«Он просто маньяк, — подумал Ротанов. — Опасный маньяк. Как я этого не понял раньше? Нужно было давно изолировать его, обезопасить, а теперь слишком поздно...»

— Мне едва не помешали. Председатель, этот выживший из ума старик, стал подсчитывать израсходованные на операциях боеприпасы, взрывчатку. Он чуть меня не разоблачил, но тут появились вы, и всем стало не до меня.

— Зачем вам понадобилась взрывчатка?

— Вы слишком много хотите знать. Последний раз спрашиваю, есть у вас договор?

— А если нет?

— Это было бы печально. Но я надеюсь, что он у вас есть. И постараюсь в этом убедиться. Арон!

И тут Ротанов ошибся. Он решил, что инженер позвал кого-то из своих людей, но это было не так. Из кустов никто не вышел. Ротанов услышал лишь протяжный свист, и, прежде чем понял свою ошибку, тонкая металлическая игла вонзилась ему в запястье. Сразу же он выдернул ее, рванулся, но было поздно. Земля поплыла у него из-под ног, и почти мгновенно он потерял сознание.

Филин стоял у станка. Он точно знал, что нужно делать. Одновременно он чувствовал состояние всех сорока человек, находившихся в огромном подземном цехе. В воздухеплыли запахи разогретого пластика. Тихо ворчали моторы автоматических станков. Пластиковый куб появлялся из щели станка. Филин осторожно брал его, вставлял в коробку контроля и тут же словно превращал самого себя в чуткий измерительный прибор. Если все параметры изготовленной детали соответствовали норме, чувство приятного удовлетворения от хорошо сделанной работы усиливалось. Если же в детали был хотя бы незначительный дефект, он ощущал огорчение тем более сильное, чем серьезней была неисправность. Но такое случалось редко, потому что все сорок человек, работавших вместе с ним в цехе, прекрасно знали свое дело. Он получал возможность пользоваться умением и навыками каждого из них. В любую минуту мог получить дельный совет, не произнеся ни слова, лишь испытав надобность в таком совете или почувствовав затруднение в работе. День подходил к концу. Филин не чувствовал ни усталости, ни тяжести. Его тело теперь не знало усталости. Исчезли мелкие боли, всю жизнь гнездящиеся в человеческом организме. Каждый орган, каждая мышца его обновленного тела функционировали четко и слаженно, без единого сбоя. Он мог бы работать без перерыва несколько суток с небольшими промежутками для облучения и пополнения запасов энергии, но этого не требовалось. Его ждали еще неизвестные удовольствия, которыми может вознаградить себя каждый, хорошо проведший свой трудовой день. Он с нетерпением ждал окончания рабочего дня, потому что чувство любопытства и желание узнать, что еще ждет его, были достаточно сильны. После четырех часов работы каждый мог поступать как ему вздумается. Большинство оставались в цехе еще часа на два-три, но он еще так мало знал о своем новом мире, что вышел из цеха сразу же, как только истекло его рабочее время.

На улице в этот час было много прохожих. Когда кто-нибудь попадал в его телепатическую зону, он чувствовал волну доброжелательства или равнодушия, чаще доброжелательства, потому что встречные каким-то образом узнавали в нем новичка и старались ободрить его, поддержать. Среди прохожих встречалось немало красивых молодых женщин. Ему доставляло удовольствие смотреть на их гибкие стройные тела. Если он слишком пристально вглядывался в какую-нибудь молодую женщину, он чувствовал волну неудовольствия с ее стороны и сразу же отводил взгляд. Жаль, нельзя было понять, что они думали о нем. Только общий эмоциональный фон. Он мог воспринимать конкретные слова и мысли лишь в том случае, если они были обращены к Нему непосредственно. Он уже знал, что семей здесь не бывает, потому что не бывает детей. Хотя почти каждый находит себе пару. Отношения людей слишком коротки — всего один сезон. Все кончается вместе с приходом сезона туманов. Он толком еще не знал почему. Но это его сейчас не волновало.

Пластариум размещался в здании бывшего городского театра. Снаружи такое же

запущенное, как и остальные здания города, внутри оно поражало строгой рациональностью отделки. Блестел свежий пластик стенных панелей, никелированные поручни лестниц. Ни одного лишнего украшения, ни одной ненужной детали. Только необходимое. Здесь ничто не должно было отвлекать или рассеивать внимание. Эти залы требовали глубокого сосредоточения, собранности, и уже у входа нужно было создать у тех, кто сюда приходил, соответствующее настроение. Из прихожей в глубину помещений вели два прохода с черной и белой дверьми. Филин впервые пришел в этот зал, но уже знал о назначении дверей, как знал многое другое, не затрудняя себя особенно выяснением источника новых для него сведений. Можно было выбрать только один зал. Слишком сложной оказывалась психологическая настройка. Поскольку он толком не знал, что его ждет за дверями, он остановился в прихожей и стал наблюдать за посетителями. В черный зал входили задумчиво, сосредоточенно и молчаливо. Не было ни групп, ни пар. Туда вели два отдельных входа — для мужчин и женщин. Зато белый зал казался более гостеприимным. Сюда шли вперемежку мужчины и женщины. Шли группами, чаще вдвоем. Наверно, это и определило его выбор.

В зале не оказалось мебели. Стены смыкались в большую ровную полусферу, окрашенную в мягкий кремовый цвет. Стояла абсолютная тишина. Он все никак не мог привыкнуть к этому полному отсутствию разговоров, органически присущих каждому человеческому сборищу. Синглиты все время обменивались информацией. Но услышать телепатический поток мыслей мог только тот, к кому он был обращен. Впрочем, не всегда. Свет в потолочных панелях постепенно стал меркнуть, и вскоре зал погрузился в полный мрак.

Какое-то время тишина и темнота были настолько полными, что он потерял представление о том, где находится. Ему стало неприятно, захотелось выйти — удержало лишь любопытство. Филин чувствовал, что напряжение в зале все возрастает. Все чего-то ждали в этой черной тишине. И вот оно появилось! Это был всплеск, какой-то всполох света. Он родился из темноты, пронизал ее из конца в конец.

Одновременно со световой гаммой зазвучала долгая музыкальная нота. Постепенно Фил становился как бы дирижером неведомого оркестра, и нота, звучащая у него в ушах, превратилась в причудливую мелодию, отразившую его настроение. Мелодия стала частью его самого, и, как только он понял это, родилось ощущение полета. Пол словно провалился из-под ног, исчез, и он понесся сквозь обрывки тьмы на певучем красочном змее. Уголком сознания он понимал, что и мелодия, и световые всполохи, и самый полет — всего лишь иллюзия, созданная коллективным творчеством находящихся в зале, а он сам один из участников этого иллюзиона. Однако это знание не мешало ему испытывать огромное, никогда раньше не изведенное наслаждение. Но вот рисунок мелодии сменился. В ней прозвучали печальные, почти грозные нотки. Сверкающая молния пробила радужные крылья змея в тот момент, когда он вспомнил о маленьком робком существе, притаившемся где-то на дне его теперешнего сознания и представлявшем собой часть другого, прежнего Филина... Мелодия становилась все мрачнее. Сполохи света бились, рушились, старались взвиться вверх и бессильно опадали, разрушенные потоком его воспоминаний.

Вот он стоит на пороге пещеры, и за руку его держит незнакомая женщина... Потом он в классе, на доске учитель пишет слово... Он не может вспомнить, какое именно, очень хочет вспомнить и не может... Сполохи света становятся все слабее, гаснут. Смолкает мелодия. Зажигаются потолочные панели. Публика медленно начинает расходиться. Какая-то женщина о пышной, небрежно взбитой копной волос обратилась к соседу:

— Напряжение телеформации было очень высоким, но кто-то все время мешал. Не понимаю, зачем новичкам разрешают посещать общественные места! Вечно одно и то же! На самом высоком взлете они словно нарочно начинают свои занудные воспоминания! — Наверно, она специально сказала это вслух, чтобы услышал Филин. Он постарался скорее смешаться с толпой. И долго еще не мог опомниться от только что пережитого волнения. Никогда раньше не приходилось ему задумываться над тем, что каждому человеку,

лишенному в силу обстоятельств возможности творчества, приходится всю жизнь тяготиться этим, придумывать какие-то суррогаты, и вдруг сегодня... И тем не менее острая, возникающая в зале тоска стала сильнее. Маленький, притаившийся в нем человечек неожиданно вырос, словно то, что произошло в зале, освободило его от невидимых пут. И сразу накалился груз неразрешенных вопросов. Почему он здесь? Почему не вышел к реке, как собирался? Кто привел его в город, и может ли он, как прежде, определять сам свои поступки? Сможет ли увидеть своих ребят? Пусть издали.

Он вышел на улицу. Там теперь было пустынно. Торопливые прохожие расходились. У него не было здесь дома.

Холодные лучи закатного солнца уже не грели. Теперь, выйдя из зала, он вспомнил слово, которое писал на доске учитель: ЧЕ-ЛО-ВЕК.

На окраине обломки зданий перегородили улицу. Здесь уже никто не жил. Стиснув зубы, Филин шел все дальше, несмотря на нарастающую тревогу и ощущение опасности. На этот раз они его не остановят. Он обязательно выйдет к реке и найдет базу, найдет во что бы то ни стало. Чем бы ни закончился поход! Голос внутри его молчал.

Предметы постепенно обрели резкость, и Ротанов увидел склоненное над ним лицо доктора. Он вновь закрыл глаза, стараясь восстановить контроль над ватным бессильным телом.

— Вам лучше? Что с вами произошло? — спросил доктор.

Ротанов хотел приподняться, но из этого ничего не получилось. Мышцы еще не слушались. Зато теперь он смог осмотреться и понять, что лежит в подземной палате базы.

— Давно я здесь?

— Вас привезли полчаса назад. По остаткам в игле я определил наркотик, и мне удалось привести вас в сознание. Синглиты никогда раньше не применяли такого странного оружия.

— Синглиты здесь ни при чем. Что там было? Я имею в виду наркотик.

— Ничего серьезного. Лошадиная доза бруминала из группы барбутантов. Наркотик не имеет остаточных эффектов, но без моей помощи вы бы не смогли прийти в сознание. Теперь вам придется полежать.

— Кто меня нашел?

— Рация роллера оказалась включенной, но на вызовы не отвечала, и председатель выслал поисковую группу выяснить, что произошло.

— Значит, их подвела рация... Простая случайность. Они сделали все, чтобы я не вернулся.

Доктор медленно упаковал инструменты, смахнул со стола остатки ампул и тяжело вздохнул.

— Судя по всему, ваша миссия не имела успеха?

— Если бы только это... — Ротанов ощущал, как тело постепенно наливается прежней силой, и вместе с тем чувствовал странную усталость и безразличие. Может быть, виной тому был вопрос доктора.

Доктор взял свой саквояжик и направился к двери.

— Отдыхайте. Вам теперь нужен покой.

— Сядьте, доктор. Давайте поговорим. Я уже в порядке, только не знаю, что делать дальше...

— Чем я могу помочь? Я предвидел, что из ваших переговоров ничего не выйдет. Хорошо еще, что удалось вернуться.

— Да не в переговорах дело! Вернее, не только в них. Когда я решил встретиться и договориться с синглитами, я не ждал, что сразу достигну конкретного результата, но противодействия, открытой враждебности со стороны людей тоже не ждал. Получается, мир нужен мне одному...

— Кого вы, собственно, имеете в виду?

— Прежде всего инженера и тех, кто думает так, как он, кто не может жить без войны.

— У инженера мало сторонников.

— А ему и не надо много. Он задумал что-то серьезное, раз решился на открытое выступление.

— Вот даже как...

— Да, доктор, дела обстоят неважно. Больше всего меня беспокоит то, что он сжег за собой все мосты. Он не сможет теперь вернуться обратно в колонию. Чтобы решиться на такой шаг, нужны серьезные причины. Очень серьезные. А я их не понимаю и не знаю, что он задумал.

— Ну это скоро выяснится. Жаль, что с нами нет Филина, он помог бы распутать хитрости инженера. Но я думаю, вы преувеличиваете значение той роли, которую может сыграть инженер. Десять-пятнадцать человек... Нет. Не верю, чтобы они были способны на что-то серьезное. Я считаю ваше нынешнее настроение и эти опасения результатом действия наркотика. Такая встряска для психики не проходит бесследно.

— Эх, доктор, вашими бы устами...

— Как только вы отдохнете, вы убедитесь в моей правоте. А сейчас вам не помешает другое общество.

Через несколько минут после ухода доктора в палату вошла Анна, катившая перед собой маленький столик на колесах. Она была в белом халате. Из-под салфетки, накрывавшей столик, вырывались ароматные клубы пара. Палата наполнилась аппетитными запахами мясного бульона и пряностей. Ротанов только теперь почувствовал, как он голоден.

Уплетая румяные куски хорошо прожаренного мяса с хрустящей корочкой, которую он так любил, и запивая его бульоном, он искоса поглядывал на девушку. Сегодня Анна выглядела печальней, чем обычно. Смотрела в сторону, с ним почти не разговаривала. И Ротанов подумал, что вот и это веселое милое существо он успел уже обидеть.

— Здесь я принесла варенье, вы же любите сладкое... — нерешительно сказала она, открывая какую-то баночку.

— Нет, Аня, вы правильно догадались, конфеты я взял не для себя. Только обиделись напрасно.

— А я и не обиделась. Я понимаю, вам нужен был подарок. Такой маленький сувенир для мужчины.

— Ого! Вы, оказывается, не такая уж добрая, как кажетесь вначале.

— Я совсем недобрая. С чего мне быть доброй? Вы мне ничего не говорите, а я так ждала...

— Ждали? Чего?

Глаза у нее стали совсем круглыми от обиды.

— Вы даже не помните?... Не помните, что мне обещали?

— Ну, такие обещания не выполняются быстро...

— Я и не ждала быстро... Но мне казалось, мы друзья и что вы хотя бы расскажете, как там у вас все получилось. А это правда, что на вас напали люди инженера?

— Правда.

— Я так и думала! Понимаете, перед уходом... Там есть такой неуклюжий Каров. У нас не так много женщин, и он... Только не подумайте, что я говорю вам это специально!

— А я и не думаю, — ответил Ротанов, пряча улыбку.

— Без этого вы не поймете! Ну так вот, этот Каров, он со мной говорил перед тем, как инженер ушел со всеми своими людьми. Он словно бы хотел проститься.

— Подождите, Анна, это очень важно, постарайтесь вспомнить все, что он говорил. — Ротанову больше не хотелось улыбаться.

— Точных слов я не помню. Да он и не говорил ничего определенного. Просто у меня сложилось впечатление, будто он навсегда прощается и может не вернуться больше, а еще раньше до этого я слышала от него про какие-то штольни под городом. О них никто не знает, и там они прячут оружие или что-то другое, что-то такое, что им очень скоро понадобится, и еще он сказал, что я о нем услышу, что мы все еще о них услышим и пожалеем, ну что не

ценили их по-настоящему...

— Первый раз слышу об этих штольнях! — Председатель открыл круглый металлический сейф рядом со своим столом и стал доставать какие-то папки.

Ротанов на секунду прикрыл лицо рукой. Он все еще не справился с остатками наркотика. Но после разговора с Анной не мог остаться в постели.

— Инженер что-то такое говорил мне о вашем конфликте по поводу взрывчатки. Что у вас произошло?

— А вот смотрите сами. — Он протянул ему папку. — Здесь у меня анализ расхода. Видите, не хватает почти ста килограммов люзита, это только на одной операции! Я все время пытался выяснить, что он делает с этим люзитом. Если бы я раньше знал о штольнях...

— Вы думаете, он может решиться взорвать заводы?

— Не только заводы...

— Сколько же у него... Какова мощность? Я незнаком с люзитом.

— Это старая взрывчатка, ее рецептуру привезли первые колонисты, они вели с ее помощью горные и подземные работы... — Председатель пожевал губами, что-то подсчитывая. — Если он использует все сразу, от города ничего не останется.

— Неплохой выход, да? — жестко спросил Ротанов, чувствуя, как у него сводит скулы. — Одним ударом избавиться от всех проблем!

— Это ничего не даст. — Председатель покачал головой. — Появятся новые синглиты. Проблема в люссах. Синглиты только производная, и потом заводы... Если он взорвет вместе с городом заводы, колония лишится основного источника снабжения. Вот уже который год наша техника существует в основном за счет трофеев.

— Вы еще не все сказали. Я могу добавить, что если мы лишимся заводов, то исчезнет последняя надежда на ремонт прибывших кораблей, ни один земной звездолет не сможет вернуться обратно. Мы не сможем наладить связь с Землей. В конце концов, это моя задача, — жестко сказал Ротанов. — Я обязан его остановить. Сколько у вас людей?

— Не так уж много осталось тех, кто может носить оружие. Часть людей в караулах... Но вы его уже не догоните. Слишком много времени прошло.

— Я и не собираюсь его догонять.

— Что же тогда?

— Нужно предупредить синглитов.

Он увидел, как побледнел председатель.

— Вы понимаете, что говорите? Узнав об этом, они не остановятся ни перед чем...

— Инженер тоже не остановится.

— С ним еще четырнадцать человек, юнцы, которые ему слепо верят и вряд ли понимают, на что идут, они могут погибнуть.

— Вы знаете другой способ предотвратить взрыв заводов и города? — одними губами спросил Ротанов. Он уже знал, что пойдет до конца.

Роллер вылетел на знакомую опушку. Дальше, до самого города, лежало свободное от леса пространство. Отряд сопровождения, выделенный председателем, остался далеко позади. Ротанов приказал им ждать его возвращения. Он хорошо помнил о предупреждении: больше его не пустят в город. Так она сказала... Ну что же, посмотрим. Может быть, считанные минуты отделяют момент, когда серые полуразрушенные здания города превратит в прах предательский взрыв.

Не раздумывая больше, он двинул роллер вперед. В ту же секунду машина подпрыгнула от удара. Двигатель взорвался сразу, и это его спасло. Взрывная волна сорвала всю верхнюю часть платформы и подбросила ее вверх вместе с Ротановым. Выбравшись из-под обломков, он несколько секунд разглядывал дымящиеся остатки машины. На этот раз они не шутили. Первым же выстрелом роллер разнесло в клочья.

Не отрываясь, он смотрел на город. Ему казалось, что где-то рядом тикает невидимый часовой механизм, отсчитывая последние мгновения жизни города... В хаосе огня и дыма

исчезнет все... И та женщина, которая укрыла его, вывела из города. Хотя и женщиной она не была в обыкновенном человеческом понимании, а все же...

Она стояла у него перед глазами такой, какой он видел ее последний раз, в своей полыхающей красной юбочке с шоколадной кожей плеч, с тонкими запястьями рук...

— Пстой, — сказал он себе. — Там что-то было, что-то знакомое на ее руке... — Он почувствовал, как сохнут губы от внезапного волнения потому, что уже почти догадался, для чего она носила вместо браслета сероватые кубики металла. Рука сама собой торопливо шарилась во внутренних карманах куртки. Вот они здесь, на месте, не понадобились никому, даже инженеру... Его маленький талисман, военный трофей... Пальцы лихорадочно ощупывали знакомую до мелочей поверхность. Где-то на третьем квадрате есть выступ. Он уходит вглубь, если его как следует придавить. Раньше он думал, что это просто замок. Но это не только замок. Ничего не случилось, когда он десятки раз придавливал этот выступ. А все дело, может быть, в том, что браслет нужно сначала надеть на руку...

Не может сложная техническая организация синглитов существовать без дальней связи. Он ощутил легкое покалывание запястья. Какие-то мелкие искорки забегали внутри сероватой металлической поверхности браслета, а потом Ротанов услышал голос. Это был всего лишь дежурный оператор, хотя он надеялся... Но это не имело значения, потому что теперь он знал уже наверняка — взрыва не будет.

За далекими холмами, за лесом, у горизонта висел незаходящий, багровый, распухший до чудовищных размеров кусок чужого светила. Все вокруг: скалы, реку и само небо — он окрашивал в неправдоподобный мертвенно-кровавый цвет. Почти закатившееся светило казалось Ротанову гигантским комом фиолетовой грязи. Никакие законы природы и силы тяготения не могли оторвать от горизонта вспухший уродливый ком. Еще двадцать дней он будет висеть над планетой, постепенно уменьшаясь, словно осьминог втягивая уставшие за лето щупальца, и потом над всем этим чужим, враждебным человеку миром наступит долгая шестимесячная ночь — сезон туманов.

Несколько дней Ротанов провел в помещении научного сектора, разбирая старые архивы и отчеты. Не сумев до сих пор разрешить ни одной проблемы, он теперь вынужден был фактически начинать сначала и все еще не видел выхода.

Что искал он в запыленных, пожелтевших от времени кипах бумаги? Ответа на какой вопрос?

Отряд инженера не вернулся. Сама возможность установления мира и ремонта корабельной электроники с помощью синглитов перестала существовать после попытки инженера взорвать город. Его предупреждение ничего не изменило. Синглиты усилили активность, увеличили количество засад, число нападений. Все больше людей не возвращалось из дозоров и постов.

Через две недели, с наступлением сезона туманов, стычки закончатся сами собой, чтобы вспыхнуть с новой силой следующей весной... А все долгие зимние месяцы они будут сидеть, как крысы, в своих подземных норах и ждать... Чего? Прилета Олега? А что он изменит? Ведь Олег со своим кораблем попадет в те же условия, в ту же самую ловушку... Земля ничего не узнает, высылка следующей экспедиции может быть задержана на неопределенное количество лет, и по всему выходило, что он обязан что-то предпринять именно сейчас, в эти оставшиеся двадцать дней...

Ротанов стоял на площадке перед пещерами. В последнее время он избегал общества колонистов, словно нес незримый груз вины за тех четырнадцать человек, что ушли с инженером и не вернулись...

Он мысленно перебирал бесчисленное количество фактов, которыми теперь располагал о жизни синглитов. Искал малейшую зацепку, чтобы сдвинуть с мертвой точки сегодняшнее положение дел, и ничего не находил... Возможно, прав был инженер, и другого выхода не было. Совместное существование людей и синглитов попросту невозможно.

Из отчетов научного отдела он узнал, что люссы размножаются простым делением, как

амебы, а синглиты не размножались вообще... Именно этот факт сводил на нет все его надежды на мир, ибо цивилизация синглитов, если данные отчетов верны, могла существовать лишь за счет человеческих жизней и, следовательно, должна быть уничтожена... Изолированная, она попросту начнет регрессировать и все равно погибнет через короткий срок, лишившись смены поколений. Конечно, синглиты понимали все это, какие уж тут переговоры о мире...

Оставалась надежда, что данные об их биологии ошибочны или неполны. В теле синглитов нет некоторых групп клеток, так что человеческий способ размножения им не подходит, хотя у них сохранилось все, что необходимо для нормального функционирования центральной нервной системы, в том числе и биотоки. Да что толку, если не было детей. Он не встретил ни одного ребенка или подростка ни в городской толпе, ни в домах... Отчеты говорили о том же, но, возможно, у них есть какой-то скрытый, неизвестный людям способ размножения... Это бы надо выяснить... Слишком многое зависит от ответа на этот вопрос, но как выяснить? Вся дневная фаза существования синглитов изучена достаточно хорошо и не оставляет надежды. Зато ночная... «Вроде бы на ночь они засыпают, но кто это проверял? Ночью наблюдения невозможны из-за люссов... До сих пор, во всяком случае, были невозможны. Но если у меня действительно иммунитет, и раз уж я позволил себе быть достаточно жестоким с другими, то мне и предстоит все это выяснить до конца».

Ротанов поднимался по тропинке туда, где сквозь пелену тумана проступали неясные контуры корабля.

Если смотреть с тропинки вниз, казалось, где-то у самой кромки леса, несколько ниже вершин деревьев, колыхалось фиолетовое озеро. Скала совета, ближайшие холмы да и самый лес плавали в этом огромном озере тумана, словно большие неуклюжие острова. С каждым днем становилось холоднее, воздух пропитывался влагой, капли росы покрывали одежду, холодным дождем слетали с кустов деревьев на неосторожного путника, а туман поднимался все выше... Он уже перекрыл тропинки, отрезал друг от друга холмы и лес. Сделал невозможной связь с ближайшими постами. Радиоволны сквозь эту маслянистую густую пелену не проходили, в ней бесследно терялись предметы и люди...

Прежде чем окунуться в это ночное враждебное людям озеро тумана, он обязан был подготовиться к худшему варианту, к тому, что его иммунитет окажется ошибкой или не устоит при повторных многократных встречах с люссами.

Рубка встретила его привычным запахом резины и пластмассы. В воздухе чувствовалась легкая затхлость, которая бывает только в нежилых помещениях. Слишком долго не включалась система корабельной очистки воздуха. Слишком редко бывал он на корабле, предпочитал работать на открытом воздухе. А корабль тем временем, соединенный с пещерами туннелем, превратился в часть подземной крепости. Если удастся вернуться, жить он будет в своей каюте, до самого прилета Олега. Он старался не думать о том, как мало шансов у него вернуться.

Достал кассету с корабельным журналом, секунду подумал и положил ее в аварийный бокс. Так надежнее. Прежде всего Олег вскроет этот бокс и сможет ознакомиться с обстановкой. Неровным почерком, торопливо набросал на двух отдельных листах свои последние наблюдения, предварительные выводы и рекомендации. Олегу это может пригодиться в том случае, если они не встретятся. Ротанов невесело усмехнулся. Слишком ему везло последнее время, так не могло продолжаться бесконечно.

Еще раз перебрал документы, положенные в бокс. Достал из нагрудного кармана браслет синглитов. В который уж раз надел его на запястье и пощелкал выключателем. Связи не было. Скорее всего они выключили его браслет из своей системы. Вряд ли он пригодится Олегу, разве что устройство микропередатчика поможет разобраться в блоках управления. Схема как будто простая, но все равно она оказалась ему не по зубам... Подумав еще с секунду, он вздохнул и опустил браслет в бокс вслед за документами.

«Ну вот, теперь, пожалуй, все...» Закрыв бокс, он прошел в свою каюту, разделся и лег

в постель. Нужно было хорошенько выспаться перед уходом. Сон долго не шел. На стене перед кроватью висела большая фотография: два человека летели на глайдерных досках по крутому снежному спуску. Фотограф поймал их в тот момент, когда Олег резко свернул в сторону, чтобы обойти его на повороте. Лица не было видно. Его скрывали очки и низко надвинутый шлем. Но все равно и под этими очками он знал, как выглядел Олег.

«На этот раз ты, пожалуй, не успеешь вытащить меня отсюда...»

Проснулся от резкого звонка зуммера. Четыре часа сна промелькнули как одна секунда. Прежде чем лечь, он закончил почти все, осталось последнее небольшое дело. Наверху, в управляющей рубке, рядом с аварийным боксом была стальная дверь со специальным кодовым замком. Дверь открылась не сразу, наверно, механизм замка слегка заржавел от влажного воздуха. Наконец она со скрипом ушла в стену рубки. Здесь хранилось личное оружие инспектора, пользоваться которым он имел право лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Ротанов внимательно осмотрел арсенал, по сравнению с которым лучеметы и тепловые излучатели, бывшие в ходу на планете, казались детскими игрушками. На этот раз ему могло понадобиться что-то по-настоящему мощное. Он остановился на пульсаторе Максудова. Контрольное устройство нейтрализовало внутренний заряд при попытке воспользоваться им кем-нибудь, кроме Ротанова. Весил излучатель килограмма два. Не так уж много для такого вида оружия. Ротанов примерил его черную ребристую ручку, включил активатор. Пожалуй, с помощью этого оружия он справится с люссами.

На складе подобрал себе просторный брезентовый рюкзак с жесткими широкими лямками, положил в него месячный запас концентратов, флягу с водой и надувную палатку. Оставалось перевести реактор на автоматический режим, чтобы колония могла использовать энергию корабля, даже если он не вернется.

Последний раз прошел весь корабль сверху донизу. Закрыл замок на двери шлюза. Теперь в корабль можно было попасть только через подземный ход. Едва вышел наружу, как за воротник куртки попали первые капли росы. Ветер смахнул их откуда-то сверху, наверно, с обшивки. Борт корабля уходил круто вверх, терялся в дымке тумана, он был холодным и влажным на ощупь. Не задерживаясь больше и не оглядываясь, Ротанов пошел прочь. Излучатель на слишком длинном ремне больно колотил по спине при каждом шаге. Пришлось останавливаться и привязывать его к рюкзаку.

Навстречу ему по тропинке поднималась целая толпа. Его сразу же поразило то, как молчаливо шли эти люди. Лицо того, кто был впереди, показалось ему знакомым. Узнав его, Ротанов закинул рюкзак за плечи и медленно пошел навстречу, ему стало тоскливо оттого, что не хватило какого-то получаса. Теперь ему скорее всего не дадут уйти, и он ничего не сделает, чтобы им в этом помешать. Человек, который шел впереди, был Свен. Тот самый охотник, что ушел с инженером в его последний поход.

Охотник остановился в двух шагах от Ротанова, и толпа расступилась, образуя вокруг них круг. «Ну вот, — подумал Ротанов, — вот я и дождался тех, кто имеет право судить меня. Не инспектора Ротанова, потому что инспектор поступил так, как и должен был поступить. А просто меня самого...»

Он окинул взглядом бледный круг человеческих лиц — здесь не было ни доктора, ни председателя, ни Анны. Почему-то от этого ему стало легче.

— Я слушаю вас, — сказал Ротанов, и сам не узнал своего казенного официального голоса.

— Не вернулось тринадцать человек.

После этой фразы повисло долгое тяжелое молчание.

— Но вас было пятнадцать, — сказал наконец Ротанов.

— Инженера я не считал, он нас обманул. Мне сказали, что ты предупредил синглитов. Это правда?

— Да, это так, — сказал Ротанов. — И если бы все повторилось, я опять сделал бы то же самое. Они обещали не причинить вам вреда.

Никто ему не ответил. Они старались не смотреть в его сторону.

— Прежде чем вы решите, что делать дальше, я должен знать, как все было. Это мое право.

Соглашаясь, Свен кивнул головой.

— Мы спустились в шахту, инженер сказал, что нужно забрать там трофейное оружие...

Он рассказывал долго, сбиваясь, останавливаясь и начиная сначала. Ротанов словно видел, как медленно шли эти люди по бесконечному подземному штреку, как метались по стенам тени от их фонарей. Вот дорога наконец кончилась. Они забрали оружие, не спеша пошли обратно, сгибаясь под тяжелой ношей. Инженер задержался и что-то сделал с оставшимися ящиками, потом догнал их и они молча пошли все вместе, потому что о чем говорить, если дело сделано, а дорога известна... Под ногами у них хлюпала вода... Она сочилась из стен штрека... Инженер посмотрел на часы и предложил сделать привал. Он все время смотрел на часы и словно прислушивался, но ничего не происходило. Потом они пошли дальше, инженер то и дело отставал. Он шел, понунив голову, целиком уйдя в свои мысли. Выход из штрека оказался замурован. Инженер даже не удивился, словно ждал этого. Они опять пошли в глубину подземных переходов искать другой выход. Сворачивали в боковые штреки, теряли дорогу, теряли товарищей... Постепенно гасли фонари, не рассчитанные на такое долгое время работы. Они не знали, сколько времени продолжались блуждания под землей. Надежда покинула их. Когда погас последний фонарь, они увидели синглита. Он стоял у поворота из штрека с ярким фонарем в руке и помахивал им, словно приглашал идти за собой. Они пошли. Шли долго. Не помнили, сколько поворотов было в этом подземном лабиринте. К штрекам и штольням, которые построили люди, прибавились бесчисленные новые горизонты. Им уже было все равно, куда идти, многие отставали или терялись при поворотах. Никто не останавливался, не ждал отставших. Те, кто еще шел, давно потеряли всякую надежду. К концу пути их осталось пять человек. Инженер первым вышел на поверхность. Может, это было время короткой ночи, а может, остаток солнца прятался за верхушками деревьев, закрывавших горизонт. Тусклый свет едва пробивал густую дымку тумана, затянувшую все вокруг. Синглит поставил на землю фонарь, повернулся и ушел назад в подземелье... Мы остались в лесу одни.

— Именно это они мне обещали... — сквозь зубы пробормотал Ротанов. — Отпустить вас на все четыре стороны...

— Инженер достал излучатель и выстрелил себе в голову. Почти сразу же мы услышали сухой шелест и увидели, что сквозь пелену тумана со всех сторон на нас ползет что-то плотное, белое, как пар. Тот, кто стоял дальше всех, закричал, все бросились врассыпную... Дальше я плохо помню... Бежал через лес... Стрелял... В общем, повезло.

— Другие тоже стреляли?

— Нет. Я не слышал выстрелов.

— Вас преследовали? Была хоть одна попытка нападения?

— Нет. Я почти сразу влез на скалу и стал стрелять вниз. Может быть, поэтому...

— А потом в дороге? Ни одного нападения?

— Нет. Лес словно вымер... Вы хотите сказать, что я... Что они специально выпустили меня?... Чтобы я рассказал?

— Возможно. Теперь это не имеет значения. Так что же вы решили?

На некоторое время после его вопроса вновь повисла гнетущая тишина. Потом Свен заговорил, глядя в сторону:

— У нас тут не бывает суда. Тот, кто совершает преступление, попросту уходит в лес ночью.

— Собственно, это я и собирался сделать...

Ротанов поправил рюкзак и пошел вниз. Люди расступились заранее, так что перед ним образовывался широкий коридор.

Подошвы тяжелых ботинок скользили по мокрым, поросшим мхом камням. Он шел медленно и с каждым шагом словно все глубже погружался в воду. Сначала в тумане

исчезли выступы пещер, площадка, на которой стояли колонисты. Потом не стало видно корабля, исчезли его бортовые огни, долго провожавшие каждый его шаг, словно глаза живого существа. А внизу из белесого марева, в которое он погружался, доносились протяжные вопли. Это орали цыки — гигантские перепончатые мухи, похожие на летучих мышей. Всегда они так орут накануне сезона туманов.

Формально синглиты выполнили свое обещание. Наверно, с их точки зрения, ему не на что обижаться. Он и не обижался. Не чувствовал даже гнева. Только тоску и горечь. И еще с каждым шагом, удалявшим его от людей, все сильнее наваливалось одиночество...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СПИРАЛЬ

1

Никто не остановил Филина ни в городе, ни потом, в лесу... На этот раз ему удалось выйти к реке. Отсюда уже рукой было подать до базы. Он пошел вдоль берега вверх по течению. Река блестела под солнцем, словно зеркало, она то и дело меняла направление, пробираясь сквозь густые заросли и завалы. Совершенно неожиданно, выбравшись к широкой заводи, он наткнулся на кучи белья, разложенные на берегу... Филин остановился, чувствуя, что от волнения кружится голова. В реке, в каких-то десяти шагах, купались его недавние товарищи. Он узнал Гэя и Рона. Забыв обо всем, что с ним произошло, он побежал к ним, крича что-то неразборчивое, нелепое, и вдруг остановился, словно налетел на стену. Они от него медленно пятились в ледяную воду все глубже и глубже, и в глазах у них был ужас.

— Оборотень! — крикнул кто-то. — Это же оборотень!

Так они называли синглитов, не прошедших целого цикла и больше других походивших на людей.

— А ну пошел отсюда!

Они махали на него, плескали воду, словно он был курица, и теперь уже он медленно пятился от них, а они так же медленно, осторожно наступали, и он видел взгляды, которые они бросали на лежащее у берега оружие, и понимал, что, как только они смогут дотянуться до него, сразу же начнут стрелять. Понимал это и тем не менее продолжал отступать все дальше и дальше, позволяя им с каждым шагом приближаться к оружию. Наверно, он заплакал, если бы мог, но в глазах не было ничего, кроме сухого жжения. И вдруг голос в его голове, молчавший с тех пор, как он сбежал из города, впервые пробудился и шепнул: «Беги!» Он повернулся и побежал. Почти сразу за его спиной раздались первые выстрелы. Стреляли они неточно, и, убегая, он успел заметить и навсегда запомнил, как постепенно страх в их глазах переходил в брезгливое, почти животное отвращение.

Оно было хуже всего... Филин бежал по лесу, механически путая след, петляя, как бегал совсем еще недавно, когда его преследовали синглиты. Острые иголки кустарников рвали одежду, вонзались в тело, но он не чувствовал боли, не чувствовал усталости и мог увеличивать скорость все больше и больше, словно не было пределов возможностям его нового тела. Ноги мелькали так быстро, что он не замечал уже отдельных движений. Ветер свистел в ушах, густой кустарник он пробивал с ходу, и долго еще в воздухе кружились обрывки веток и листьев. «Как же сердце выдерживает такое напряжение?» — подумал он, прислушался и не услышал его ритмичных ударов — у него попросту не было сердца. «А легкие? Почему они не разрываются от натуги, силясь протолкнуть очередную порцию воздуха?» И тут же понял, что дышит по привычке, что может вообще не дышать. «Неудивительно, что они испугались. Я бы и сам испугался, встретив такого монстра...»

— Ты не монстр, — сказал голос.

— Кто же я? Я ведь мыслю так, как будто я и есть прежний Филин, у меня его память, его желания. Но Филина нет. Он погиб, уничтожен люссом. Так кто же я?

— Ты — это ты, и не надо забивать голову чепухой. Тебе хочется жить?
— Да.
— Ну вот и живи. Радуйся жизни. У тебя будет долгая жизнь.
— Но ведь этого мало, чувствовать себя здоровым и неутомимым, радоваться солнцу и жизни... — сказал он, и сам усомнился в том, что этого так уж мало. Но голос не стал возражать.

— У тебя будет не только это.
— Что же еще?
— У тебя будет искусство, недоступное людям. У тебя будут друзья настолько близкие, что в человеческом обществе ты не мог об этом мечтать. Люди всю жизнь стремятся к близости и вечно выдумывают себе барьеры — одиночество, тоску, ничего этого не будет у тебя теперь. Ты сможешь жить равным среди своих братьев. Будешь знать все, что знают они.

— Вы отпустили меня к людям специально, чтобы я сам убедился в том, что возврата нет?

— Ты можешь поступать так, как хочешь. Я могу лишь советовать.
— Кто ты?
— Твой наставник. Через много циклов, когда твое знание сравняется с моим, ты сам сможешь стать наставником.

— Что такое цикл?
— Ты хочешь знать все сразу. Цикл — это рубеж времени. Ты не поймешь, если я стану объяснять словами, но очень скоро, как только наступит сезон туманов, ты сам узнаешь, что такое цикл.

Голос умолк. С удивлением Филин вспомнил, что почти забыл о преследователях, перестал думать о направлении, так увлекла его беседа. Теперь он был далеко от реки. Кустарник встречался все реже, местность стала знакомой. Он знал, что за низкими холмами вскоре откроется город...

«В городе мы работаем и воюем, но живем мы не здесь», — сказал ему голос невидимого наставника. И вот теперь он ехал в странном подземном поезде, о существовании которого раньше не подозревал. Прямой как стрела туннель пронизывал планету по хорде и выходил на поверхность за много тысяч километров от города, построенного когда-то людьми и превращенного многолетней войной в груды унылых развалин. Закрыв глаза. Филин мог видеть схему туннеля, устройство этого необычного поезда, не нуждавшегося для своего движения ни в какой энергии, кроме притяжения планеты. В машинном отделении управляющий поездом потянул тормозной рычаг. Поезд тронулся, несколько суток он будет теперь лететь в безвоздушном пространстве туннеля все быстрее и быстрее, чтобы потом, минуя середину, ту точку, где он будет ближе всего к центру планеты, начать замедляться, и совсем остановится у противоположного выхода, словно гигантские качели, завершившие свой единственный мах. Но стоит отпустить тормоза, и он поедет обратно, вновь постепенно набирая скорость.

Самым необычным в его путешествии была, пожалуй, способность участвовать в разговорах с различными собеседниками в противоположных концах поезда. В любой момент он мог отключиться, замкнуться в себе, обдумать услышанное или какую-то собственную мысль. Еще он научился видеть все, что видели его собеседники, как бы смотреть на окружающее их глазами. Отраженная картина увиденного транслировалась непосредственно из их зрительных центров. Однако, попытавшись расширить сферу, в которой мог присутствовать, Филин понял, что она ограничена поездом. Только слова его наставника проникали к нему, словно бы откуда-то извне. Но сам он не мог ни увидеть его, ни даже обратиться к нему без того, чтобы тот первым не начал разговор. Способность видеть окружающее чужими глазами забавляла Фила, он не сразу освоился с этой новой особенностью своего существа и развлекался путешествиями по вагонам всю дорогу.

Поезд, вылетев на небольшую эстакаду, резко затормозил. С коротким шипением

открылись автоматические двери вагонов. Путешествие окончилось. Фил с любопытством огляделся. Первое, что бросалось в глаза, был ослепительно сверкавший на солнце полупрозрачный купол какого-то здания, единственного в этом месте. Здание казалось огромным и занимало, наверно, не меньше нескольких квадратных километров. Длинная белая дорожка вела от него к эстакаде. Еще десятки других дорожек ответвлялись в стороны, терялись в зарослях незнакомых ему мясистых деревьев голубоватого, почти синего цвета. Здание расположилось на самом берегу моря. Фил долго стоял неподвижно, пораженный красотой открывшейся ему местности, он и не подозревал, что на этой планете могут быть такие уголки. Золотистый песок пляжа, упругое журчание набегавших волн, солнце, высоко висевшее над горизонтом и обдававшее кожу ласковыми сытными лучами.

«Ну вот, даже о солнце я начал думать словами синглитов, — подумал Фил с горечью. — Скоро я совсем забуду, что недавно был человеком. К этому они меня и ведут, словно за руку. Наверно, и этот райский уголок создан специально для этого. Они контролируют все мои мысли...»

— Ты не прав. Можно научиться полностью закрывать свой мозг от всяких воздействий, у нас считается невежливым надоедать занятому или ушедшему в себя человеку, а на того, кто закрылся, вообще не принято обращать внимания. И ты уже не человек. Чем скорее забудешь о прошлом, тем лучше.

— А если я не хочу забывать? — с вызовом спросил Фил.

— Я выразился неточно. Мы так устроены, что ничего не можем забыть, но сейчас воспоминания о твоей утраченной человеческой сущности занимают слишком много места в сознании, приводят его в болезненное состояние, из-за которого ты не способен объективно воспринимать действительность. Позже эти воспоминания займут подобающее им место, ты будешь вспоминать о своем прошлом с легким сожалением, как иногда вспоминаешь о том, что было в детстве. Помнишь, как ты открыл мальчишкой новый цветной мир, посмотрев сквозь осколок стекла? Он ждет тебя здесь.

— Ты и об этом знаешь?..

— Я буду знать о тебе все, пока ты не научишься закрывать свое сознание от посторонних воздействий, а это случится не скоро, и будет означать, что ты стал взрослым в нашем, новом для тебя мире.

— Оставь меня сейчас, я хочу посмотреть и подумать, оценить все, что здесь увижу без твоей помощи.

— Хорошо, — коротко сказал голос. Мысленно он позвал его, но голос не отозвался. Фил усмехнулся. Правила игры соблюдались полностью, но он все равно не верил в то, что наставник ушел совсем.

Мимо него не спеша шли пассажиры, только что сошедшие с поезда. Они шли отдельно друг от друга, не было веселых компаний, никакой разбивки на отдельные группы, как это обычно случается в большой человеческой толпе. Фил подумал, что у них нет необходимости близко подходить к собеседнику, чтобы перекинуться парой фраз. Еще его поразило, что в толпе не встречались дети и старики.

Филин дождался, пока поезд не спеша втянулся в туннель, и, только убедившись, что вокруг никого нет, медленно побрел по дорожке. Большинство приехавших исчезли в бесчисленных дверях гигантского здания. Филин решил здание оставить напоследок и свернул в парк.

Казалось, парку, раскинувшемуся вдоль побережья, нет конца. Кустарников не было, не было и колючих, похожих на проволочные матрасы деревьев. Мясистые сочные стволы здешних растений походили скорее на абстрактные статуи, чем на деревья. Листья на них отсутствовали, очевидно, деревья обходились бугристой морщинистой поверхностью самих стволов. «Людей в парке немного». Он все никак не мог привыкнуть называть синглитов иначе. Они ходили по дорожкам, лежали на солнцепеке, сидели под деревьями. Больше всего его поражало отсутствие всяких предметов, которыми так любили окружать себя люди даже на отдыхе. Не было ни зонтиков, ни полотенец, ни шезлонгов, ни даже книг... «Где они

живут? Неужели все вместе в этом огромном здании?» И тут он подумал, что приехавший на новое место человек прежде всего ищет место, где он может приткнуться, какой-то своей конуры, пусть небольшой, но его собственной. Место, где можно положить вещи, где есть кровать, чтобы отдохнуть с дороги. «Но мне не нужна кровать, потому что я не устал, и вряд ли когда-нибудь устану. У меня нет вещей, похоже, их больше не будет. И значит, дом мне не нужен... Дом для человека — это не только место, где он укрывается от непогоды и растит детей... Дом — это нечто большее — кусочек пространства, принадлежащий тебе одному, крепость, защищающая от врагов, основа семьи...» Дом вплетался в человеческую психологию тысячами незримых нитей, обрастал традициями и неистребимыми привычками, нельзя было человека лишить дома, не нанеся ему глубокой психологической травмы. А раз так, то либо он чего-то не понимает, либо они не все учли в этой хорошо продуманной системе превращения человека в синглита... А может, наоборот, может быть, как раз отсутствие собственного дома составляет основу этой системы?

Он вышел на берег, волны накатывались на песок, обдавали его брызгами. Краем глаза он заметил, что слева под большим скрученным узлами деревом расположилась компания из нескольких синглитов. Никогда нельзя было понять, чем они заняты. Сосредоточенные лица, блуждающие улыбки, сидят словно лунатики, каждый сам по себе... Он уже знал, что это не так, что таков их способ общения. И ничего не мог с собой поделаться, все время отыскивал в них чужое, враждебное себе. Это получалось само собой. Вдруг женщина из этой группы поднялась и пошла к нему. Она была высокой и стройной. Фил боялся высоких женщин, может быть, потому, что сам не отличался особым ростом, и поэтому же, наверно, только такие женщины ему и нравились. У нее были рыжие, почти огненные волосы и огромные глаза неправдоподобного изумрудного оттенка. «Как кошка, — подумал Фил. — Рыжая кошка с зелеными глазами».

— Ну, спасибо! — сказала женщина, не разжимая губ.

И он ощутил мучительную неловкость оттого, что каждый мог заглянуть в его черепную коробку, словно она была стеклянной.

— Ладно уж, не стесняйтесь. Я не сразу догадалась, что вы новичок. — Она остановилась рядом, совсем близко от него и, прищурившись, смотрела на море. Ветер шевелил ее волосы. Фил изо всех сил старался не думать о ней, вообще ничего не думать и, чтобы справиться с этой непростой задачей, быстренько стал повторять первую пришедшую на ум детскую песенку: «Жили у бабуси два веселых гуся...»

— Да будет вам! — сердито сказала женщина и вдруг лукаво улыбнулась:

— Слушайте, «бабуса», хотите посмотреть наше море?

— Как это «посмотреть», что я его не вижу, что ли?

— Ничего вы еще не видели! — Она схватила его за руку и потащила за собой прямо в воду. Он инстинктивно сопротивлялся, но это было все равно что пытаться остановить трактор. Его ноги прочертили по песку две глубоких борозды, и почти сразу же он по пояс очутился в воде. Потом их с головой накрыла прибойная волна, женщина нырнула, и, чтобы хоть как-то сохранить остатки своего мужского достоинства, он нырнул вслед за ней. Фил плохо плавал и знал, что дыхания надолго не хватит, а она уходила от него все дальше в синеватую глубину, я тут он вспомнил, что ему не нужен воздух...

Погружение, стоившее ему на специальных занятиях по плаванию столько усилий, теперь проходило на редкость свободно... То ли вода здесь не такая плотная, то ли его тело стало тяжелее. Раскинув руки, он медленно погружался. «Вот сюда, левее, здесь карниз!» — сказала женщина, не оборачиваясь, и он подумал, что прямой способ обмена информацией иногда может быть удобен. Опустившись рядом с ней на карниз, он осмотрелся. Зрение сохранило под водой свою обычную четкость, словно он нырнул в маску для подводного плавания.

В его комнатке, в далеких и навсегда чужих теперь пещерах, хранилась маленькая старинная статуэтка из прозрачного цветного стекла. Никогда нельзя было точно определить, какой оттенок таился в глубине ее стеклянного тела. Согретая в ладонях, она становилась

темно-желтой, почти золотой, прямые лучи солнца рождали в ней глубокий синий цвет, пламя свечи или костра — фиолетовый... Он вспомнил о ней сейчас, чтобы зацепиться за что-то знакомое в этом фантастическом водопаде красок, обрушившемся на него из хрустального волшебного сада, в котором они очутились.

Он так и не понял, были то прозрачные водоросли или минералы. Длинные полупрозрачные ленты, нити и целые колонны этих удивительных образований сверкающей анфиладой закрывали все дно перед ним и полыхали всеми цветами радуги. Как только вверху проходила волна, тональность окраски резко и ритмично менялась, словно на экране цветомузыки. Но никогда не мог экран дать этого ни с чем не сравнимого ощущения огромного простора, по которому гуляли цветные протуберанцы.

Они стояли молча, забыв обо всем. Женщина взяла его за руку, и не нужно было вспоминать этих глупых гусей, потому что в голове у него ничего не осталось, ни одной мысли, кроме безмерного восхищения совершенной, никогда не виданной красотой. Он не знал, сколько прошло времени — час или два? Ритмичность огненного цветного калейдоскопа завораживала, таила в себе почти магическую, колдовскую силу.

Когда вышли на берег, их уже связало это совместно пережитое глубокое восхищение, слова были бедны по сравнению с их чувствами...

«Стоп, — сказал себе Фил. — Остается встать на четвереньки и завывать от восторга. Довольно».

— Что с тобой? — удивленно спросила женщина. — Что тебя тревожит, чего ты все время боишься?

— Я хотел бы остаться человеком, — тихо сказал Фил, — понимаешь ты это?

Она внимательно посмотрела на него.

— Я слышала, что такое бывает. Очень редко, но все же бывает. Был случай, когда тоска по утраченной человеческой сущности не оставила одного из нас и после третьего цикла... Мой наставник объяснял это тем, что многие из нас слишком рано становятся синглитами, гораздо легче проходит переходный период, если человек приходит к нам в пожилом возрасте. С тобой это случилось слишком рано. Но тоска скорей всего пройдет после первого же цикла. Ты о ней забудешь.

— А если нет? Ты говоришь об этом так, словно перестать быть человеком — это всего лишь сменить одежду. И потом этот цикл... Я столько о нем слышал... Можешь ты объяснить, что это значит?

— Почему бы тебе не спросить о нем своего наставника?

— Я попросил его удалиться. Вежливо попросил.

Она улыбнулась.

— Я бы с удовольствием... Здесь нет никакой тайны, но это так же трудно описать словами, как то, что мы с тобой только что почувствовали на дне моря. Через месяц начнется сезон туманов, и ты все ухаешь сам. Зачем спешить? Пойми пока лишь одно — никто здесь не собирается тебе навязывать ни своей воли, ни чужих мыслей.

— Да, конечно... Только вот забыли меня спросить, хочу ли я стать синглитом...

Она повернулась и молча пошла прочь, словно он ее оскорбил. Филин долго смотрел ей вслед, стараясь узнать ее мысли, и ничего не чувствовал, кроме глухой стены. «Придется и мне научиться выращивать эту стену, — с раздражением подумал он и медленно пошел прочь. — Вы подождите, ребята... Я научусь... Я здесь многому научусь... Это ничего, что вы меня испугались там у реки, это совсем неважно. Пусть так. Будем считать, что у меня задание без права на возвращение... Я должен найти их слабое место... Должно быть такое место, не может его не быть, точка, на которой держится вся конструкция. Жаль, не успел спросить, что случилось с тем парнем, который не захотел стать предателем и после этого их третьего цикла. Где он сейчас? И вообще неплохо было бы найти среди них тех, кто думает так же, как я...»

Ротанов заметил люсса секунды за две до броска. Наверняка он успел бы за это время вскинуть пульсатор и нажать спуск. Но что-то его удержало. Люсе выглядел как клуб плотного пара. Казалось, верхушку дерева укутала большая снежная шапка. Но вот это уплотнение тумана дрогнуло и потекло к Ротанову. Подавив щемящее чувство опасности, он ждал. Иммуниет? Сейчас я это проверю...

Наконец люсс прыгнул. Больше всего это походило на снежный обвал. Что-то вязкое, плотное, отвратительно пахнущее свалилось ему на плечи, окутало непроницаемой мглой и почти сразу же исчезло; он видел, как стремительно, вытянувшись в длинную вертящуюся трубу, уходил люсс, теряясь среди ветвей отдаленных деревьев. «Значит, я вам не нравлюсь... Не подхожу по вкусовым качествам». Вдруг это не только иммуниет? Вернее, не просто иммуниет, а что-то другое, гораздо более значительное? Что, если люсс вообще не в состоянии напасть на здорового человека? Тогда прав доктор. Тогда за всеми бедами колонистов, за этой войной, за бредовым обществом синглитов стоит одна и та же трагическая случайность — наследственные изменения после гибридизации... Иными словами, все колонисты не совсем здоровы... Во всяком случае, не здоровы с точки зрения люсса... Все это надо еще проверить, пока это лишь предположения, догадки. Фактов ему не хватало. За ними и шел.

Люссы не повторяли нападений до самого города. Как только начались окраины, он повесил пульсатор на грудь и сдвинул предохранитель. После взрыва роллера не хотелось позволять стрелять в себя, да и не парламентом шел он на этот раз в город, он чувствовал, что все мосты сожжены, что после гибели тех тринадцати человек, жизнь которых они обещали ему сохранить, он уже не будет вести переговоров, вряд ли он мог сейчас сказать, как поступит.

С запада город начинался кварталом восьмизэтажных одинаковых зданий унифицированного образца. Строительные роботы отливали их по единому проекту из силикобетона во всех колониях. Даже целыми такие кварталы смотрелись довольно уныло. На вновь осваиваемых планетах приходилось жертвовать красотой ради удобства и быстроты. Сейчас же, с выбитыми стеклами, с сорванными переплетами, с уродливыми язвами пробоин в облицовке стен, здания выглядели мрачно, почти враждебно. Казалось, сам город ополчился против покинувших его людей, затаил на них обиду за нанесенные раны.

Ротанов решил собрать данные о ночном периоде жизни синглитов, заполнить пробел в наблюдениях, а также выяснить все, что возможно, об их семейном укладе, если такой уклад у них вообще существовал. С наступлением сезона туманов активная деятельность синглитов, судя по отчетам научного отдела, прекращается.

Он знал по опыту, как часто ошибаются те, кто пишет такие отчеты, и был готов к любой неожиданности. Первые квартиры выглядели так, словно их покинули много лет назад. Наверно, никто не заглядывал сюда. Огромный город, казалось, вымер. Нигде не светилось ни малейшего огонька, не слышно было ни звука. Туман, забивавший улицы, обложивший старые здания слоем клейкой влажной ваты, сделал весь город похожим на театральную декорацию.

Среди охотников существовало поверье, что с наступлением сезона туманов синглиты уходят в лес... Зачем? Этого никто не знал. Напряжение постепенно спадало. Он уже не ждал выстрела из-за каждого угла. Ближе к центру начинались административные и производственные кварталы города. Где-то здесь была резиденция их координатора. Проплутав около часа, он наконец нашел нужную улицу.

Здание было так же пусто, как и весь город. Старое охотничье поверье казалось правдой. Теперь во что бы то ни стало ему придется узнать, зачем и куда уходят синглиты. Но это потом, сначала надо воспользоваться случаем и провести тщательную разведку в самом городе.

Четыре часа он провел в комнатах со стальными решетками на окнах, с толстыми, в метр толщиной, стенами. Трудно было сказать, кто построил это мрачное здание — люди

или синглиты. Во всяком случае, здесь он нашел то, что искал. Место, где до ухода постоянно находились синглиты...

Вначале он был осторожен, опасаясь какого-нибудь подвоха, ловушки или даже засады, но синглиты, очевидно, были уверены, что в это время люссы — лучшая охрана, и не особенно беспокоились о своем оставленном имуществе. Имущества было много, самого разнообразного... Вскоре он понял, что безобидный с виду кабинет Бэрга на самом деле — центр управления какого-то сложнейшего комплекса, со скрытой в стенах аппаратурой. К сожалению, на этот раз его интересовала совсем не электроника... Жилых комнат попросту не было. «Не могли же тысячи синглитов все время, свободное от работы, проводить на улицах! Или могли?» Он надеялся, что, проникнув ночью в неохраняемый город, сможет хоть что-то понять. Но, похоже, запутался еще больше. Вопросов прибавилось, и не было ни одного ответа...

Куда идти дальше? Как найти дорогу или хоть приблизительное направление, по которому ушли синглиты? Где их искать? Ничего этого он не знал.

Филин вошел в здание через одну из многочисленных дверей. Никто ему не препятствовал, не спросил, что ему здесь надо. Прямой узкий коридор вел к центру. Справа и слева бесчисленные одинаковые двери без единой надписи. Учреждение или общежитие? Стеклопанельное, почти прозрачное сверху здание изнутри было рассечено глухими перегородками, отделено дверями... Что там за ними? Войти? Почему бы нет, раз ему никто не запрещал, вот хоть в эту. Огромная комната. Что-то вроде оранжереи: маленькие растения, большие растения, части растений, казалось, все это растет прямо на полу или на широких пластиковых столах. От веток шли провода, на стволах примостились датчики. Было влажно и душно. Под потолком гудел кондиционер. Где-то в глубине двигалось несколько человек в голубых пластиковых халатах. Они не обратили на Фила ни малейшего внимания. «Здесь ничего интересного, возможно, оранжерея. Здание может быть жилым комплексом, заводом, институтом, оранжерея ни о чем не говорит».

В соседнем помещении в огромных аквариумах плавали местные чудища. В большом центральном бассейне он увидел кедвота, мясо которого считалось у колонистов лакомством. По огромному количеству проводов, опущенных в бассейн, по многочисленным циферблатам и экранам расставленных на столах и развешанных по стенам приборов он уже почти догадался, что это такое... «Центр... Научно-исследовательский центр планеты... О таком мечтал доктор. Только мечтал. Люди не могли себе позволить здесь ничего подобного... Но почему, ведь начинали с одного уровня? — И вдруг он понял, — только начинали, а потом людей становилось все меньше, а синглитов все больше...»

— Ты не знаешь, почему кедвот ест только голубых креветок? Чем они лучше розовых? — спросил его кто-то из исследователей.

— Не знаю! — угрюмо буркнул Фил и повернулся, чтобы уйти. Совершенно случайно он знал ответ, слышал от доктора, что в крови голубых креветок содержится больше меди, необходимой кедвоту для постройки защитных иголок. И не успел подумать об этом, как голос, только что задавший вопрос, произнес у него в голове короткое «спасибо». Он вздрогнул, все никак не мог привыкнуть к тому, что каждая его мысль прослушивалась. «Вот так они и узнают про нас все. Все, что им нужно, — подумал он, закрывая за собой дверь. — Неудивительно, что с каждым годом люди все больше отступали. Все наши знания, любые военные секреты, вот они, пожалуйста. Никого не надо допрашивать, расположи к себе пленника, поговори с ним ласково, назначь наставника, объясни еще, что нет обратной дороги — и вот он уже готов. Потом, стоит только спросить, даже если тот и не захочет отвечать, никто не станет настаивать, рано или поздно случайно подумает, и все сразу станет известно врагу...» Он мучительно старался вспомнить, не спрашивал ли кто-нибудь его, например, о расположении постов перед базой, о времени патрулирования, о запасе оружия... Но ничего подобного вспомнить не мог и на всякий случай торопливо прогнал эти мысли, неизвестно какую штуку выкинет с ним собственный мозг.

Нужно быстрее отвлечься. Он прошел по коридору мимо нескольких дверей. В голове что-то глухо стучало, он чувствовал себя так, словно много часов провел в душном помещении, и ему не хватало воздуха. Он понимал — дело не в этом, воздух ему не нужен. Сказалось напряжение последних дней, мозг с трудом справляется с повышенной нагрузкой. Сколько можно идти по этому бесконечному коридору? Вот боковой проход, еще одна дверь... Огромный зал, не меньше футбольного поля. В центре гигантское сооружение из стекла, стали и пластика. Водопады труб низвергались к этому стальному чудовищу. Ущелья, стены которых выстилали шкалы и экраны неизвестных ему приборов, сходились к центру зала. Стальные леса помостов вздымались на несколько этажей, и среди этого хаоса копошились крошечные фигурки в оранжевых халатах. Их мысли и фразы, обращенные друг к другу, гудели у него в голове, смешивались, уничтожали остатки смысла в том, что он видел.

Бред, сумасшедший дом.

Новый зал. Тишина и покой, длинные ряды раскаленных печных зевов. Он устал... Дьявольски устал... Тело синглита незнакомо с физической усталостью. Усталость засела у него в голове и грызет и гложет мозг, как крыса... Даже у собаки есть своя конура, даже у робота. У него нет.

Новый зал. Колоннады сверкающих шаров. Пахнет озоном, прыгают стрелки приборов, прыгают электрические искры, прыгают, скачут, словно взбесившиеся мысли у него в голове. Ему нужно так немного, всего несколько метров пространства. Кровать, чтобы можно было с головой зарыться в подушку, дверь, чтобы можно было ее закрыть. Четыре стены, чтобы можно было остаться одному... Длинный коридор и снова дверь... Распахнув ее, он остановился, словно налетел на стену. Там была комната. Обыкновенная человеческая комната с картиной на стене. С глиняным горшком на столе, из которого веером растопырились зеленые листочки растения, семена которого привезли с Земли сотни лет назад. Знакомая железная кровать с подушкой, в которую можно зарыться...

Секунду он стоял неподвижно, стараясь понять что-то важное, какую-то мысль... Ведь это была не просто комната, знакомы были не только картина и эта кровать, но что-то еще, что-то такое же милое и близкое, как эти зеленые листочки на столе... И вдруг он увидел. На полке у самого изголовья стояла стеклянная статуэтка девушки... Второй такой не было. Не могло быть на этой планете... Он взял ее в руки, согрел ладонями, заглянул в глубину, где медленно рождались золотые искры. Это была его комната.

Широкое окно во всю стену без рам и переплетов свободно пропускало солнечный свет и не пропускало взгляда. В пещере, где он жил, не было окон и не было пластиковых голубоватых стен. Но все равно эта комната принадлежала ему, ждала его. Со вздохом глубокого облегчения он опустился на кровать. Не разжимая ладоней, поднес к лицу маленькую вещицу, значившую для него так много, закрыл глаза и вслушался в странную мысль, которая тут же всплыла из каких-то мрачных глубин его сознания. В этом здании были сотни коридоров, тысячи залов, миллионы комнат; каким же образом безошибочно, без долгих поисков нашел он именно эту, предназначенную для него, в тот момент, когда больше всего в ней нуждался?

Кто этот невидимый слуга или господин, ни на минуту не оставляющий его в покое? Все тот же наставник? «Ну отзовись же, слышишь! Отзовись! Я сдаюсь. От тебя не спрячешься, не уйдешь, потому что ты сам — часть меня...»

Голос молчал.

Ротанов брел через путаницу улиц, не обращая внимания на бесчисленные повороты, тупики, груды разбитого бетона и тлетворного гниющего хлама. Еще один поворот, покосившаяся стена здания. Знакомый забор... Он вздрогнул, потому что видел уже однажды фасад этого дома и не раз потом вспоминал... Так просто взбежать по лестнице на второй этаж, отыскать дверь под номером шесть... И остановился перед ней, не в силах повернуть ручку, потому что слишком хорошо знал, никого там не было. Но можно ведь и

проверить...

Перекошенная дверь никак не хотела отрываться от косяка, наконец, подняв целую тучу пыли, она уступила его усилиям. Багровые отсветы солнца с трудом продирались сквозь разбитые грязные стекла и окрашивали стены комнаты в неправдоподобный кровавый цвет. Ну вот, он и увидел то, что хотел: грязную, усеянную обломками и заставленную полусгнившей мебелью комнату. Даже место, где они встретились, не стоит того, чтобы о нем помнить, а уж все остальное... Вдруг он услышал шорох. В пустой квартире шорох раздался резко, как грохот, и Ротанов сорвал с плеча пульсатор. Секунда, вторая, третья пронеслись в полной тишине, и снова шорох, звук шагов по коридору, ведущему на кухню. Мороз продрал его по коже. Слишком уж неожиданны были эти шаги в заброшенном городе, в пустой квартире, слишком уж хотел он их услышать, хотел и боялся одновременно...

Она остановилась у входа в комнату, небрежно опершись на притолоку, на ней было то самое темное платье, даже наспех сделанный шов сохранился... Он стоял, сжимая в руках свой дурацкий пульсатор, и не знал, что сказать.

— Долго ты, Ротанов. Я уж думала, не дождусь. Все наши давно ушли, а я все жду, жду... Мне хотелось с тобой проститься.

— Как ты могла знать?.. — Голос у него сел, он все никак не мог протолкнуть застрявший в горле предательский клубок.

— Да уж знала... Я многое про тебя знаю. Я даже могу смотреть твои сны.

Он отбросил пульсатор медленно, словно в трансе шагнул к дивану, на котором когда-то, не так уж давно она стерегла его сон. Ротанов обхватил голову руками, будто хотел удержать рвущуюся наружу боль. Боль разрасталась толчками, словно внутри кто-то упорно долбил ему череп.

Несколько секунд она молча смотрела на него. Потом подошла и села рядом, чуть в стороне, сохраняя небольшую дистанцию, словно понимала, что случайное прикосновение может быть ему неприятно.

— Вот ведь как все получилось, Ротанов... Если разобраться с помощью вашей человеческой логики во всей этой истории, то ее попросту не может быть. Потому что меня не существовало раньше...

Было заметно, как трудно ей говорить, она выдавливала из себя слова, точно роняла стальные круглые шарики.

— Тебе трудно понять и еще трудней объяснить. Та девушка... Она ведь была не такой, до встречи с люссом она не была еще мной.

— Ты ее помнишь, ту девушку?

— Я ничего не могу забыть... Иногда это так мучительно и не нужно, но это так. Когда-то я была ею, потом стала вот такой, и я уже не она. Но самое главное... Для тебя главное, — вдруг уточнила она, — что и такой, как ты меня узнал, я останусь недолго...

— Как это — недолго?

— Время кончается, Ротанов. Собственно, оно уже кончилось. Кончается цикл, начнется новый, в нем уже не будет меня... Не будет такой, как ты видишь меня сейчас... Останется только память... Все, что было, все, что ты говорил мне, все, что я думала о тебе, останется, не пропадет. У нас ничего не пропадает, все ценное идет в общую копилку и принадлежит всем... Во время смены циклов все уходит в эту общую память, и из нее возрождаются потом другие личности. Так что я не увижу тебя больше, вот я и хотела дождаться, чтобы ты не искал меня и никого не винил... Потому что я знаю, ты думаешь обо мне иногда... Я даже знаю, когда во сне ты ищешь меня и находишь не такой, как я есть... Не нужно, Ротанов, это все бессмысленно, чудовишно. Я не знаю, как найти слова, какие нужны слова, чтобы тебя убедить, чтобы, когда я ушла, у тебя не осталось ни тоски, ни гнева, потому что никто не виноват в том, что так случилось, что мы встретились и полюбили друг друга... Хотя это и невозможно.

Она была потерянной девчонкой, с холодным бескровным телом манекена в их первую встречу.

Она была суровой посланницей врагов с сухими беспощадными фразами, не оставляющими никакой надежды... И она же, оказывается, могла быть вот такой, какой была сегодня, — попросту влюбленной женщиной.

Он жадно вглядывался в нее, словно старался запомнить навсегда, и вдруг ему показалось, что он уже видел это лицо... Нет, не тогда, когда нашел ее в этой комнате. Раньше, гораздо раньше... Если удлинить разрез глаз, взбить волосы, на которых когда-то сверкала серебряная диадема... Этого не может быть! Все смешалось в нем, заволокло туманом. Одно только оставалось совершенно очевидным, отчетливым: она сейчас уйдет. Навсегда уйдет из его жизни. Снова он ее упустит и на этот раз уже навсегда. Только поэтому, да еще потому, что она вытащила на свет из потаенных уголков его сознания все мысли, в которых он боялся признаться самому себе. Он понял, как ему нужна эта женщина, и понял, что, если ко всей его горечи прибавится еще и эта потеря, он может просто не выдержать, сорваться...

Пульсатор валялся в углу, он видел, как в полумраке зловеще поблескивает вороненый металл короткого ствола, и думал о том, что инженер, наверно, был близок к его теперешнему состоянию, когда неделю назад ушел в город, чтобы не вернуться. Инженер хоть верил, что может кому-то отомстить за смерть своих близких, она же позаботилась о том, чтобы у него не осталось даже этой горькой возможности... Потому что ведь это правда: та девушка, которая погибла от люссов, не была ею. И следовательно, даже за ее гибель он не может мстить, наоборот, только благодаря этой гибели возникло холодное облако тумана, уплотнилось, принесло с собой частицу памяти о совсем другой женщине, жившей на этой планете тысячи лет назад. Вот откуда это странное сходство с гордой рэниткой. Вот опять, как все нелепо, не было злой воли. Кошмарный бред... Не бывает таких безысходных ситуаций... И наверно, единственный выход — уничтожить все это сразу, весь этот бредовый мир... Казалось, так просто сжать в руках тяжелую ребристую рукоятку и утопить в потоках пламени всю свою тоску и горечь...

— Мне уже пора...

— Я не отпущу тебя!

Он протянул руку и нашел ее ледяные пальцы. Впервые прикосновение к ней не вызвало ни отвращения, ни страха. Он чувствовал только глухое глубокое отчаяние. Он крепко сжал ее руку и потянул к себе. Но холодная, мягкая, почти безвольная ладонь незаметно, без всякого напряжения выскользнула из его руки. Она встала и медленной неуверенной походкой пошла к выходу, остановилась только у самой двери.

— Не так уж все безнадежно, — тихо сказала она. — Мы живем очень долго, я могла бы подождать...

— Но тебя ведь не будет!

— Это зависит от меня... Дело в том, что я смогла бы стать опять такой же, восстановить все таким, как сейчас, такой, какой ты меня видишь и помнишь...

— При чем тут моя память? Объясни же наконец! — почти закричал он.

— Хорошо, я попробую. Если в наше общество приходит новый человек, его память будет использована и учтена. В следующем цикле ты мог бы встретиться со мной... У нас нет такой устойчивой индивидуальности и тем более внешности, как у людей. Но именно поэтому возможна наша встреча. После своего ухода я узнаю, какой ты меня видишь, помнишь, и я захочу стать именно такой, и тогда это так и будет. Мы очень сильно меняемся во время перехода... Твоя память как бы смешается с моей, твоя воля с моей, возникнут два новых существа, дополняющие друг друга, полностью гармоничных, ты и я... Не такие как прежде, может быть, лучше... Что-то исправится, откорректируется в следующем цикле. Вся наша индивидуальность, черты характера — все будет зависеть от нас самих и не будет требовать для своего изменения таких гигантских усилий, как это нужно людям. Поэтому пары у синглитов никогда не расстанутся, многие сотни лет они совершенствуются, изменяются, растут вместе — от цикла к циклу... Если хочешь, я тебя подожду...

— Вот ты о чем... Нет, даже это невозможно... Даже если бы я захотел, люссы меня не

трогают. Но я и сам никогда не соглашусь... Я ведь человек и даже ради тебя... Нет!

Она кивнула головой, помолчала.

— У меня к тебе просьба. Не ходи за мной.

Тихо скрипнула дверь. Тишина навалилась на него как обвал, только кровь стучала в висках.

3

Шли дни, и постепенно Фил привыкал к своему новому состоянию. Он по-прежнему не чувствовал себя синглитом, все еще тосковал по товарищам, по всему, что принадлежало ему, когда он был человеком. Но его новый приобретенный взамен мир был достаточно разнообразным и интересным.

Каждый день этот мир был к его услугам, и постепенно тоска по прежней жизни становилась глуше. Приспособиться, пережить первые самые трудные дни помогла ему комната, заботливо восстановившая кусочек его старого мира. Вскоре он заметил, что все реже чувствует необходимость в уединении. Слишком много интересного ждало его снаружи, в многочисленных залах-лабораториях, в огромном красочном парке. Новые знания, которые он мог тут же проверить в лабораториях, постепенно изменяли его интересы, рождали новые мысли. Появились и первые товарищи среди синглитов. Вместе с Эл, как назвал он свою рыжеволосую подругу, они часто посещали зал образных гармоний. Фил научился не выдавать во время сеансов своих истинных чувств, чтобы не мешать другим делиться друг с другом радостью. Долгие прогулки по дну моря еще больше сблизили их с Эл. Если бы он мог быть до конца объективным, то, пожалуй, признал бы: его теперешняя жизнь была, по крайней мере, не хуже той, которую он навсегда потерял. Вот только его постоянно мучили мысли о том, что это всего лишь передышка. Подготовка. Рано или поздно из него сделают солдата врагов. И он все время напоминал себе, что за стенами этого прекрасного стеклянного здания шла жестокая, кровопролитная война с его недавними товарищами.

Если бы не эти мысли, не страх, что его попросту увлекают, он бы, наверно, не так тосковал, и его адаптация в мире синглитов прошла бы намного безболезненнее и быстрее. Но с этим он ничего не мог поделать, ему оставалось попросту ждать и стараться сохранить в себе память, остатки прежней ненависти, чтобы в решающий момент не отступить, не стать предателем...

Человек он или синглит, уважать он себя перестанет, если возьмет в руки оружие и направит его против воспитавших и вырастивших его людей. А раз так, нельзя расслабляться, нельзя забывать... И он старался. Больше всего тяготила неизвестность, связанная с таинственными превращениями, ожидающими каждого синглита во время перехода в новый цикл. Он подозревал, что именно тогда произойдет с ним то, чего он так боялся. Судя по всему день этот приближался. Перестали приходить поезда с новыми партиями синглитов. Жизнь огромного города-дома постепенно замедляла свой ритм. Однажды утром он обнаружил, что все лаборатории центра прекратили работу. В коридорах и на дорожках парка встречались сосредоточенные, спешащие к вокзалу синглиты. О Филе словно забыли... Он пошел на станцию и проводил несколько поездов. Никто не пригласил его участвовать в этом массовом исходе, никто не заставлял и оставаться. Им словно не было до него никакого дела. Он не мог больше уловить ни одной их мысли. Фил подумал, что война, может быть, перешла в какую-то новую фазу. Люди получили подкрепление, связались с Землей, и теперь синглитам грозит полное уничтожение, его новый мир будет уничтожен, разрушен, и он, перестав быть человеком, не станет и синглитом... Будет существом без прошлого и будущего. Эта мысль обдала его холодным страхом, и сразу же он сказал себе: «Вот оно, начинается. Они сумели показать тебе, чего ты можешь лишиться. Теперь нужно совсем немного усилий, и ты побежишь спасать свою новую конуру. Ну нет! Этому не бывать!»

Он повернулся и решительным шагом направился прочь от станции. Нужно попытаться разыскать Эл, пока она не уехала, и узнать, что произошло.

Он вспомнил, как бежал через лес. В конце концов, этот выход у него останется всегда. Он сможет выйти на передовые посты перед базой. Это будет естественным и справедливым концом. Вспомнил, как однажды на рассвете он стоял в дозоре и из лесу прямо на него вышел какой-то одинокий синглит. Вышел и пошел напролом, не останавливаясь, не обращая внимания на окрики. Ослепительная вспышка пламени прервала его долгий путь... Только теперь Фил понял, как долог и нелегок был этот путь...

Обычно они встречались на пляже, у Эл не было своей комнаты, она объясняла это тем, что тяга к одиночеству проявляется только в первом цикле.

На пляже никого. Волны моря набегали на пустынный берег, покрытый шелковистым ласковым песком. Много часов провели они здесь вместе и чаще всего молчали. У них еще не было общих воспоминаний, а своим прошлым она не любила делиться, так же, впрочем, как и он сам. Он заметил, что все связанное с человеческой жизнью стало у синглитов своеобразным табу. Не то чтобы говорить или думать о ней запрещалось, но это было невежливо, потому что причиняло собеседнику невольную боль. Только теперь он начал понимать, что синглиты гораздо более ранимы, чем казались с виду, и что никакие циклы полностью не справляются с болью и тоской по оставленному человеческому прошлому...

Эл работала в биологической лаборатории центра. Она не считала свои занятия там работой. И он понимал ее, сам невольно увлекаясь опытами, которые она ставила. Наверно, этой увлеченности способствовало отсутствие всякого определенного времени занятий, их необязательность, они как бы стали своеобразной игрой, развлечением, а не работой.

Все двери оказались открытыми. Они и раньше не запирались, кроме тех, что вели в опасные помещения или личные комнаты новичков.

Пока Фил бродил по пляжу, здание полностью опустело. Ему казалось невозможным, чтобы она уехала, не попытавшись его увидеть!

Но вся аппаратура, зачехленная и обесточенная, была подготовлена к длительной остановке и хранению чьими-то заботливыми руками. Казалось, здание уснуло. Он еще с полчаса бродил по его коридорам и залам, невольно вспоминая день, когда метался из одного перехода в другой, как загнанная бездомная собачонка... Теперь у него есть хоть комната и ничего другого ему не оставалось, как снова спрятаться за ее дверью от собственного страха и одиночества.

За столом сидел незнакомый светловолосый синглит и задумчиво вертел в руках стеклянную статуэтку. Фил попытался. У синглитов было не принято без разрешения входить в чужую комнату. Грубое вторжение не предвещало ничего хорошего.

4

Ротанов словно плыл в расплывчатом море, у которого не видно берегов.

Уходя из города, он на что-то надеялся, что-то искал... Что именно? Этого он уже не помнил. Хотя если хорошенько подумать, то можно вспомнить, что еще совсем недавно у него была вполне определенная цель: настигнуть синглитов, покинувших город, найти то место, куда они уходят для каких-то неизвестных, тайных от людей дел... Но постепенно, с каждым часом цель становилась все неопределеннее, словно окружающий туман проникал даже в мысли, путал их. Он ведь искал не просто место... Не ответ на загадки планеты... Он искал женщину, вернее, синглитку. Он выполнил ее последнюю просьбу, позволил уйти, навсегда затеряться в белесом болоте и, похоже, заплатил за это слишком дорогой ценой. Обрек себя на дорогу, у которой нет ни конца ни края. Всю жизнь он будет теперь идти вот так, увязая в тумане, не зная, куда и зачем.

Постепенно усталость давала о себе знать. Он все чаще спотыкался, терял представление о времени и пространстве. Иногда ему казалось, что он бредет в этом однообразном сером месиве с самого рождения и будет идти еще долгие годы, без всякой

надежды на конец дороги. Чтобы вернуть ощущение реальности, Ротанов сорвал с плеча пульсатор и выстрелил.

На секунду ему показалось, что в тумане чужой планеты возшло обыкновенное земное солнце. Его желтоватый жаркий свет разметал враждебные щупальца тумана, горячий ветер ударил в лицо, смел остатки липкой дряни, а ответ горящих деревьев высветил склон холма, по которому он шел. Сознание вновь обрело знакомую ледяную четкость, мысли уже не прыгали и не путались. Все упростилось, стало до конца ясным. Он инспектор. У него есть инструкции, там можно найти ответ на самые сложные вопросы. Простой и доступный ответ. Уголком сознания он понимал, что с ним не все в порядке. Он слишком долго шел, слишком устал. Многократные нападения люссос не могли пройти бесследно...

Ротанов достал флягу с водой, но не успел сделать ни одного глотка. Сверху по склону холма ему навстречу спускалась маленькая фигурка, издали очень похожая на человеческую. По походке он сразу же понял, что это синглит. Спрятаться? Пойти за ним следом? Попробовать заговорить? Сейчас все эти очевидные решения казались ему слишком сложными.

Ствол пульсатора описал короткую дугу, ловя в перекрестье прицела тропинку, по которой шел к нему синглит. Оставалось подождать, пока он сделает шагов двадцать, выйдет на эту открытую тропинку, и нажать спуск.

5

Посетитель поставил статуэтку на место и сразу же поднялся навстречу Филину.

— Ну вот мы и встретились. Ты ведь хотел этого с самого начала. Раньше это было бессмысленно, теперь ты готов к разговору. Я твой наставник.

«Вот оно! — обожгла сознание мысль. — Я знал, что они от меня не отступятся, никогда не оставят в покое! Им нужны солдаты...»

— Подожди, Фил. Не надо спешить с выводами. Я пришел не за тем, о чем ты думаешь. Слишком многое зависит от того, поймешь ли ты меня сейчас, согласишься ли, поэтому не спеши и хорошенько подумай, прежде чем примешь решение. А сейчас сядь и послушай.

Филин почувствовал, как его охватывает знакомое щемящее чувство, которое, как он знал, появляется у него накануне боя или в момент сильного нервного напряжения; оно длилось недолго, и на смену ему всегда приходило спокойствие и трезвый расчет, не раз выручавшие его в сложных запутанных ситуациях. Он сел к столу совсем близко от посетителя и пристально посмотрел ему в глаза.

— Я слушаю, хотя и не понимаю. Если ты действительно мой наставник, то, наверно, мог бы внушить мне любое желание, любую свою мысль без этих долгих разговоров. Я уже знаю, что такое твой мысленный контроль.

— Контроль допустим лишь в начальной стадии обучения, ты ее уже прошел. То, что мне от тебя нужно сегодня, не заменит никакое внушение, мне понадобится твоя собственная воля, все твое желание, чтобы добиться успеха.

— Я слушаю.

— Ты помнишь зал пластации?

— Да, я туда не пошел.

— В тот день было еще слишком рано, и ты ничего бы не понял. В этом зале мы можем изменять свою внешность и не только внешность — все тело. Его строение целиком подчиняется нашей воле, желанию; ну так вот, мне очень нужно, Фил, просто необходимо, чтобы ты вернул свою прежнюю внешность, ту, которая была у тебя, когда ты был человеком. Этого никто не сможет сделать, кроме тебя самого, я могу только помочь.

— Зачем это нужно?

— Ты помнишь пилота, Фил?

— Того на складе? Конечно. Конечно, я его помню.

— Мне кажется, этот человек подошел очень близко к решению самой главной

задачи...

— Какой задачи?

— Он может прекратить войну. Фил... И не только ее. Кажется, он может найти способ, объединяющий несовместимые вещи — наше общество и общество людей...

— Как же он это сделает?

— Если бы я знал... — В голосе наставника прозвучала неподдельная горечь. — Над этой проблемой работали не один год наши лучшие ученые. Было доказано, что выхода нет. Что наше развитие целиком зависит от захваченных в плен и насильно обращенных в синглитов людей... И все же я никогда до конца в это не верил. Видишь ли, есть древние знания, сохраненные в наследственной памяти самих люссов и переданные теперь нам, мы не можем разобраться в них полностью, потому что родовая память — это только основные инстинкты, законы поведения, там все страшно запутано, неясно. Множество позднейших наслоений, и все же можно сделать вывод о том, что когда-то, чрезвычайно давно, тысячелетия назад, люссы уже имели контакт с другими мыслящими существами. Похоже, им удалось создать объединенное гармоничное общество, я даже подозреваю, что возникновение самих люссов как-то связано с этими навсегда оставившими планету в глубокой древности существами. А потом пришли люди, и произошла какая-то трагическая ошибка, случайность или что-то еще, может быть, за тысячи лет эволюция исказила первоначально заложенные в люссах инстинкты, они одичали, превратились в тех ужасных вампиров, которых вы, то есть люди, так боитесь сегодня. Это все мои догадки — не больше. Но они дали мне право подозревать, что какой-то выход из создавшегося положения возможен, но мы его не знаем. Если бы его знал кто-нибудь из нас, эти стычки, принесшие так много горя и нам и людям, давно бы прекратились.

— Вам-то от них какое горе? Одна польза...

— Ты несправедлив. Фил. Не забывай, что ты сам давно уже наш, и твое личное горе — трагедия всех тех юношей, которые становятся новыми членами нашего общества, сохранив навсегда след насилия над собой, душевного надлома, тоски по оставленному человеческому дому — все это наша общая трагедия. И когда нам приходится брать в руки оружие, чтобы наше новое общество могло продолжить свой род, — это ведь тоже трагедия, Фил... Не зря же ты больше всего боишься именно этого.

— Я никогда не стану предателем!

— Не ты один, Фил. Не ты один. В том-то и дело. Война порождает неразрешимые противоречия. Многие предпочитают уйти совсем. А ты говоришь

— польза... До прилета инспектора мы еще могли надеяться, что она кончится нашей победой, превращением всех людей в синглитов. Конечно, это ничего бы не дало, потому что сразу же прекратилось и развитие нашего общества, неспособного к размножению. Несмотря на долгую жизнь каждого нашего члена, ничего, кроме регресса и упадка, постепенного вымирания, нас не ждало после нашей победы на планете. Теперь же, с установлением контакта с Землей, все противоречия еще больше обострились.

— Что может с этим сделать пилот?

— Не знаю... Во всяком случае, над ним не тяготеют предрассудки, порожденные во всех колонистах многолетней войной. Он может быть объективен. К тому же он официальный представитель землян на нашей планете. В общем, мне кажется, он имеет право решать. И надо ему в этом помочь. Предоставить все данные, все, что от нас зависит. Во время перехода, или «цикла», как ты его привык называть, наше общество становится практически беспомощным, если бы не люссы, люди давно уже воспользовались бы этим. Я хочу предоставить пилоту такую возможность.

— Какую именно?

— Возможность выбора, свободу действий и право принять окончательное решение. Я верю в этого человека. Мне уже приходилось с ним сталкиваться, я ведь не только твой наставник, я выполняю еще и другие функции в нашем обществе. Пилот знает меня как координатора, хотя такой должности у нас не существует, но он хотел встретиться с

представителем власти, с руководителем, и мне пришлось сыграть эту роль. К сожалению, во время нашей встречи у него не возникло по отношению ко мне ни доверия, ни добрых чувств. Поэтому сегодня я вынужден обратиться к тебе. Кое-что вас связывает с пилотом, пусть небольшое, но все же для человека его склада характера этого может оказаться достаточным, чтобы тебя выслушать.

— Какова будет моя роль, в чем именно предстоит убедить пилота?

— Тебе не надо его ни в чем убеждать. Ты должен будешь привести его на поляну, где проходит цикл. Ты ее найдешь автоматически, инстинктивно. Он ее может не найти вообще — лес для него чужой. И самое главное, если возникнет такая необходимость, если наше предприятие удастся, ты сможешь быть посредником между нами, поможешь мне передать пилоту всю необходимую информацию.

— Или завлечь его в ловушку... — чуть слышно пробормотал Фил.

Наставник сделал вид, что не услышал этого, а может быть, и в самом деле не расслышал, занятый своими мыслями.

— Видишь ли, Фил... Я должен тебе сказать и еще кое-что. Встреча с пилотом — это мое личное решение. Очень многие не разделяют моего оптимизма, не верят в положительное решение наших проблем, предпочитают теперешнее существование. Меня же и еще некоторых, не очень многих в нашем обществе, это не устраивает. Пусть уж лучше решает пилот, и если он не найдет выхода, ну что же. Все кончится сразу, без долгой волокиты. Всех нас попросту не станет. Риск того, что это так и случится, очень велик, и я обязан тебя предупредить, чтобы ты мог все сознательно взвесить и решить.

— А если я откажусь?

— Тогда я попробую сам встретиться с пилотом. Скорее всего из этого ничего не выйдет. Он слишком ожесточен гибелью отряда инженера, считает, что это предательство именно с моей стороны, хотя все происшедшее — чистая случайность. Он не знает, что люсы нам не подчиняются и что мы не можем предсказать их поведения.

Что убедило Филадельфия? Откровенность? Она могла быть нарочитой, разыгранной специально для него. Слишком много в обществе синглитов фальши, мимикрии, игры... Нет, не откровенность. Скорее неподдельная горечь и усталость в тоне наставника, в его последнем признании в том, что это его личное решение...

— Почему вы не поговорили со мной раньше?

— Нужно было дожидаться, пока наши покинут город. Немало труда стоило мне задержать тебя здесь до этой минуты. Зато теперь, что бы мы с тобой ни решили, нам уже не смогут помешать.

Фил встал, прошел к окну. За ним ничего не было видно. Ничего, кроме искусственной белой слепой стены. И никто ему не поможет, никто не подскажет решения.

— Что же все-таки должен буду я сказать пилоту?

— Правду, Фил. Только правду.

— Ну, хорошо. Давайте попробуем.

6

Ротанов знал, что стрелять нужно очень точно, так как расстояние было небольшим, приходилось пользоваться минимальной мощностью, и соответственно сокращалась зона поражения. Он сделал глубокий вдох, потом выдохнул воздух, задержал дыхание и упер локоть левой руки, направляющий ствол пульсатора, в бедро. Ствол перестал прыгать. Перекрестие оптического прицела замерло на середине тропинки... Откуда здесь тропинка? Этот вопрос отвлек его от предстоящего дела, и он от него отмахнулся. Теперь в прицел попали горящие кусты, видимо, огонь только что приполз к ним по тлевшему от термического удара мху, и они неожиданно и дружно вспыхнули.

Он уже видел в верхней части прицела его ноги. Сейчас враг будет уничтожен. Ноги постепенно удлинились, появились колени, потом живот, грудь, голова... Давно пора было

стрелять, а у него рука словно заledenела на спуске. Перед глазами все еще полыхало видение зловещего соломенного факела, и никакое желание отомстить, никакие люcсы ничего не могли с этим поделаться... Время было упущено. Противник уже заметил его и не дрогнул, не сделал ни одного оборонительного жеста, не попытался бежать и не поднял оружия, он просто продолжал идти по тропинке прямо на Ротанова с какой-то жуткой неотвратимостью, не делая ни малейшей попытки спастись. С каждым его шагом все ниже опускался ствол пульсатора, потому что не было ничего нелепее, чем стоять со вскинутым оружием навстречу идущему к тебе безоружному человеку, даже в том случае, если он и не был человеком...

Синглит остановился, когда осталось всего шагов пять, пульсатор болтался у Ротанова на ремне стволом вниз, но это ничего не значило. Он успел бы его вскинуть и выстрелить, даже в том случае, если противник попытается неожиданным рывком преодолеть эти оставшиеся пять метров. Но его противник ничего не пытался, ничего не хотел, просто стоял и усмехался, и в его ухмылке Ротанов с ужасом находил что-то знакомое.

— Здравствуй, пилот. Мы, кажется, на этот раз поменялись ролями? Помнишь склад?

На секунду все поплыло у Ротанова перед глазами; ночной лес, полыхающий куст и эта жуткая ухмылка.

— Я ведь чуть было не убил тебя, Филин.

— Ну и зря не убил, потому что никакой я не Филин, а самый обыкновенный синглит. Был Филин, да весь вышел. Но раз уж все-таки не убил, то, может, побеседуем?

И Ротанов сразу же поверил ему, потому что не мог Филин пройти ночью через лес и остаться Филином, и раз он стоит здесь, то все так и есть. Не Филин это, а синглит. И странно, это соображение ровным счетом ничего не меняло. Потому что это был все-таки Филин, с его рыжей всклокоченной бородой, с его жуткой ухмылкой, с неровными, изъеденными кариесом зубами... И это лицо всю оставшуюся жизнь стояло бы потом у него перед глазами, если бы он не удержался, нажал спуск секунду назад.

— Ну что же... Рассказывай. Рассказывай, где пропал...

Странная это была беседа у костра, место которого занял догорающий куст. Филин рассказывал обстоятельно, не спеша, словно все эти долгие дни копил в себе желание высказаться, и вот теперь нашел наконец достойного слушателя. Он рассказывал об огромном городе-доме, о своей тоске, о том, как бежал к реке, и о том, как постепенно, с каждым днем все больше переставал быть человеком. Он рассказывал о своей мечте отомстить тем, кто изуродовал его жизнь, отнял друзей, будущее, цель... И о том, как постепенно тускнела эта мечта, потому что они сумели предложить взамен других друзей, другое будущее, другую чуждую и по-своему прекрасную жизнь, которую он все же не хотел принимать, как часто не хотят люди принимать фальшивки даже в том случае, когда мастерство подделки превосходит натуральный образец по красоте и правдоподобию, просто за то, что это подделка...

Он давно кончил свой рассказ, и оба они молчали, глядя на догорающий куст. Словно время остановилось, застыло, словно все только что рассказанное одним из них и услышанное другим было всего лишь злой сказкой, дурным сном, у которого нет продолжения. Вот сейчас они проснутся, взойдет солнце, туман рассеется... Но солнце все не всходило, только куст догорел, с шипеньем погасли последние красноватые глаза углей, не стало видно лиц, и лишь тогда Ротанов нарушил наконец молчание.

— И что же дальше? Зачем ты меня искал?

— А вот этого я и сам как следует не знаю... Поверил наставнику, что ты можешь что-то изменить, исправить... Как будто это возможно... Ну да ладно. Я обещал проводить тебя на поляну, на ту самую, где проходит циклический переход. Пойдем.

И Ротанов почувствовал острый, болезненный укол совести, как будто был виноват в том, что ничего не сумел придумать, обманул его надежды, как будто был виноват в том, что сам все еще оставался человеком, в то время как Филин перестал им быть и никогда уже не сможет стать снова.

Он с трудом заставил себя подняться и шагнуть в сгустившийся туман за этой светлой, почти нереальной в темноте фигурой, месяц назад бывшей здоровенным парнем по имени Филин, а теперь вот ставшей синглимом, почти призраком, фантомом из страшной сказки... И он, инспектор Ротанов, каким-то образом был за это ответственным, потому что вовремя не разобрался в ситуации, не принял мер, ни черта не сумел исправить и даже понять на этой планете, и вот теперь бредет в потемках неизвестно куда... И думает о том, что право быть человеком остается за каждым, кто им рождается, до самой смерти, и никто не смеет посягнуть на это право, но вот все-таки посягнули... И раз так, его задача как инспектора предельно очевидна — он должен раз и навсегда сделать это невозможным, а не забивать себе голову сложными проблемами. От этого простого решения стало немного легче.

Тропинка вывела их на вершину холма. Кусты раздвинулись, и оттого, что ветер сносил с вершины туман, здесь было немного светлее. На несколько секунд в разрыве облаков показались звезды. Снизу, оттуда, где они недавно сидели у горящих кустов, тянуло промозглым холодом и не было видно ни малейшего огонька. Сырость притушила все следы пожара. Филин замедлил шаги, дождался, когда Ротанов догнал его, и пошел рядом.

— Мы уже пришли. Это где-то здесь. Я чувствую что-то. Кружится голова. И еще мне страшно. Побудь со мной рядом, это скоро начнется...

Ротанов ни о чем не спросил и только подумал, каким же должен был быть его ужас перед предстоящим, если такой человек, как Филин, признался в своем страхе. Ротанов крепче стиснул пульсатор. Под ногами хрустела галька и прибитая холодом, но все еще колючая и упругая, как стальная щетина, трава. Теперь они шли медленно, молча, почти торжественно, словно приглашенные на какую-то церемонию, таинственную мистерию этой сумасшедшей планеты. До вершины, на которой уже угадывалось широкое открытое пространство, оставалось всего несколько десятков шагов, и Ротанов почувствовал, что Филин незаметно подвинулся ближе к нему, словно во всем этом враждебном и холодном мире он остался для него единственной защитой.

— Может быть, тебе лучше не ходить дальше?

— Я уже не могу вернуться. Меня ноги не слушаются, тянет как магнит. Не хочу идти, а все равно иду...

— Что же ты раньше молчал? — Он схватил его за плечо, пытаясь остановить.

Филин отрицательно печально покачал головой.

— Это тоже не поможет. Уже поздно. Мы давно попали в зону. Да и что мне остается? Я ведь теперь синглим и должен жить как они. И не поймешь ты ничего без меня. Пойдем. Я и так задержался. Внутри смертельный холод, все словно застыло... Мы не можем жить без солнца так долго...

Вдруг Ротанов представил, что совсем недавно по этой самой тропинке, может быть сдерживая такой же леденящий, рвущийся наружу страх, прошла и она тоже... Кажется, он начинал понимать, почему она попросила не провожать ее в этот последний путь... Где-то он читал, в глубокой древности была такая дорога... Дорога на эшафот... Чтобы понять, что могли означать эти пустые для человека двадцать третьего века слова, нужно было побывать на этой тропинке. Скоро это кончится. Он никому не позволит больше испытывать здесь такой вот смертельный ужас.

В сером жемчужном сумраке они видели довольно далеко вокруг. Здесь никогда не бывает такой полной ночи, как на Земле. Виноваты крупные близкие звезды, и только облака да рваные полотнища тумана мешали рассмотреть, что там делалось впереди на огромной пологой поляне, покрывшей всю вершину холма. Кусты кончились, и оба остановились. Они уже стояли на краю поляны. На время Ротанов забыл о Филине, пораженный открывшимся ему зрелищем.

Всю поляну до самого края заполняли какие-то слабо светящиеся голубоватым светом предметы. Их было так много, что поляна походила на ночное небо, сплошь забитое странными холодными звездами. Ближайшие светящиеся предметы лежали у самых ног, и, присмотревшись, он понял, что это такое... Свет был слабым, мерцающим, и все же его

хватало, чтобы осветить травинки вокруг, влажные ветви кустов... Округлые изогнутые бока предметов, словно вылепленные неведомым скульптором, странным образом закручивались, смыкались друг с другом своей утонченной частью. Если смотреть слишком пристально, нельзя было уловить форму предмета.

Сколько их здесь, тысячи? Десятки тысяч? Кто и зачем принес их все сюда? Вдруг он вздрогнул, потому что рядом с ним что-то произошло. Он резко обернулся. На том месте, где только что стоял Филин, клубилось плотное бесформенное облако тумана. Оно постепенно расплывалось, меняло форму, вытягивалось вверх грибообразным султаном, наконец оторвалось от земли и медленно, словно нехотя, потянулось вверх.

У самого подножия этого туманного столба Ротанов увидел еще один светящийся предмет. Он мог бы поклясться, что минуту назад его там не было... Он задрал голову, стараясь рассмотреть, куда уходит туманный хвост, только что бывший Филином. Не так уж высоко над поляной висела плотная туча. Облако втянулось в нее, словно всосалось внутрь, послышался слабый чавкающий звук. Вся туча чуть заметно колыхалась. По ней шли от края до края световые волны, слабое мерцание на грани видимости сопровождало волны зеленоватых, розовых, голубых тонов, они шли друг за другом и неслышно исчезали, высвеченные по краям роем искорок.

Пожалуй, это было красиво. И еще он чувствовал странную отрешенность, потому что все происходящее было настолько чуждо, нечеловечно, что утратило тот первозданный оттенок ужаса, который сопровождал его до самой поляны. Он уже не испытывал ни гнева, ни страха. Только горечь да еще легкую грусть, какую всегда испытывает человек, случайно попавший на кладбище, потому что во всех этих гнилушках, рассыпанных по поляне, было что-то от кладбища...

«Ну вот ты и добрался до сгнившего сердца этой проклятой планеты», — сказал он себе и не испытал ни радости, ни удовлетворения. В нем появилась странная двойственность, словно внутри проснулся какой-то новый, неизвестный ему человек и чуть насмешливо и грустно наблюдал теперь за тем прежним Ротановым, который пришел на эту поляну, сжимая в руках оружие, собираясь кому-то мстить, творить суд и расправу, не имея ни малейшего права ни на то, ни на другое, потому что все происшедшее вообще оказалось за рамками обычных человеческих понятий о морали и логике.

Да и не мог он направить огненный смерч на эти кристаллы, в которых, как в спорах, хранились зародыши жизни. Все, что было и еще станет Филином, ею, Бэргом, десятками других существ, способных огорчаться, радоваться, страдать... В потоке пламени может наступить лишь окончательный конец, не он подарил им эту странную вторую жизнь, не ему и отбирать ее...

Он повернулся и медленно побрел обратно. Пульсатор на длинном ремне больно колотил его по плечам на каждом шагу. Он остановился и с раздражением засунул в рюкзак бесполезное и бессмысленное здесь оружие.

Поляна все еще лежала перед ним такая же тихая и странная, больше все-таки похожая на ночное небо, чем на кладбище. «Мы же вас не трогали... Зачем?» — тихо спросил он и, не получив ответа, побрел было дальше, но почти сразу же остановился. Ответ был где-то здесь, совсем рядом. Он выстраивался, возводился как стена из небольших кирпичей, самых разнообразных сведений, фактов, мелькавших в его голове до этого момента бессмысленной путаницей.

«Это такой комар... Прежде чем снести яйцо, он должен напиться человеческой крови...» — сказал ему инженер, и он ему не поверил.

«Вы абсолютно нормальны, абсолютно», — говорил доктор, закончив его полное обследование после первой встречи с люссом... И оказалось, он единственный во всей колонии не пострадал от этой встречи...

«Нет у них никакой злой воли, у этих люссов, — говорил доктор, — это лишь молекулярная взвесь, стая мошкар с простейшей программой поведения». И это уже было важным, потому что откуда-то же она взялась, эта программа, заставляющая люссов

нападать на людей, именно на людей... Правда, не на всяких, потому что одним их нападение не причиняет вреда, зато другие... «Гибернизация ослабляет наследственность, а мы все — потомки тех искалеченных полетом людей». «Иными словами, люсс не может повредить здоровому человеку?» — спросил он тогда и не получил ответа. Теперь он знает, это так и есть.

И еще... В свое время, изучив все материалы, которыми располагал, он пришел к выводу, что общество синглитов всего лишь раковая опухоль, способная к развитию только за счет людей. Теперь он знает еще один важный факт. Они не способны к самостоятельному размножению, действительно могут развиваться только за счет людей, но не всяких. Не всяких, а только больных! Пусть даже с их точки зрения больных — неважно, потому что в конце концов больные люди становились здоровыми синглитами... У него кружилась голова от этих мыслей. Он дошел уже до самого края поляны и остановился, опустил на траву. Вокруг все было очень тихо, и от радужного мерцания над головой мысли становились стройнее, словно облако помогало ему думать... Вдруг мелькнула догадка настолько важная, что он сразу забыл обо всем остальном.

В генетическом коде всех колонистов что-то было нарушено, что-то такое, что сделало их, с точки зрения люссов, больными, пригодными для атаки. Не эта ли случайность послужила причиной трагических событий? Но если это так, то получается очень странная и вполне логичная цепь, слишком странная и слишком логичная для того, чтобы быть всего лишь случайным стечением обстоятельств... Люссы не трогают здоровых, нападают на больных... Или старых?.. Превращают их в синглитов. В здоровых и молодых синглитов. Ведь у синглитов не бывает стариков. А что, если предположить, что все это не случайно? «Не может быть случайным такое множество совпадений! Ну же! Смелее! — приказал он себе. — Предположим, что рэниты так запрограммировали люссов, чтобы они могли старого или умирающего от болезней человека сохранить как личность, предоставить ему новую долгую жизнь. Пусть другую, непохожую на человеческую, но интересную, полную творчества, поиска, борьбы, искусства, любви, ощущения жизни! Да разве кто-нибудь откажется?!»

Сколько там они живут, эти синглиты, многие сотни лет? Величайший дар, вот что ты нашел внутри этой раковой опухоли, в самой ее сердцевине... Вот что скрывалось за всеми грязными наслоениями, за ошибками, трагическими случайностями, нелепым стечением обстоятельств, непониманием и страхом...

Они и сами не остаются внакладе, эти самые люссы. Они получают за счет человека индивидуальность, становятся личностью, а человеку дарят вторую жизнь. Неплохой симбиоз... Особенно если исправить все ошибки, уничтожить непонимание и сделать контакт человека с люссами абсолютно добровольным... А что в добровольцах не будет недостатка, в этом он уже не сомневался. И это было, пожалуй, самым главным. Стержнем всей проблемы. Он встал и еще раз осмотрел поляну. Теперь огоньки в холодной траве уже не казались ему гнилушками. Они были скорее светляками. Огоньками жизни, бесконечной, как ночное небо. «Если хочешь, я тебя подожду...» — сказала она на прощание. Пройдет еще сорок или пятьдесят лет. Он устанет от дальних космических дорог, одряхлеет его тело, в нем поселятся болезни, старость. И тогда, как знать, может быть, он захочет начать все сначала? Все эти долгие годы кто-то будет ждать его на этой планете. Время не властно над человеческой сущностью, над добротой, над любовью. Сейчас, завершив круг, он понял, что дорога, уведшая его когда-то от далекой Реаны, через бездны пространства и времени вернулась к своей изначальной точке. В белесом мареве тумана Ротанов видел образ женщины, тысячелетия назад родившейся на этой планете. Женщины, которую, несмотря ни на что, он сумел найти здесь вновь и опять потерять. Дорога жизни не имела конца. Он стоял у начала нового витка.